

В. И. ЛЕНИН

МАРКС

ЭНГЕЛЬС

МАРКСИЗМ

Vladimir Lenin

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

МАРКС
ЭНГЕЛЬС
МАРКСИЗМ

ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ

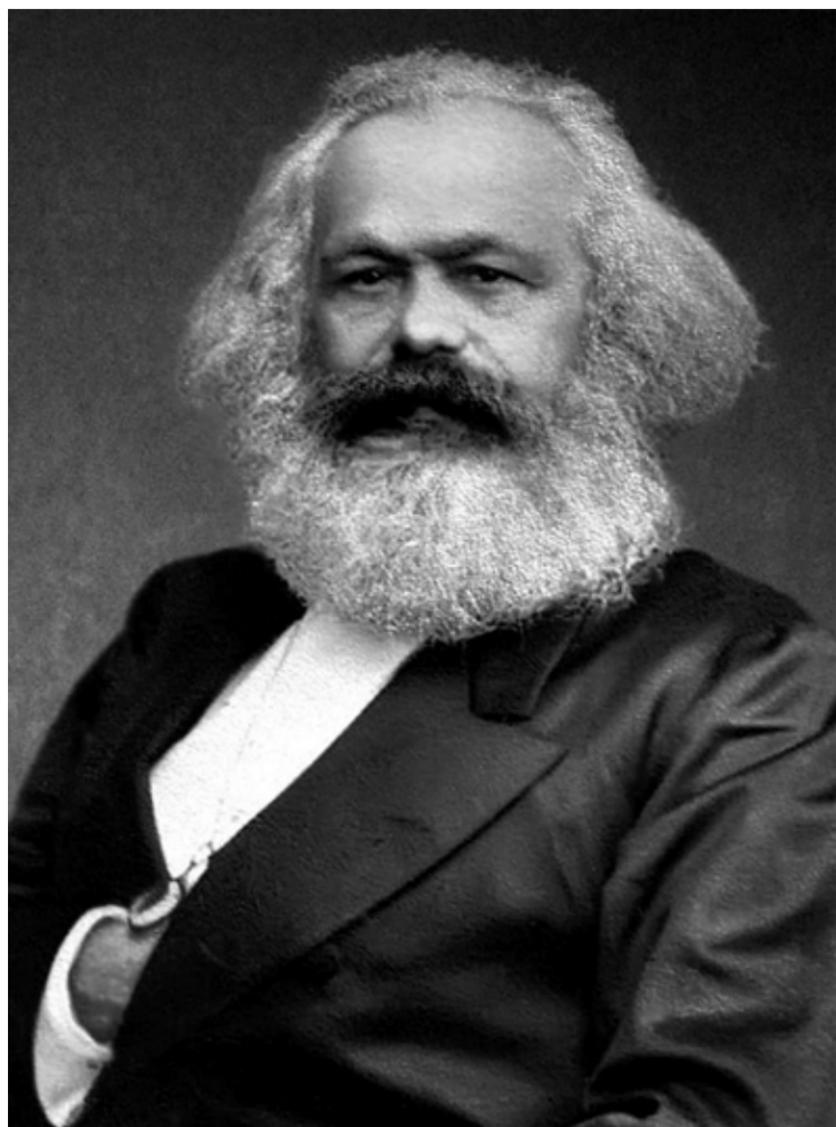

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1946

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП (б)

В настоящем, шестом, издании сборника текст ленинских произведений дается по третьему и четвертому изданиям Сочинений и четвертому изданию Избранных произведений в двух томах. Уточнены даты некоторых писем Маркса и Энгельса, цитируемых Лениным. Подстрочные примечания, если они не оговорены особо, принадлежат Ленину.

В приложении даны: 1. Указатель произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, упомянутых в настоящем сборнике, и 2. Предметный указатель.

КАРЛ МАРКС

Карл Маркс родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились сделать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения

философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие этих книг» — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кельне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 января 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кельн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. *Литературу*), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 г.г. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Ругэ (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Ругэ. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий *к массам и к пролетариату*.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 г.г., ниже: *Литература*. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической Партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кельн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 г.г., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»¹). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. *Литературу*) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение* Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I. 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х г.г. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый 1-й Интернационал, «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действенно*, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции 1871»), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального Совета Интернационала в Нью-Йорк.

¹ — «Господин Фогт». *Ред.*

1-й Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «*Капитала*», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (например, русский), но окончить «*Капитал*» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен вместе со своей женой и преданной служанкой, почти членом семьи, Еленой Демут, на кладбище Хайгейт в Лондоне.

УЧЕНИЕ МАРКСА

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—1845 г.г., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности

и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции» в отличие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве»). «Для Гегеля, — писал Маркс, — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, послесловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — ... «Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос,... что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает

свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись свою и Маркса 1844–1845 г.г. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливым пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики». См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 декабря 1866 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гексли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе

и Фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

ДИАЛЕКТИКА

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные

их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловно, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием,

столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательно (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 янв. 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой.)

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. «Технология, — говорит Маркс («Капитал», I), — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной

ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации». (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства».)

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций,

рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — говорит Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче,

угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели,

как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений (*с.м. Литературу*) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения, — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство *товаров*, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

СТОИМОСТЬ

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью*. Меновая стоимость (или просто стоимость) является

прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее между ними то, что они — *продукты труда*. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей *общественно-необходимого* рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, при том отношении, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные

количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости и денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение исторического *процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было — Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д — Т — Д, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью

называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в *капитал*, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравнились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным

капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере $\frac{6}{6}$, т. е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность «свободного» в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, «пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.)

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала*, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства* плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машинной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию *кризисов* перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«*Историческую тенденцию капиталистического накопления*» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных

и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I).

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения

общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по *ценам производства* (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом, общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение

стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства сельскохозяйственных продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон

убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монополярная цена рождает *абсолютную ренту*. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *может* — напр., при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое, однако, отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 авг. 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 авг. 1862 г., там же, стр. 86—87). — К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старей Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина

является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии*. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами, в свою очередь, держали крепостных. У этих крестьян развивается, таким образом, постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332)... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I², 778). Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль в деле создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. неземледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I², 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только

с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Клас. борьба во Франции»). «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату». Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Клас. борьба во Франции»). В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства»? («Капитал», III², 340). В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда» («Капитал», III², 340). Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти

кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцельной (мелкой) собственности». Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мариологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, след., развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы).

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием

формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготавливаются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно

превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное

представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно,

будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»).

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—1845 г.г. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении *все* сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половичатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя

впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, с. 127 «Переписки»). На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе, одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом»), отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце

концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу серединки «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (*и исходом*) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848—1849 г.г. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся, между прочим, образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена *назад*... «без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами; ... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом; ... без инициативы; ... окаянный старик, осужденный на то, чтобы

в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа...» («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212 стр.). Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848–1849 г.г., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер — Виллих и борьба с ними), требуя умения работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы-«мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108). Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210), между прочим, именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло», — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — «в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217). В период 1864–1870 г.г., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассалья, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком, и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру,

а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним *и на почве*, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—441). В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе и исходе пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—1878 г., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424. Ср. также письма к Зорге).

БИБЛИОГРАФИЯ МАРКСИЗМА

ЛИТЕРАТУРА

Полное собрание сочинений и писем Маркса не издано еще до сих пор. На русский язык переведена бóльшая часть произведений Маркса, чем на какой-либо другой язык. Нижеследующий перечень этих произведений составлен в хронологическом порядке. К 1841 году относится диссертация Маркса о философии Эпикура (вошла в посмертное издание — «Литературное Наследство», о нем ниже). В этой диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения. К 1842 году относятся статьи Маркса в «Рейнской Газете» (Кельн), в особенности критика прений о свободе печати в шестом рейнском ландтаге, затем по поводу законов о краже леса, далее: защита освобождения политики от теологии и др. (вошли частью в «Литературное Наследство»). Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В 1844 г. выходит в Париже под редакцией Маркса и Арнольда Ругэ «Немецко-Французский Ежегодник», где вышеуказанный переход совершается окончательно. Особенно замечательны статьи Маркса: «Введение в критику гегелевской философии права» (кроме «Литературного Наследства» есть отдельное издание брошюрой) и «К еврейскому вопросу» (тоже; брош. в изд. «Знание», «Дешевая библиотека» № 210). В 1845 году Маркс и Энгельс издают вместе (во Франкфурте-на-Майне) брошюру: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о» (кроме «Литературного Наследства» есть по-русски два отдельных издания брошюрой,

в изд. «Нового Голоса», СПб. 1906, и «Вестника Знания», СПб. 1907 г.). К весне 1845 г. относятся тезисы Маркса о Фейербахе (напечатаны в приложении к брошюре Фр. Энгельса: «Людвиг Фейербах»; есть русский перевод). В 1845—47 г.г. Маркс писал ряд статей (большой частью не собранных, не переизданных и не переведенных на русский) в газетах: «Vorwärts»¹ — изд. в Париже, «Brüsseler Deutsche Zeitung»² (1847), «Das Westphälische Dampfboot» Bielefeld³, 1845—1848, «Der Gesellschaftsspiegel» (1846, Elberfeld)⁴, «Немецкая Брюссельская Газета» — Брюссель, «La Réforme»⁵ — Париж и др. К 1847 году относится изданное в Брюсселе и Париже основное сочинение Маркса против Прудона: «Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты“ г-на Прудона» (по-русски три издания «Нового Мира», одно Г. Львовича, одно Алексеевой, одно «Просвещения», все в 1905—1906 г.г.). В 1848 г. издана в Брюсселе «Речь о свободе торговли» (есть русский перевод) и затем в Лондоне, в сотрудничестве с Фр. Энгельсом, знаменитый, переведенный едва ли не на все языки Европы и частью других стран мира, «Манифест Коммунистической Партии» (русский перевод около 8 изданий 1905—1906 г.г., «Молота», «Колокола», Алексеевой и др., большей частью конфискованных, под разными названиями: «Комм. Маниф.», «О коммунизме», «Общественные классы и коммунизм», «Капитализм и коммунизм», «Философия истории»; полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью «Группы „Освобождение труда“»). С 1 июня 1848 по 19 мая 1849 выходила в Кельне «Новая Рейнская Газета», главным редактором которой фактически был Маркс. Многочисленные статьи Маркса в этой газете, донныне остающейся лучшим, непревзойденным органом революционно-го пролетариата, не собраны и не переизданы полностью.

¹ — «Вперед». *Ред.*

² — «Немецкая Брюссельская Газета». *Ред.*

³ — «Вестфальский Пароход», Бильфельд. *Ред.*

⁴ — «Зеркало Общества», Эльберфельд. *Ред.*

⁵ — «Реформа». *Ред.*

Наиболее важные вошли в «Литературное Наследство». Отдельной брошюрой многократно издавались статьи Маркса из этой газеты «Наемный труд и капитал» (по-русски 4 издания, Козмана, «Молота», Мягкова и Львовича, 1905—1906 г.г.). Из той же газеты: «Либералы у власти» (изд. «Знание», «Дешев. Библ.» № 272. СПб. 1906). В 1849 г. Маркс издал в Кельне «Два политические процесса» (две защитительные речи Маркса, оправданного судом присяжных по обвинениям в преступлении печати и в призыве к вооруженному сопротивлению правительству. Русский перевод 5 изданий 1905—1906 г.г., Алексеевой, «Молота», Мягкова, «Знания», «Нового Мира»), В 1850 г. Маркс издал в Гамбурге 6 №№ журнала: «Новая Рейнская Газета». Важнейшие статьи отсюда вошли в «Литературное Наследство». Особенно замечательны переизданные Энгельсом в 1895 г. брошюрой статьи Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.» (русский перевод, изд. М. Малых, «Библ.» № 59—60; также в сборнике: «Собрание исторических работ», пер. Базарова и Степанова, изд. Скирмунта, СПб. 1906 г., тоже: «Мысли и взгляды о жизни XX века», СПб. 1912 г.). В 1852 г. в Нью-Йорке вышла брошюра Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (русский перевод в только что названных сборниках). В том же году в Лондоне: «Разоблачения относительно кельнского процесса коммунистов» (русс. пер.: «Кельнский процесс коммунаров», № 43 «Популярно-Научной Библиотеки», СПб. 1906, 28 окт.). С августа 1851 по 1862 г.¹ Маркс был постоянным сотрудником нью-йоркской газеты «Трибуна» («The New York Tribune»), где многие из его статей появились без подписи, как редакционные. Особенно замечательны статьи: «Революция и контрреволюция в Германии», переизданные, после смерти Маркса и Энгельса, в немецком переводе (русский перевод в двух сборниках, пер. Базарова и Степанова, затем отдельной брошюрой пять изданий 1905—1906 г.г.,

¹ Энгельс в статье о Марксе в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Bd. 6, S. 603 («Словарь государственных наук», том 6, с. 603. *Ред.*) и Бернштейн в статье о Марксе в 11-м издании «Британской Энциклопедии» 1911 г. ошибочно указывают 1853—60 г.г. Смотри переписку Маркса и Энгельса, изданную в 1913 году.

Алексеевой, «Общественной Пользы», «Нового Мира», «Всеобщей Библиотеки» и «Молота»). Некоторые из статей Маркса в «Трибуне» изданы были в Лондоне отдельными брошюрами, напр., о Пальмерстоне в 1856 г., «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века» (о постоянной корыстной зависимости английских министров либеральной партии от России) и др. После смерти Маркса его дочь Элеонора Эвелинг издала ряд статей его из «Трибуны» по восточному вопросу под заглавием: «The Eastern Question». London. 1897. [«Восточный вопрос», часть переведена на русский: «Война и революция». Вып. I. Маркс и Энгельс: «Неизданные статьи (1852, 53, 54 г.г.)». Харьков. 1919. (Библ. «Наша Мысль»)]. С конца 1854 г. Маркс сотрудничал, также в течение 1855 г., в газете «Neue Oder-Zeitung»¹, а в 1861—62 г.г. в венской газете «Presse»². Статьи эти не собраны и лишь частью появлялись в «Neue Zeit», как и многие письма Маркса. То же относится к статьям Маркса из газеты «Das Volk»³ (Лондон. 1859 г.) относительно дипломатической истории итальянской войны 1859 г. В 1859 г. в Берлине вышло сочинение Маркса: «К критике политической экономии» (русский перевод, М. 1896 г., под ред. Мануйлова, и СПб. 1907 г., перевод Румянцева). В 1860 г. в Лондоне вышла брошюра Маркса «Herr Vogt» («Г-н Фогт»).

В 1864 г. в Лондоне вышло написанное Марксом «Обращение Международного товарищества рабочих» (есть русский перевод). Маркс был автором многочисленных манифестов, обращений и резолюций Генерального Совета Интернационала. Весь этот материал далеко еще не разработан и даже не собран. Первым приступом к этой работе является книга Г. Иэкка: «Интернационал» (русский перевод СПб. 1906, изд. «Знание»), где напечатаны, между прочим, некоторые письма Маркса и составленные им проекты постановлений. К числу написанных Марксом документов Интернационала относится манифест Генерального Совета по поводу

¹ — «Новая Одерская Газета». *Ред.*

² — «Печать». *Ред.*

³ — «Народ». *Ред.*

Парижской Коммуны, вышедший в 1871 г. в Лондоне отдельной брошюрой под заглавием: «Гражданская война во Франции» (рус. пер. под ред. Ленина, изд. «Молота» и др. изд.). К эпохе 1862—1874 г.г. относится переписка Маркса с членом Интернационала Кугельманом (два издания в рус. пер., одно перевод А. Гойхбарга, другое под ред. Ленина). В 1867 г. в Гамбурге вышло в свет главное сочинение Маркса: «Капитал. Критика политической экономии». Т. I. Второй и третий тома изданы после смерти Маркса Энгельсом в 1885 и 1894 г.г. Русский перевод: т. I — пять изданий (два в пер. Даниельсона, 1872 и 1898 г.г., два в пер. Е. А. Гурвич и Л. М. Зака под ред. Струве, 1-е изд. — 1899, 2-е — 1905, одно под ред. Базарова и Степанова). Т.т. II и III — по два издания (пер. Даниельсона менее удовлетворительный) и в переводе под ред. Базарова и Степанова (лучший). В 1876 г. Маркс принял участие в составлении книги Энгельса «Анти-Дюринг» («Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft»), просмотрев в рукописи все сочинение и написав целиком главу, посвященную истории политической экономии.

Затем, после смерти Маркса были изданы следующие его произведения: «Критика Готской программы» (СПБ. 1906 г., по-немецки в «Neue Zeit», 1890/91, № 18). «Заработная плата, цена и прибыль» (доклад, читанный 26 июня 1865 г. «Neue Zeit», XVI, 1897/98, русский перевод в изд. «Молот» 1906 г. и Львовича 1905 г.). «Литературное Наследство К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассаля», 3 тома. Штутгарт. 1902. (Русский перевод под ред. Аксельрода и др. 2 т.т. СПБ. 1908. I том еще под ред. Е. Гурвич, М. 1907. Отдельно изданы письма Лассаля к Марксу, входят в «Литературное Наследство».) «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге» (два изд. по-русски, одно под ред. Аксельрода, другое — с пред. Ленина, изд. Дауге). «Теории прибавочной стоимости», 3 т.т. в 4-х частях, Штутгарт, 1905—1910, изданная Каутским рукопись четвертого тома «Капитала» (русс. пер. только первого тома в трех изданиях: СПБ. 1906, под ред. Плеханова; Киев, 1906, под ред. Железнова; Киев, 1907, под ред. Тучапского). В 1913 г. вышли в Штутгарте 4 больших тома «Переписки К. Маркса и Фр. Энгельса», содержащие 1386 писем за период времени

с сентября 1844 по 10 января 1883 года и дающие массу в высшей степени ценного материала к изучению биографии и воззрений К. Маркса. В 1917 г. вышли 2 тома Маркса и Энгельса: Статьи 1852—1862 г.г. (по-немецки). В заключение по поводу этого перечня произведений Маркса необходимо оговориться, что сюда не вошли еще некоторые из более мелких статей и отдельных писем, помещавшихся большей частью в «Neue Zeit», «Vorwärts» и др. периодических соц.-дем. изданиях на немецком языке; несомненно также, что не полон и список всех переводов Маркса на русский язык, особенно брошюр в 1905—1906 г.г.

Литература о Марксе и марксизме необычайно велика. Мы отметим лишь наиболее существенное, разделяя авторов на три главные отдела: марксистов, стоящих в существенном на точке зрения Маркса; буржуазных писателей, по существу враждебных марксизму, и ревизионистов, якобы признающих те или иные основы марксизма, а на деле заменяющих его буржуазными воззрениями. Как своеобразно русскую разновидность ревизионизма следует рассматривать народническое отношение к Марксу. В. Зомбарт в своем «Ein Beitrag zur Bibliographie des Marxismus» (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, XX, 2. Heft, 1905, S.S. 413—430¹) приводит 300 названий в далеко не полном списке. Для пополнения его см. «Neue Zeit», указатели за 1883—1907 г.г. и последующие годы. Затем см. Josef Stammhammer: «Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus». Bd. I—III. Jena (1893—1909)². Далее для детальной библиографии марксизма можно указать еще: «Bibliographie der Sozialwissenschaften». Berlin. Jahrgang 1, 1905 u. ff.³. (См. также Н. А. Рубакин, «Среди книг», т. II, 2-е изд.). Мы приводим здесь лишь наиболее существенное. По вопросу о биографии Маркса следует указать прежде

¹ — «Библиография марксизма» (Архив социальных наук и социальной политики, XX том, 2 книга. 1905 г., стр. 413—430). *Ред.*

² — Иосиф Штаммгаммер. «Библиография социализма и коммунизма». Т.т. I—III. Иена (1893—1909). *Ред.*

³ — «Библиография социальных наук». Берлин. Год издания 1, 1905 и сл. г. *Ред.*

всего на статьи *Фр. Энгельса* в «*Volkskalender*»¹, изданном Браккэ в Брауншвейге в 1878 г., и в «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*». Bd. 6, S. 600–603. *W. Liebknecht*: «*Karl Marx zum Gedächtniss*». Nürnberg. 1896². *Lafargue*: «*K. Marx. Persönliche Erinnerungen*»³. *В. Либкнехт*: «*Карл Маркс*». 2 изд. СПб. 1906. *П. Лафарг*: «*Мои воспоминания о К. Марксе*». Одесса. 1905. (См. ориг. в «*Neue Zeit*», IX, I.) «*Памяти К. Маркса*». СПб. 1908, стр. 410, сборник статей Ю. Невзорова, Н. Рожкова, В. Базарова, Ю. Стеклова, А. Финна-Енотаевского, П. Румянцева, К. Реннера, Г. Ролланд-Гольст, В. Ильина, Р. Люксембург, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, П. Орловского и М. Таганского. *Фр. Меринг*: «*Карл Маркс*». Обширная биография Маркса на английском языке, составленная американским социалистом Спарго (*Spargo*: «*K. Marx, his life and work*». London, 1911⁴), неудовлетворительна. Общий обзор деятельности Маркса см. *К. Каутский*: «*Die historische Leistung von K. Marx. Zum 25 Todestag des Meisters*». Berlin. 1908⁵. Русск. перевод: «*К. Маркс и его историческое значение*». СПб., 1908. Ср. также популярную брошюру *Klara Zetkin*: «*K. M. und sein Lebenswerk*» (1913)⁶. Воспоминания о Марксе: *Анненкова* в «*Вестнике Европы*», 1880, № 4 (и «*Воспоминания*», т. III. «*Замечательное десятилетие*». СПб. 1882) и *Карла Шурца* в «*Русском Богатстве*». 1906, № 12; *М. Ковалевского* в «*Вестнике Европы*», 1909, VI и сл.

По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова: «*За 20 лет*». СПб. 1909, 3-е изд.; «*От обороны к нападению*». СПб. 1910; «*Основные вопросы марксизма*». СПб. 1908; «*Критика наших критиков*». СПб. 1906; «*К вопросу о развитии монистического взгляда на историю*». СПб. 1908, и др. соч. *Антонио Лабриола*: «*К вопросу о материалистическом*

¹ — «*Народный Календарь*». *Ред.*

² — *В. Либкнехт*. «*Памяти Карла Маркса*». Нюрнберг. 1896. *Ред.*

³ — *Лафарг*. «*К. Маркс. Личные воспоминания*». *Ред.*

⁴ — *Спарго*. «*К. Маркс, его жизнь и учение*». Лондон, 1911. *Ред.*

⁵ — *К. Каутский*. «*Историческое значение К. Маркса. К 25-летию смерти учителя*». Берлин. 1908. *Ред.*

⁶ — *Клара Цеткин*. «*Карл Маркс и его деятельность*» (1913). *Ред.*

взгляде на историю». СПб. 1898. *Его же*: «Исторический материализм и философия». СПб. 1906. *Фр. Меринг*: «Об историческом материализме». СПб. 1906 (2 изд.: «Просвещения» и «Молота»). *Его же*: «Легенда о Лессинге». СПб. 1908 («Знание»). Ср. также (немарксист) *Ш. Андлер*: «Коммунистический Манифест. История, введение, комментарий». СПб. 1906. См. также «Исторический материализм». СПб. 1908, сборник статей Энгельса, Каутского, Лафарга и мн. др. *Л. Аксельрод*: «Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма». СПб. 1906. Специальная защита неудачных отступлений Дицгена от марксизма у *Е. Untermann*: «Die logischen Mängel des engeren Marxismus». München. 1910¹ (753 стр. — обширный, но несерьезный труд). *Hugo Riekes*: «Die philosophische Würzel des Marxismus» в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 62. Jahrgang, 1906, 3. Heft, S. 407—432², интересная работа противника марксовых взглядов, показывающего их философскую цельность с точки зрения материализма. *Benno Erdmann*: «Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung» в «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft» (Schmollers Jahrbuch). 1907, 3. Heft, S. 1—56³, (свод философских возражений против марксизма) очень полезная формулировка некоторых основных положений философского материализма Маркса и свод возражений с ходячей точки зрения кантианства и агностицизма вообще. *R. Stammler*: «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung». 2 изд. Lpz. 1906⁴ (кантианец). *Вольтман*: «Исторический материализм», рус. перевод, 1901 г. (также кантианец). *Форлендер*: «Кант и Маркс». СПб. 1909 (тоже). Ср. также полемику между

¹ — *Е. Унтерманн*. «Логические недостатки ортодоксального марксизма». Мюнхен. 1910. *Ред.*

² — *Гуго Рикес*. «Философские корни марксизма» «Журнал государственных наук», 62 год издания. 1906, 3 книга, стр. 407—432. *Ред.*

³ — *Бенно Эрдман*. «Философские предпосылки материалистического понимания истории» «Ежегодник Законодательства, Управления и народного хозяйства» (Ежегодные Шмоллера). 1907, 3-я книга, стр. 1-56. *Ред.*

⁴ — *Р. Штаммлер*. «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории». 2 изд. Лейпциг. 1906. *Ред.*

А. Богдановым, В. Базаровым и др. («Очерки по философии марксизма», СПб. 1908. А. Богданов: «Падение великого фетишизма». М. 1909 и др. соч.) и В. Ильиным («Материализм и эмпириокритицизм». Москва. 1909). По вопросу об историческом материализме и этике: К. Каутский: «Этика и материалистическое понимание истории». СПб. 1906 и многочисленные другие произведения Каутского. Затем Boudin: «Das theoretische System von K. Marx». Stuttg. 1909 (Л. Б. Будин: «Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики», перев. с английск. под ред. В. Засулич. СПб. 1908). Hermann Gorter: «Der historische Materialismus», 1909¹. Из сочинений противников марксизма укажем: Туган-Барановского: «Теоретические основы марксизма». СПб. 1907. С. Прокопович: «К критике Маркса». СПб. 1901. Hammacher: «Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus» (Lpz. 1910², стр. 730 — собрание цитат). В. Зомбарт: «Социализм и социальное движение в XIX в.». СПб. Max Adler (кантианец): «Kausalität und Teleologie» (Wien. 1909: «Marx-Studien») и «Marx als Denker»³.

Достойна внимания книга идеалиста гегельянца Giov. Gentile: «La philosophia di Marx» (Pisa. 1899)⁴ — автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. п., — и Lévy: «Feuerbach»⁵ — об одном из главнейших философских предшественников Маркса. Полезный свод цитат из ряда сочинений Маркса у Чернышева: «Памятная книжка марксиста». СПб. («Дело») 1908. По вопросу об экономическом учении Маркса: К. Каутский: «Экономическое учение Маркса» (многочисленные русск. издания), его же: «Аграрный вопрос», «Эрфуртская программа» и многочисленные брошюры. Ср. еще Бернштейн: «Экономическое

¹ — Герман Горттер. «Исторический материализм», 1909. Ред.

² — Гаммакер. «Философско-экономическая система марксизма» (Лейпциг. 1910). Ред.

³ — Макс Адлер. «Причинность и телеология» (Вена. 1909. Материалы к изучению Маркса) и «Маркс как мыслитель». Ред.

⁴ — Джованни Джентиле. «Философия Маркса» (Пиза. 1899 год). Ред.

⁵ — Леви. «Фейербах». Ред.

учение Маркса». 3-й том «Капитала» (русск. перев. 1905); *Габриэль Девиль*: «Капитал» (изложение I тома «Капитала», русский перевод 1907). Представителем так называемого ревизионизма среди марксистов по аграрному вопросу является *Э. Давид*: «Социализм и сельское хозяйство» (рус. перев. СПб. 1902). Критику ревизионизма см. у *В. Ильина*: «Аграрный вопрос», ч. I. СПб. 1908. См. также *В. Ильин*: «Развитие капитализма в России». 2-е изд. СПб. 1908, и *его же*: «Экономические этюды и статьи». СПб. 1899. *В. Ильин*: «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», вып. I. 1917. Применение взглядов Маркса, с некоторыми отступлениями, к новейшим данным об аграрных отношениях во Франции у *Compère-Morel*: «La question agraire et le socialisme en France». Paris. 1912¹ (455 стр.). Дальнейшее развитие экономических взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни см. у *Гильфердинга*: «Финансовый капитал». СПб. 1911. (Исправление существенных неправильностей во взглядах автора на теорию стоимости см. у Каутского в «*Neue Zeit*»: «Gold, Papier und Ware» — «Золото, бумажные деньги и товары» — 30, I; 1912, S. 837, 886.) *В. Ильин*: «Империализм, как новейший этап капитализма». 1917 г. В существенных пунктах отстает от марксизма *П. Маслов*: «Аграрный вопрос» (2 т.т.) и «Теория развития народного хозяйства» (СПб. 1910 г.). Критику некоторых из этих отступлений см. у Каутского в «*Neue Zeit*», XXIX, 1, 1911, статья: «Мальтузианизм и социализм».

Критика экономического учения Маркса с точки зрения широко распространенной среди буржуазных профессоров теории «предельной полезности»: *Böhm-Bawerk*: «Zum Abschluss des Marxschen Systems» (Brl. 1896 в «*Staatswiss. Arbeiten*», Festgabe für K. Knies). Есть русск. перевод: СПб. 1897, «Теория Маркса и ее критика», и *его же* «*Kapital und Kapitalzins*», 2 изд. Insbr. 1900—1902, 2 т. («Капитал и прибыль». СПб. 1909). Далее см.: *Riekens*: «Wert und Tauschwert» (1899)²; *v. Bortkiewicz*:

¹ — *Компер-Морель*. «Аграрный вопрос и социализм во Франции». Париж. 1912. *Ред.*

² — *Рикес*. «Стоимость и меновая стоимость» (1899). *Ред.*

«Wertrechnung u. Preisrechnung im Marxschen System» (Archiv f. Sozialw., 1906—1907)¹; *Leo v. Buch*: «Über die Elemente d. polit. Oekonomie. Die Intensität d. Arbeit, Wert u. Preis»² (изд. также по-русски). Разбор критики Бем-Баверка с марксистской точки зрения: *Hilferding*: «Böhm-Bawerks Marx-Kritik» («Marx-Studien», Bd. I. Wien, 1904)³ и более мелкие статьи в «Neue Zeit».

По вопросу о двух главных направлениях в истолковании и развитии марксизма, — «ревизионистском» и радикальном («ортодоксальном»), см. *Эд. Бернштейн*: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (нем. ориг. Stuttg. 1899; рус. пер. «Историч. материализм», СПб. 1901. «Социальные проблемы», М. 1901), ср. также *его же*: «Очерки из истории и теории социализма». СПб. 1902. Ответ ему: *К. Каутский*: «Бернштейн и с.-д. программа» (нем. ориг. Stuttg. 1899. Рус. пер. 4 издания 1905—1906 г.г.). Из французской марксистской литературы: *Jules Guesde*: «Quatre ans de lutte des classes»⁴, «En garde!»⁵, «Questions d'aujourd'hui» (Paris, 1911)⁶; *P. Laforgue*: «Le déterminisme économique de K. Marx» (Paris, 1909)⁷. *Ant. Pannekoek*: «Zwei Tendenzen in der Arbeiter-Bewegung»⁸.

По вопросу о марксовой теории накопления капитала новая работа *Rosa Luxemburg*: «Die Akkumulation des Kapitals» (Brl. 1913)⁹ и разбор ее неправильного толкования теории Маркса у *Otto Bauer*: «Die Akkumulation des Kapitals»¹⁰ («Neue Zeit»,

¹ — *Борткевич*. «Определение стоимости и цены в системе Маркса». (Архив социальных наук. 1906—07). *Ред.*

² — *Л. Бух*. «Основные элементы политической экономии. Интенсивность труда, стоимость и цена». *Ред.*

³ — *Гильфердинг*. «Бем-Баверк как критик Маркса». («Материалы к изучению Маркса», том. I. Вена, 1904). *Ред.*

⁴ — *Жюль Гэд*. «Четыре года классовой борьбы». *Ред.*

⁵ — «На страже». *Ред.*

⁶ — «Текущие вопросы». (Париж, 1911 год). *Ред.*

⁷ — *П. Лафарг*. «Экономический детерминизм К. Маркса». (Париж, 1909). *Ред.*

⁸ — *А. Паннекук*. «Две тенденции в рабочем движении». *Ред.*

⁹ — *Р. Люксембург*. «Накопление капитала». (Берлин, 1913). *Ред.*

¹⁰ — *О. Бауэр*. «Накопление капитала». *Ред.*

31 т., 1913, I, S.S. 831 и 862). *Eckstein* в «Vorwärts» и *Pannekoek* в «Bremer Bürger-Zeitung», 1913¹.

Из старой русской литературы о Марксе: *В. Чичерин*: «Немецкие социалисты» в «Сборнике государственных знаний» Безобразова, СПб. 1888, и «История политических учений», ч. 5. М. 1902, стр. 156. Ответ *Зибера*: «Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина» в «Собрании сочинений» т. II, СПб. 1900. *Л. Слонимский*: «Экономическое учение К. Маркса». СПб. 1898. *Н. Зибер*: «Давид Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». СПб. 1885 и «Собр. сочинений», 2 тома, СПб. 1900. Рецензия *И. Кауфмана* (И. К—на) на «Капитал» в «Вестнике Европы» 1872, № 5 — замечательна тем, что Маркс в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» цитировал рассуждения И. К—на, признавая их правильным изложением своего материалистически-диалектического метода.

Русские народники о марксизме: *Н. К. Михайловский* в «Русском Богатстве» 1894, № 10; 1895, №№ 1 и 2, перепеч. в собр. соч. — по поводу «Критических заметок» П. Струве (СПб. 1894), разобранных с марксистской точки зрения *К. Тулиным* (В. Ильин) в «Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб. 1895, уничтожено цензурой), перепечатано у *В. Ильина*: «За 12 лет». СПб. 1908. Далее, из народнической литературы: *В. В.*: «Наши направления». СПб. 1892. *Его же*: «От 70-х годов к 900-ым». СПб. 1907. *Николай — он*: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПб. 1893. *В. Чернов*: «Марксизм и аграрный вопрос». СПб. 1906. *Его же*: «Философские и социологические этюды». СПб. 1907.

Кроме народников отметим еще: *Н. Кареев*: «Старые и новые этюды об историческом материализме». СПб. 1896. 2-е изд. 1913 г. под заглавием: «Критика экономического материализма». *Масарик*: «Философские и социологические основания марксизма». М. 1900. *Кроче*: «Исторический материализм и марксистская экономия». СПб. 1902.

¹ — *Экштейн* в «Форвертсе» и *Паннекук* в «Бременской Гражданской Газете». *Ред.*

Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса*. Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса.

Критика Маркса с точки зрения анархизма см. у *В. Черкезова*: «Доктрины марксизма». СПб. 1905, 2 части; *В. Текер*: «Вместо книги». М. 1907. Синдикалист *Сорель*: «Социальные очерки современной экономии». М. 1908.

Июль – ноябрь 1914 г.

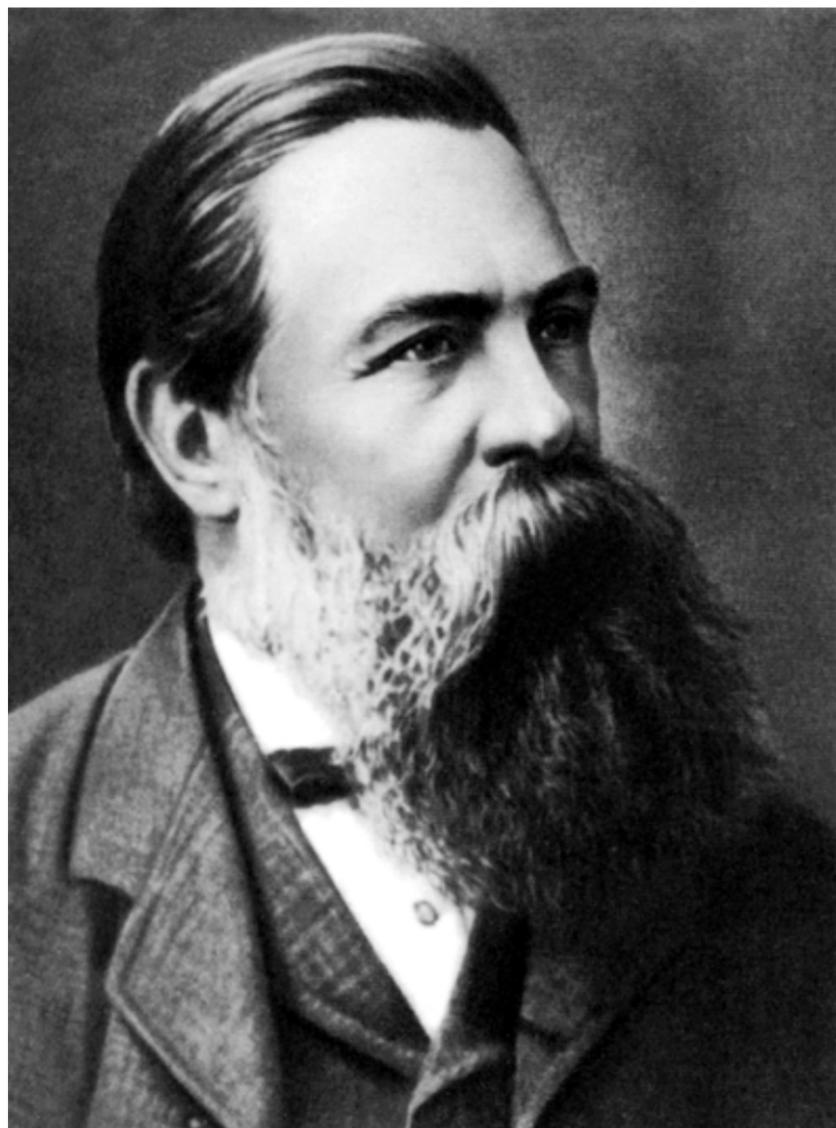
Соч., 3 изд., т. XVIII, стр. 5–43.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!

5-го августа нового стиля (24 июля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.) Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того, чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения. Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавит человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменной господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная

собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но, когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения были совершенной новостью. Тогда было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбой за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полиции и попов, не видели противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали как самостоятельная общественная сила. С другой стороны, было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашние социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только язву, с ужасом смотрели они, как с ростом промышленности растет и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на непрерывный рост пролетариата. Чем больше пролетариев, тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку.

Вот почему имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вот почему в нашем сборнике, цель которого, как и всех наших изданий, будить классовое

самосознание в русских рабочих, мы должны дать очерк жизни и деятельности Фридриха Энгельса, одного из двух великих учителей современного пролетариата.

Энгельс родился в 1820 году в г. Бармене, в Рейнской провинции прусского королевства. Отец его был фабрикантом. В 1838 году Энгельс семейными обстоятельствами был вынужден, не кончив гимназии, поступить в приказчики одного бременского торгового дома. Занятия купеческим делом не помешали Энгельсу работать над своим научным и политическим образованием. Еще гимназистом возненавидел он самодержавие и произвол чиновников. Занятия философией повели его дальше. В то время в немецкой философии господствовало учение Гегеля, и Энгельс сделался его последователем. Хотя сам Гегель был поклонником самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — *учение* Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если одни учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржуазии над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была *идеалистической*. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития¹, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие

¹ Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам и в частности Гегелю. «Без немецкой философии, — говорит Энгельс, — не было бы и научного социализма».

природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегельянкам, Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. С ним Энгельс познакомился в Англии, в центре английской промышленности, Манчестере, куда он перебрался в 1842 году, поступив на службу в торговый дом, одним из пайщиков которого был его отец. Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе, — он ходил по грязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия. Но он не удовольствовался личными наблюдениями, он прочел все, что было найдено до него о положении английского рабочего класса, он тщательно изучил все доступные ему официальные документы. Плодом этих изучений и наблюдений была вышедшая в 1845 году книга: «Положение рабочего класса в Англии». Мы уже упомянули выше, в чем главная заслуга Энгельса как автора «Положения рабочего класса в Англии». И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему.

Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего класса. Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться, как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Социалистом Энгельс сделался только в Англии. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях. В 1844 году, возвращаясь в Германию, он по пути познакомился в Париже с Марксом, с которым уже раньше у него завязалась переписка. Маркс в Париже под влиянием французских социалистов и французской жизни сделался тоже социалистом. Здесь друзья сообща написали книгу: «Святое семейство, или критика критической критики». В этой книге, вышедшей за год до «Положения рабочего класса в Англии» и написанной большей частью Марксом, заложены основы того революционно-материалистического социализма, главные мысли которого мы изложили выше. «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с их последователями. Эти господа проповедовали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую

деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате. Еще до «Святого семейства» Энгельс напечатал в «Немецко-Французском Журнале» Маркса и Ругэ «Критические очерки по политической экономии», в которых с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот.

Время от 1845 по 1847 г. Энгельс провел в Брюсселе и Париже, соединяя научные занятия с практической деятельностью в среде немецких рабочих Брюсселя и Парижа. Тут у Энгельса и Маркса завязались отношения с тайным немецким «Союзом коммунистов», который поручил им изложить основные начала выработанного ими социализма. Так возник напечатанный в 1848 году знаменитый «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира.

Революция 1848 г., разразившаяся сперва во Франции, а потом распространившаяся и на другие страны Западной Европы, привела Маркса и Энгельса на родину. Здесь, в Рейнской Пруссии, они стали во главе демократической «Новой Рейнской Газеты», издававшейся в Кельне. Оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолели. «Новая Рейнская Газета»

была запрещена, Маркс, потерявший за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, был выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании, в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон.

Там же поселился и Маркс. Энгельс вскоре снова сделался приказчиком, а потом и пайщиком того торгового дома в Манчестере, в котором он служил в 40-х годах. До 1870 года он жил в Манчестере, а Маркс в Лондоне, что не мешало им находиться в самом живом духовном общении: они почти ежедневно переписывались. В этой переписке друзья обменивались своими взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм. В 1870 г. Энгельс перебрался в Лондон и до 1883 г., когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодом ее были — со стороны Маркса — «Капитал», величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса — целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовем: полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук)¹, «Происхождение семьи, собственности и государства» (перев. на русский яз., издано в С.-Петербурге, 3-е изд., 1895), «Людвиг Фейербах» (русский перевод с примеч. Г. Плеханова, Женева, 1892), статья об иностранной политике русского правительства (переведена на русский язык в жевевском «Социал-Демократе» №№ 1 и 2), замечательные статьи

¹ Это удивительно содержательная и поучительная книга. Из нее, к сожалению, на русский язык переведена только небольшая часть, содержащая исторический очерк развития социализма («Развитие научного социализма», 2-ое изд., Женева, 1892).

о квартирном вопросе, наконец, две маленькие, но очень ценные статьи об экономическом развитии России («Фридрих Энгельс о России», перев. на русский язык В. И. Засулич, Женева, 1894). Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III тома «Капитала». В 1885 г. он издал II-ой, в 1894 г. III-ой том (IV-й том он не успел обработать). Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II-го и III-го томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса. Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда — и, в общем, совершенно справедливо — ставил себя позади Маркса. «При Марксе, — писал он одному старому приятелю, — я играл вторую скрипку». Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

После движения 1848—1849 г.г. Маркс и Энгельс в изгнании занимались не одной только наукой. Маркс создал в 1864 г. «Международное общество рабочих» и в течение целого десятилетия руководил этим обществом. Живое участие в его делах принимал также и Энгельс. Деятельность «Международного общества», соединявшего, по мысли Маркса, пролетариев всех стран, имела огромное значение в развитии рабочего движения. Но и с закрытием в 70-х годах «Международного общества» объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло

и само движение. После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран, — напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса.

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами. Оба они сделали социалистами из *демократов*, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в *политическом* отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отклик. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы — естественно, являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должно быть его собственным делом», — вот чему постоянно учили Маркс и Энгельс. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известные *политические* права. Кроме того, и Маркс, и Энгельс ясно видели, что и для западно-европейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно выгодное международное

положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучшего друга.

Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!

Осень 1895 г.

Соч., 4 изд., т. 2, стр. 5–18.

ПЕРЕПИСКА МАРКСА С ЭНГЕЛЬСОМ

ЭНГЕЛЬС, КАК ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА

Давно обещанное издание переписки знаменитых основателей научного социализма наконец увидело свет. Энгельс завещал издание Бебелю и Бернштейну, и Бебель успел незадолго до своей смерти покончить свою часть редакционной работы.

Переписка Маркса и Энгельса, вышедшая несколько недель тому назад в Штутгарте у Дитца, представляет из себя четыре больших тома. В них вошло всего 1386 писем Маркса и Энгельса за громадный промежуток времени с 1844 по 1883 год.

Редакторская работа, т. е. составление предисловий к переписке за отдельные периоды, выполнена Эд. Бернштейном. Как и следовало ожидать, эта работа неудовлетворительна ни с технической, ни с идейной стороны. Бернштейну нельзя было братья, — после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом. Предисловия Бернштейна частью бессодержательны, частью прямо фальшивы, — например, когда вместо точной, ясной, прямой характеристики оппортунистических ошибок Лассаля и Швейцера, разоблачаемых Марксом и Энгельсом, встречаешь эклектические фразы и выпады вроде того, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы против Лассаля» (т. III, стр. XVIII) или будто они «ближе были» по тактике к Швейцеру, чем к Либкнехту (т. IV, стр. X). Никакого иного

содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма, в этих выпадах нет. К сожалению, эклектическое отношение к идейной борьбе Маркса со многими его противниками все сильнее распространяется среди современной немецкой социал-демократии.

С технической стороны, неудовлетворительно составлен указатель, один ко всем четырем томам (например, пропущены имена Каутского, Стирлинга); примечания к отдельным письмам слишком скудны и затеряны в предисловиях редактора вместо того, чтобы поместить их рядом с соответствующими письмами, как это сделал Зорге, и т. д.

Издана переписка непомерно дорого — около 20 руб. за все четыре тома. Нет сомнения, что можно и должно было издать полную переписку менее роскошно за более доступную цену, а кроме того выпустить — для широкого распространения среди рабочих — извлечение важнейших в принципиальном отношении мест.

Все эти недостатки издания, конечно, затруднят ознакомление с перепиской. Это жаль, ибо научная и политическая ценность ее громадна. Не только Маркс и Энгельс выступают здесь перед читателем с особенной рельефностью во весь свой рост. Богатейшее теоретическое содержание марксизма развертывается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное.

Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах. Еще ценнее история *политики* рабочего класса. По самым различным поводам, в разных странах старого мира и в новом мире, в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее принципиальное относительно *постановки* вопросов о *политических* задачах рабочего класса. А эпоха, охватываемая перепиской, есть как раз эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения

самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики. Чем чаще в наше время приходится наблюдать, как рабочее движение разных стран страдает от оппортунизма вследствие застоя и гниения буржуазии, вследствие поглощения внимания рабочих вождей мелочами дня и т. д., — тем ценнее богатейший материал переписки, показывающий глубочайшее понимание *коренных* преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе.

Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономики, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли.

В дальнейшем изложении мы намерены дать, после общего обзора переписки, очерк наиболее интересных замечаний и рассуждений Маркса и Энгельса, отнюдь не претендуя на исчерпание всего содержания писем.

І. ОБЩИЙ ОБЗОР

Переписку открывают письма 24-летнего Энгельса к Марксу в 1844 году. Тогдашняя обстановка в Германии выступает замечательно рельефно. Первое письмо помечено концом сентября 1844 года и послано из Бармена, где жила семья Энгельса и где он родился. Энгельсу не было тогда еще полных 24 лет. Он тоскует в семейной обстановке и рвется прочь. Отец — деспот, религиозный фабрикант, возмущенный беготней сына по политическим собраниям и его коммунистическими убеждениями. Если бы не мать, которую я очень люблю, — пишет Энгельс, — я бы

не стерпел даже и нескольких дней, остающихся до моего отъезда. Ты не можешь себе представить, — жалуется он Марксу, — какие мелкие соображения, какие суеверные опасения выдвигаются здесь, в семье, против моего отъезда.

Пока Энгельс в Бармене, — где его удерживала еще некоторое время одна любовная история, — он уступает отцу и недели две ходит работать в фабричную контору (отец его был фабрикант). «Торговля — гнусность, — пишет он Марксу, — гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, т. е. буржуа, активно выступающим против пролетариата». Я утешаю себя, — продолжает Энгельс, — работой над моей книжкой о положении рабочего класса (книга эта вышла, как известно, в 1845 году и является одним из лучших произведений в мировой социалистической литературе). «Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржум и вьючной скотиной торгашества, если не заниматься литературной деятельностью, — но вести в одно и то же время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торгашеством, промышленными делами, этого нельзя. Я уеду. К тому же еще эта усыпляющая жизнь в семье, насквозь христиански-прусской, — я не могу больше этого вынести, я бы мог здесь в конце концов сделаться немецким филистером и внести филистерство в коммунизм». Так писал молодой Энгельс. После революции 1848 года жизнь заставила его вернуться в контору отца и сделаться на долгие годы «вьючной скотиной торгашества», но он сумел при этом устоять, создать себе не христиански-прусскую, а совсем иную товарищескую обстановку, сумел сделаться на всю жизнь беспощадным врагом «внесения филистерства в коммунизм».

Общественная жизнь в немецкой провинции 1844 года похожа на русскую в начале 20 века, перед революцией 1905 года. Все рвется к политике, все кипит оппозиционным возмущением против правительства, пасторы громят молодежь за атеизм, дети в буржуазных семьях устраивают сцены родителям за «аристократическое обращение с прислугой или с рабочими».

Общая оппозиционность выражается в том, что все объявляют себя коммунистами. «В Бармене полицейский комиссар — коммунист», — пишет Энгельс Марксу. Я был в Кельне, Дюссельдорфе, Эльберфельде — везде на каждом шагу натыкаешься на коммунистов! «Один пылкий коммунист, художник, рисующий карикатуры, фамилия его Зеель, едет через два месяца в Париж. Я дам ему явку к вам. Он вам всем понравится — энтузиаст, любит музыку, будет полезен как карикатурист».

«Здесь в Эльберфельде происходят чудеса. Вчера (писано 22 февраля 1845 года) в самой большой зале, в лучшем ресторане города, у нас было третье коммунистическое собрание. На первом 40 человек, на втором — 130, на третьем — 200 — самое меньшее. Весь Эльберфельд и Бармен, начиная с денежной аристократии и кончая мелкими лавочниками, был представлен, за исключением только пролетариата».

Так, буквально, пишет Энгельс. В Германии все были тогда коммунистами — кроме пролетариата. Коммунизм был формой выражения оппозиционных настроений у всех и больше всего у буржуазии. «Самая тупая, самая ленивая, самая филистерская публика, которая ничем в мире не интересовалась, начинает прямо восторгаться коммунизмом». Главными проповедниками коммунизма были тогда люди вроде наших народников, «социалистов-революционеров», «народных социалистов» и т. п., т. е. в сущности, благонамеренные буржуа, более или менее взбешенные против правительства.

И в такой обстановке, среди необъятного количества якобы социалистических направлений и фракций, Энгельс сумел пробивать себе дорогу к *пролетарскому* социализму, не боясь разрыва с массой добрых людей, горячих революционеров, но плохих коммунистов.

1846 год. Энгельс в Париже. Париж кипел тогда политической и обсуждением различных социалистических теорий. Энгельс с жадностью изучает социализм, знакомится лично с Кабэ, Луи Бланом и другими выдающимися социалистами, бегаем по редакциям и по кружкам.

Главное его внимание направлено на самое серьезное и самое распространенное тогдашнее социалистическое учение — прудонизм. И еще до выхода в свет прудоновской «Философии нищеты» (1846 год, октябрь; ответ Маркса — знаменитая «Нищета философии» — вышел в свет в 1847 году) Энгельс с беспощадной язвительностью и замечательной глубиной критикует основные идеи Прудона, с которыми особенно носился тогда немецкий социалист Грюн. Прекрасное знание английского языка (с которым Маркс освоился много позже) и английской литературы позволяет Энгельсу сразу (письмо от 18 сентября 1846 года) указать на примеры банкротства в Англии пресловутых прудоновских «трудовых базаров». Прудон *срамит* социализм, возмущается Энгельс, у Прудона выходит, что рабочие должны *выкупить* капитал!

Двадцатишестилетний Энгельс прямо уничтожает «истинный социализм» — это выражение встречаем в его письме от 23 октября 1846 года, задолго до «Коммунистического Манифеста», причем главным представителем его называет Грюна. «Антипролетарское, мелкобуржуазное, филистерское» учение, «пустые фразы», разные «общечеловеческие» стремления, «суеверная боязнь «грубого» коммунизма» (Löffel-Kommunismus — буквально: «коммунизм ложки», или коммунизм жратвы), «мирные планы осчастливить» человечество — вот отзывы Энгельса, относящиеся ко *всем* видам до-марксовского социализма.

«Три вечера, — пишет Энгельс, — мы спорили о прудонизме; почти все, с Грюном во главе, были против меня. Главное, что приходилось мне доказывать, это — необходимость насильственной революции» (23 октября 1846 года). В конце концов я стал бешеным — и загнал своих противников до того, что они вынуждены были прямо высказаться против коммунизма. Я потребовал голосования по вопросу о том, коммунисты мы или нет. Величайшее возмущение грюнланцев, которые стали уверять, что они собрались обсуждать «благо человечества» и что надо же знать, *что собственно* есть коммунизм. Я дал им тогда самое простенькое определение, чтобы не допускать уверток от сути вопроса. Я определил, — пишет Энгельс, — намерения коммунистов

следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной, демократической революции (писано за 1½ года до революции 1848 года).

Кончилась дискуссия тем, что собрание 13 голосами против 2 грюнианцев приняло определение Энгельса. Посещали эти собрания около 20 столяров-ремесленников. Так в Париже 67 лет тому назад закладывались основы социал-демократической рабочей партии Германии.

Год спустя, в письме от 24 ноября 1847 года, Энгельс сообщает Марксу о составленном им черновике «Коммунистического Манифеста», высказываясь, между прочим, против предполагавшейся раньше формы катехизиса. «Я начинаю, — пишет Энгельс, — с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, отличие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы». «В конце партийная политика коммунистов».

Это историческое письмо Энгельса о первом наброске произведения, которое обошло весь мир и которое до сих пор верно во всем основном, живо и злободневно, как будто бы оно писалось вчера, показывает наглядно, что имена Маркса и Энгельса справедливо ставят рядом, как имена основоположников современного социализма¹.

Октябрь 1913 г.

Соч., 3 изд., т. XVII, стр. 29–34.

¹ На этом статья обрывается. *Ред.*

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА МАРКСУ И ЭНГЕЛЬСУ 7 НОЯБРЯ 1918 г.

Мы открываем памятник вождям всемирной рабочей революции, Марксу и Энгельсу.

Века и века страдало и томилось человечество под гнетом ничтожной кучки эксплуататоров, которые измывались над миллионами трудящихся. Но если эксплуататоры прежней эпохи — помещики — грабили и теснили крепостных крестьян, раздробленных, распыленных, темных, — то эксплуататоры нового времени, капиталисты, увидели перед собой, среди угнетенных масс, передовой отряд этих масс, городских, фабрично-заводских, промышленных рабочих. Их объединила фабрика, их просветила городская жизнь, их закалила общая стачечная борьба и революционные выступления.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых.

Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться. Мы видим все, как в целом ряде стран занимается заря международной

социалистической революции пролетариата. Несказанные ужасы империалистской бойни народов вызывают всюду геройский подъем угнетенных масс, удесятерят их силы в борьбе за освобождение.

Пусть же памятники Марксу и Энгельсу еще и еще раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не одиноки в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!

Соч., 3 изд., т. XXIII, стр. 276.

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ МАРКСИЗМА

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономики и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание,

непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономики, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях¹, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые — подобно «Коммунистическому Манифесту» — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности

¹ Имеется в виду французская буржуазная революция (1789—1793 г.г.). *Ред.*

человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

II

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической

стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудоу теории стоимости*. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии — иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным, — сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, — а продукт общего труда

присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

III

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более

или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, сплачивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

Март 1913 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 41—45.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ УЧЕНИЯ КАРЛА МАРКСА

Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества. Подтвердил ли ход событий во всем мире это учение после того, как оно было изложено Марксом?

Впервые Маркс выдвинул его в 1844 году. «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в 1848 году, дает уже цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения. Всемирная история с этого времени делится явственно на три главные периода: 1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции.

Бросим взгляд на судьбы учения Маркса в каждый из этих периодов.

I

В начале первого периода учение Маркса отнюдь не господствует. Оно — лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма. Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными, якобы-социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.

Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам до-марксовского социализма. Революция во всех странах показывает в *действии* разные классы общества. Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между *рабочей демократией и буржуазным либерализмом*. Все учения о не-классовом социализме и о не-классовой политике оказываются пустым вздором.

Парижская Коммуна (1871) доканчивает это развитие буржуазных преобразований; только героизму пролетариата обязана своим упрочением республика, т. е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме.

Во всех других европейских странах более запутанное и менее законченное развитие приводит к тому же сложившемуся буржуазному обществу. К концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, до-марксовский социализм *умирает*. Рождаются самостоятельные *пролетарские* партии: первый Интернационал (1864—1872) и германская социал-демократия.

II

Второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы.

Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам.

Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятак своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников.

III

Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе. Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах.

Некоторых людей, невнимательных к условиям подготовки и развития массовой борьбы, доводили до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе. Мы видим теперь, как близоруко и малодушно анархистское отчаяние.

Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы.

Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии. Кто после опыта и Европы и Азии говорит о *не*-классовой политике и о *не*-классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру.

За Азией стала шевелиться — только не по-азиатски — и Европа. «Мирный» период 1872—1904 годов отошел бесповоротно в вечность. Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвинувшее с места даже наиболее развращенных либерализмом английских рабочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной» буржуазно-юнкерской стране, Германии. Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение *всех* буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед.

После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха.

Март 1913 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 46—48.

ИЗ КНИГИ:
ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ

**II. ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЙ
УСПЕХА БОЛЬШЕВИКОВ.**

Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что 2½ года, но и 2½ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои.

Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного врага*, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в *силе привычки*, в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, — войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли.

Повторяю, опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией.

На этом часто останавливаются. Но далеко недостаточно размышляют о том, что это значит, при каких условиях это возможно? Не следует ли возгласы приветствия по адресу Советской власти и большевиков *почаще* сопровождать *серьезнейшим анализом* причин того, *почему* большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?

Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за *весь* период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.

И прежде всего является вопрос: чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, *но также и с непролетарской* трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь

долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения.

Если большевизм мог выработать и успешно осуществить в 1917—1920 годах, при невиданно тяжелых условиях, самую строгую централизацию и железную дисциплину, то причина тому заключается просто-напросто в ряде исторических особенностей России.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX-го века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия

смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта.

Апрель — май 1920 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 519—521.

**ИЗ КНИГИ:
ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ
ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?**

(ОТВЕТ НА СТАТЬИ «РУССКОГО БОГАТСТВА» ПРОТИВ МАРКСИСТОВ)

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя **СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ** и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности **ДЕМОКРАТИЗМА**¹.

В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, — что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплуатации труда,

¹ Это очень важный пункт. Плеханов глубоко прав, говоря, что у наших революционеров «два врага: не совсем еще искорененные старые предрассудки, с одной стороны, и узкое понимание новой программы, с другой». См. Приложение III. (стр. 96 настоящего издания. *Ред.*)

но прибавляющих к этой эксплуатации страшные трудности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции¹ им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу. И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений — прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление обще-демократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся — чисто демократическим по своей природе учреждением, *капиталом*, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

¹ Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная *бюрократия*, которая *de facto* (фактически, на деле. *Ред.*) и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа. Это — иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономически слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это — опаснейший лицемер, который умудрен опытом западно-европейских мастеров реакция и искусно прячет свои аракчеевские вождения под фиговые листочки народолюбивых фраз.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе, а также отношение их к особенно усиливающемуся в последнее время течению, направленному к «объединению» и «союзу» всех фракций революционеров для завоевания политической свободы.

Это — довольно оригинальное и характерное течение.

Оригинально оно тем, что предложения «союза» исходят не от определенной группы или определенных групп с определенными программами, сходящимися в том-то и том-то. Будь это так, вопрос о союзе был бы вопросом каждого отдельного случая, вопросом конкретным, решаемым представителями объединяемых групп. Тогда не могло бы и быть особого «объединительного» течения. Но таковое имеется и исходит просто от людей, которые от старого отстали, а к новому ни к чему не пристали: та теория, на которую опирались до сих пор борцы с абсолютизмом, видимо, рушится, разрушая и те условия солидарности и организованности, которые необходимы для борьбы. И вот господа «объединители» и «союзники» думают, должно быть, что такую теорию легче всего создать, сведя всю ее к протесту против абсолютизма и требованию политической свободы, обходя все остальные социалистические и несоциалистические вопросы. Понятно, что это наивное заблуждение неминуемо опровергнет себя при первых же попытках подобного объединения.

Но характерно это «объединительное» течение потому, что выражает собой одну из последних стадий того процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм, который (процесс) я старался наметить выше. Прочное объединение всех несоциал-демократических революционных групп под указанным знаменем возможно будет только тогда, когда выработается прочная программа *демократических* требований, покончившая с предрассудками старого русского самобытничества. Создание подобной демократической партии социал-демократы считают, конечно, полезным шагом вперед, и их работа, направленная против народничества, должна содействовать этому, содействовать искоренению всяких

предрассудков и мифов, группировке социалистов под знамя марксизма и образованию остальными группами демократической партии.

И с этой партией, конечно, не могло бы быть «объединения» у социал-демократов, считающих необходимой самостоятельную организацию рабочих в особую рабочую партию, — но рабочие оказали бы самую энергичскую поддержку всякой борьбе демократов против реакционных учреждений.

Вырождение народничества в самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма, — о котором (вырождении) с такой наглядностью свидетельствуют «друзья народа», — показывает нам, какую громадную ошибку делают те, кто несет рабочим идею борьбы с абсолютизмом, не выясняя им в то же время антагонистического характера наших общественных отношений, в силу которого за политическую свободу стоят и идеологи буржуазии, — не выясняя им исторической роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения.

Социал-демократов любят упрекать в том, что они хотят будто бы взять в свое исключительное пользование теорию Маркса, тогда как, дескать, экономическая теория его принимается всеми социалистами. Но спрашивается, какой же смысл разъяснять рабочим форму стоимости, сущность буржуазных порядков и революционную роль пролетариата, если у нас в России эксплуатация трудящегося объясняется вообще и повсюду совсем не буржуазной организацией общественного хозяйства, — а, хотя бы, малоземельем, платежами, гнетом администрации?

Какой смысл разъяснять рабочим теорию классово́й борьбы, если эта теория не может объяснить даже его отношений к фабриканту (наш капитализм искусственно насажден правительством), не говоря уже о массе «народа», не принадлежащего к сложившемуся, классу фабричных рабочих?

Каким образом можно принять экономическую теорию Маркса с ее выводом — о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма, когда у нас хотят искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата?

Очевидно, что при подобных условиях призыв рабочего к борьбе за политическую свободу будет равносителен призыву его таскать из огня каштаны для передовой буржуазии, потому что нельзя отрицать (характерно, что даже народники и народоувольцы не отрицали этого), что политическая свобода послужит прежде всего интересам буржуазии, давая рабочим не облегчение их положения, а только... только облегчение условий борьбы... *с этой самой буржуазией*. Я говорю это против тех социалистов, которые, не принимая теории социал-демократов, обращают, однако, свою агитацию на рабочую среду, убедившись эмпирически, что только в ней можно найти революционные элементы. Эти социалисты ставят свою теорию в противоречие с практикой и делают крайне серьезную ошибку, отвлекая рабочих от их прямой задачи — **ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ**¹.

Ошибка эта естественно возникла тогда, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь, — когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, — теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист,

¹ К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно придти двумя путями: *либо* смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят социал-демократы. *Либо* обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма.

то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — «интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить... и уничтожить. Эти наивные претензии *устыдить* буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт «старших братьев») тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над щукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х годах, когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом.

Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового, и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант, и рабочий, и кустарь, и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сю пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие, чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть **ВОЛЬНЫМ** или

НЕВОЛЬНЫМ приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата.

Если вы не поверите на слово пышным фразам о «народных интересах» и попытаете копнуть поглубже, — то увидите, что имеете перед собой чистейших идеологов мелкой буржуазии, мечтающей об улучшении, поддержке и восстановлении своего («народного» на их языке) хозяйства посредством разных невинных прогрессов и не способной абсолютно понять того, что на почве данных производственных отношений все эти прогрессы только глубже и глубже будут пролетаризировать массы. «Друзьям народа» нельзя не быть благодарным за то, что они много посодествовали уяснению классового характера нашей интеллигенции и тем подкрепили теорию марксистов о мелкобуржуазности наших мелких производителей; они неизбежно должны ускорить вымирание старых иллюзий и мифов, так долго смущавших русских социалистов. «Друзья народа» так захватили, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма — либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно, предоставив их в исключительное пользование господ, которые с самодовольным торжеством оповещают *urbi et orbi*¹ о покупке улучшенных орудий крестьянскими богатеями, — которые с серьезным видом уверяют вас, что необходимо приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами. И в подобном смысле толкуют они о «народном строе» и «интеллигенции» не только серьезно, а и с претенциозными колоссальными фразами о широких идеалах, об идеальной постановке вопросов жизни!..

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. **ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ** работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического

¹ — всему миру. *Ред.*

антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата, — и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии — и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполняют эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи, — успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место

перед **ПРАКТИЧЕСКОЙ**¹, — тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами:

Studieren, Propagandieren, Organisieren².

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов, — от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее

¹ Напротив. На 1-ое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-первых, что теоретическая работа дает только ответы на те запросы, которые предъявляет вторая. А во-вторых, социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая.

² — Изучать, пропагандировать, организовать. *Ред.*

с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Поэтому, несмотря на наличие разногласий среди марксистов по разным теоретическим вопросам, приемы их политической деятельности оставались с самого возникновения группы и остаются до сих пор прежними.

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу **ВСЕГО** русского рабочего **КЛАССА**, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России¹.

Естественный — потому, что эксплуатация трудящегося в России *повсюду является по существу своей капиталистической*, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплуатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована. В первом случае — эксплуатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае

¹ Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов.

эксплуатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частных дел. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его *капитал*, что вести борьбу приходится с *классом* буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, — неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против *класса*, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, — требуется совсем не увлечение его какими-нибудь «перспективами»; для этого требуется только простое *выяснение ему его положения*, выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низших формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными *хозяйствами* при самых уравнивательных формах общинного *землевладения*), эксплуатируемый большею частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная

система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**.

Конец.

1894.

Соч., 4 изд., т. I, стр. 272-282.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Говоря об узком понимании марксизма, я разумею самих марксистов. Нельзя не заметить по этому поводу, что самому безобразному сужению и искажению подвергается марксизм, когда наши либералы и радикалы берутся за изложение его на страницах легальной печати. Что это за изложение! Подумайте только, как изуродовать нужно эту революционную доктрину, чтобы уложить ее на прокрустово ложе российской цензуры! И наши публицисты с легким сердцем проделывают подобную операцию: марксизм в их изложении сводится, почитай что, к учению о том, как при капиталистическом строе проделывает свое диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в свое отрицание и затем обобществляется. И в этой «схеме» с серьезным видом полагают все содержание марксизма, минуя все особенности

его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их. Не удивительно, что получается нечто до такой степени бледное и узкое, что наши радикалы принимают-ся оплакивать бедных русских марксистов. Еще бы! Русский абсолютизм и русская реакция не были бы абсолютизмом и реакцией, если бы при существовании их можно было целиком, точно и полно излагать марксизм, договаривая до конца его выводы! И если бы наши либералы и радикалы как следует знали марксизм (хотя бы по немецкой литературе), они бы посовестились так уродовать его на страницах подцензурной печати. Нельзя изложить теории — молчите или оговаривайтесь, что излагаете далеко не все, что опускаете самое существенное, но зачем же, излагая обрывки, кричать об узости?

Ведь этак только и можно дойти до таких курьезов, возможных лишь в России, когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимом антагонизме, присущем капиталистическому обществу, и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о революционной роли пролетариата; даже людей, выступающих прямо с буржуазными проектами, лишь бы у них попадались словечки «денежное хозяйство», его «необходимость» и т. п. выражения, для признания которых специально марксистскими нужна вся глубина остроумия г. Михайловского.

А Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая¹ и революционная». И это последнее качество действительно присуще *марксизму* всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма

¹ Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений. Что русские общественные отношения — антагонистические, в этом едва ли кто мог сомневаться. Но основанием для *такой* критики их еще никто не пробовал брать.

и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией. Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе.

«Мы не говорим миру: перестань бороться — вся твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы».

Следовательно, прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения.

Попробуйте сравнить с «критической и революционной» теорией Маркса ту бесцветную дребедень, которую излагал в своей «критике» и против которой воевал «наш известный» Н. К. Михайловский, — и вы поражены будете, как это могут быть в самом деле люди, считающие себя «идеологами трудящегося класса» и ограничивающиеся... тем «плоским кружком», в который превращают теорию Маркса наши публицисты, стирая с нее все жизненное.

Попробуйте сравнить с требованиями этой теории нашу народническую литературу, исходящую тоже ведь из желания быть идеологом трудящегося, литературу, посвященную истории и современному состоянию наших экономических порядков вообще и крестьянства в частности, — и вы поражены будете, как могли социалисты удовлетворяться подобной теорией, которая ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий. Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, — а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как столкновение определенных хозяйственных форм и определенных экономических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «неверный путь», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как отклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие.

Теперь, впрочем, потеря кредита этой теорией несомненна, и чем скорее русские социалисты поймут, что не может быть, при настоящем уровне знаний, революционной теории вне марксизма, чем скорее направят они все свои силы на приложение этой теории к России, в теоретическом и практическом отношениях, — тем вернее и быстрее будет успех революционной работы.

Весна — лето 1894 г.

Соч., 4 изд., т. I, стр. 307—310.

ПРОТЕСТ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

СОБРАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ОДНОЙ МЕСТНОСТИ (РОССИИ),
В ЧИСЛЕ СЕМНАДЦАТИ ЧЕЛОВЕК, ПРИНЯЛО ЕДИНОГЛАСНО
СЛЕДУЮЩУЮ РЕЗОЛЮЦИЮ И ПОСТАНОВИЛО ОПУБЛИКОВАТЬ ЕЕ
И ПЕРЕДАТЬ НА ОБСУЖДЕНИЕ ВСЕМ ТОВАРИЩАМ

В последнее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как ее основателями и передовыми борцами — членами группы «Освобождение труда», так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов. Ниже приводимое «credo»¹, долженствующее выражать основные взгляды некоторых (так называемых «молодых») русских социал-демократов, представляет из себя попытку систематического и определенного изложения «новых воззрений». — Вот это «credo» в полном виде.

«Существование цехового и мануфактурного периода на Западе наложило резкий след на всю последующую историю, в особенности на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций, сделали ее, буржуазию, революционным элементом; она повсюду на Западе начинает с *liberté, fraternité, égalité* (свобода, братство и равенство), с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс, как класс, не завоевал демократических учреждений, — он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергнут это мнение, так

¹ — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

как именно в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституции, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, меланскую демократию; фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии — Гауптман, ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и пр.) с средних веков еще привык участвовать в организациях, в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и проч. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации и способного лишь к так называемым *loseorganisation* (временным организациям), а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно-обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы, с одной стороны, с другой — возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной его точкой явилась парламентская политическая борьба с перспективой (только по внешности сходной с бланкизмом, по происхождению совершенно другого характера), с перспективой захвата власти, с одной стороны, *Zusammenbruch*'а (катастрофы) — с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением — экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаясь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду *laissent à désirer quelque chose* (оставляют кое-чего желать). Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана — *Zusammenbruch* являлся необходимым организующим *Schlagwort*'ом (ходячей фразой), которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения — линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в «Коммунистическом манифесте», явился как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы, неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата, создали на Западе то, что

носит теперь название бернштейниады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от «Коммунистического манифеста» до бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное изучение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады — это мало интересно; речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии.

Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но также, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество; ее узко корпоративные, в большинстве случаев сектантские задачи расширятся до задач общественных и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении, приспособлена к современному положению вещей, с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественно-го значения, и практические требования минуты получают больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор.

Нетрудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем и именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас — слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада, то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном

состоянии и никакой формы не создало. Стачное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже с чисто количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю о их полезности при настоящих условиях).

Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующие Streikbrecher'ству¹, и, следовательно, еще большую трудность подъема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... что же тут делать русскому марксисту?! Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксист — пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими *не как орудием исследования*, а как схемой деятельности, не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расширенное политическое поле деятельности, наши марксисты, более чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально-оппозиционной деятельности всех других нерабочих слоев общества. Малейшие попытки сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывают протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т. е. участием в той жизни (как бы она ни была немарксистична), которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее из чего-то организованного и имеющего фактическую силу, — одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разбросанных личностей, — другое.

Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности. Как «отрицатель», русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов, — это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая

¹ — штрейкбрехерству. *Ред.*

за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку».

Мы не знаем, много ли найдется русских социал-демократов, разделяющих эти воззрения. Но несомненно, что вообще идеи этого рода имеют сторонников, и потому мы считаем себя обязанными категорически протестовать против подобных воззрений и предостеречь всех товарищей от грозящего соращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы.

Вышеприведенное «credo» представляет из себя, во-первых, «краткое описание хода развития рабочего движения на Западе» и, во-вторых, «выводы для России».

Совершенно неверны, прежде всего, представления авторов «credo» о прошлом западно-европейского рабочего движения. Неверно, что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартизма, революция 48 г. во Франции, Германии, Австрии доказывают обратное. Совершенно неверно, что «марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической». Напротив, «марксизм» появился тогда, когда господствовал социализм неполитический (оуэнизм, «фурьеризм», «истинный социализм» и пр.), и «Коммунистический манифест» сразу выступил против неполитического социализма. Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое Международное общество рабочих, политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий тред-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «credo» отделить эти формы борьбы

принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма.

Далее, совершенно неверны также представления авторов «credo» о современном положении западно-европейского рабочего движения и той теории марксизма, под знаменем которого идет это движение. Говорить о «кризисе марксизма» значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающих раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий. Пресловутая «бернштейниада» — в том смысле, в каком ее обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «credo» в частности, — означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов. Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной международной социал-демократии. Мы уверены, что всякие попытки перенести оппортунистические воззрения в Россию встретят столь же решительный отпор со стороны громадного большинства русских социал-демократов.

Точно так же не может быть и речи ни о каком «коренном изменении практической деятельности» западно-европейских рабочих партий, вопреки авторам «credo»: громадное значение экономической борьбы пролетариата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмом с самого начала, и еще в сороковых годах Маркс и Энгельс полемизировали против утопических социалистов, отрицавших значение такой борьбы.

Когда, около 20-ти лет спустя, образовалось Международное общество рабочих, вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе в Женеве в 1866 году. Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки

ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев). Резолюция признала профессиональные рабочие союзы не только закономерным, но и необходимым явлением при существовании капитализма; — признала их крайне важными для организации рабочего класса в его ежедневной борьбе с капиталом и для уничтожения наемного труда. Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительного внимания на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда. С тех пор среди рабочих партий разных стран не раз вставал и не раз будет, конечно, вставать вопрос о том, не следует ли в данный момент обратить несколько больше или несколько меньше внимания на экономическую или политическую борьбу пролетариата; но общий или принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует далее, что отсутствие политической свободы или стеснение политических прав пролетариата всегда ведет к необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый план.

Еще менее может быть речи о сколько-нибудь существенном изменении в отношении рабочей партии к остальным оппозиционным партиям. И в этом отношении марксизм указал верную позицию, одинаково далекую и от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизм и проч.), и от пренебрежения политикой или сужения ее до оппортунистского, реформаторского социального штопанья (анархизм, утопический и мелкобуржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч.). Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации

социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «одну реакционную массу»: напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д. Рассуждения на эту тему авторов «credo» свидетельствуют лишь о стремлении затушевать классовый характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «признанием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения. Мы убеждены, что громадное большинство русских социал-демократов безусловно отвергнет подобное искажение основных принципов социал-демократии. Неверные посылки относительно западно-европейского рабочего движения приводят авторов «credo» к еще более неверным «выводам для России».

Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач», свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением. Еще «Северно-русский рабочий союз», основанный в 1878 г., и «Южно-русский рабочий союз», основанный в 1875 г., выставили в своей программе требование политической свободы. После реакции 80-х годов рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах. Утверждение, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», свидетельствует лишь о полном непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущнейших задач русской социал-демократии. Собственная программа авторов «credo» клонится, очевидно, к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов за «правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной

задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают). Одна уже возможность появления подобной программы показывает, насколько основательны были опасения одного из передовых борцов русской социал-демократии, П. Б. Аксельрода, когда он писал, в конце 1897 г., о возможности такой перспективы:

«Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе, в целом, лишено политического характера, в борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции» (Аксельрод. «К вопросу о соврем. задачах и тактике русских социал-демократов». Женева. 1898 г., стр. 19).

Русские социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «средо», так как эти идеи прямо ведут к осуществлению такой перспективы. Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом в таких словах:

«Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу *частью рядом и в союзе* с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» (там же, стр. 20).

В то самое время, когда П. Б. Аксельрод писал эти строки, заявления социал-демократов в России показывали ясно, что громадное большинство их стоит на той же точке зрения. Правда, одна газета петербургских рабочих, «Рабочая Мысль», склонилась, как будто бы, к идеям авторов «средо», высказывая, к сожалению, в своей передовой программной статье (№ 1, октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противоречащую социал-демократизму мысль, что «экономическая основа движения» может быть «затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Но в то же время другая газета петербургских рабочих, «С.-Петербургский Рабочий Листок» (№ 2, сентябрь 1897 г.), решительно высказывалась за то, что «ниспровергнуть

самодержавие... может единственно лишь крепко организованная многочисленная рабочая партия», что «организовавшись в сильную партию» рабочие «освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Третья газета, «Рабочая Газета», в передовой статье № 2 (ноябрь 1897 г.) писала: «Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения». — «Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией...» «Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию». «Русская рабочая партия будет партией социал-демократической». — Что громадное большинство русских социал-демократов разделяло вполне именно эти убеждения «Рабочей Газеты», это видно и из того, что состоявшийся весной 1898 г. съезд русских социал-демократов образовал «Российскую социал-демократическую рабочую партию», опубликовал ее манифест и признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Таким образом, авторы «credo» делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия уже достигла и которую она запечатлела в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии». Если отчаянная травля русского правительства привела к тому, что в настоящее время деятельность партии временно ослабела и ее официальный орган перестал выходить, то для всех русских социал-демократов задача состоит в том, чтобы приложить все усилия к окончательному укреплению партии, к выработке программы партии, к возобновлению ее официального органа. Ввиду того шатания мысли, о котором свидетельствует возможность появления таких программ, как вышеразобранное «credo», мы считаем особенно необходимым подчеркнуть следующие основные принципы, изложенные в «Манифесте» и имеющие громадную важность для русской социал-демократии. Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим

не только в экономической, но и в политической борьбе; агитация не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идей научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной» теорией). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти с расширением движения и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства.

Во-2-х: «На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в-3-х: «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной воли“». Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила

в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма».

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить вышеприведенное «credo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской социал-демократической рабочей партии.

Резолюции групп и кружков могли бы быть сообщаемы заграничному «Союзу русских социал-демократов», который на основании пункта 10-го решения съезда русских социал-демократов 1898 г. является частью Российской социал-демократической партии и ее заграничным представителем.

Август – сентябрь 1899 г.

Соч., 4 изд., т. 4, стр. 149–163.

НАША ПРОГРАММА

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. Кто объявляет себя социал-демократом и намерен выступить с социал-демократическим органом, должен с точностью определить свое отношение к вопросу, волнующему далеко не одних только германских социал-демократов.

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — *классовую борьбу*, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, *с пролетариатом*, который стоит во главе всех

неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, *а организацию классово́й борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества.*

И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? *Ровно ничего:* они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов. Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна, от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере).

Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса

как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России. Поэтому мы охотно будем уделять место в нашей газете статьям по теоретическим вопросам и приглашаем всех товарищей к открытому обсуждению спорных пунктов.

Каковы же главные вопросы, возникающие при применении к России программы, общей всем социал-демократам? Мы сказали уже, что суть этой программы состоит в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества. Классовая борьба пролетариата разделяется на экономическую борьбу (борьбу против отдельных капиталистов или против отдельных групп капиталистов за улучшение положения рабочих) и на политическую борьбу (борьбу против правительства за расширение прав народа, т. е. за демократию, и за расширение политической власти пролетариата). Некоторые русские социал-демократы (к числу их, по-видимому, принадлежат те, которые ведут газету «Рабочая Мысль») считают несравненно более важной экономическую борьбу, политическую же чуть ли не откладывают до более или менее отдаленного будущего. Такое мнение совершенно неверно. Все социал-демократы согласны в том, что необходимо организовать экономическую борьбу рабочего класса, что необходимо вести агитацию среди рабочих на этой почве, т. е. помогать рабочим в их ежедневной борьбе с хозяевами, обращать их внимание на все виды и случаи притеснений и разъяснять им таким образом необходимость объединения. Но из-за экономической борьбы забывать политическую — значило бы отступать от основного положения всемирной социал-демократии, значило бы забывать то,

чему учит вся история рабочего движения. Завзятые сторонники буржуазии и служащего ей правительства не раз пытались даже организовать чисто экономические союзы рабочих и отвлечь их таким образом от «политики», от социализма. Очень возможно, что и русское правительство сумеет предпринять что-либо подобное, ибо оно всегда старалось бросать народу грошевые подачки или, вернее, лжеподачки, лишь бы отвлечь его от мысли о его бесправии и его угнетении. Никакая экономическая борьба не может принести рабочим прочного улучшения, не может даже вестись в широких размерах, если рабочие не будут иметь право свободно устраивать собрания, союзы, иметь свои газеты, посылать своих представителей в народные собрания, как это делают рабочие Германии и всех других европейских стран (кроме Турции и России). А чтобы добиться этих прав, надо вести *политическую борьбу*. В России не только рабочие, но и все граждане лишены политических прав. Россия — монархия самодержавная, неограниченная. Царь, один издает законы, назначает чиновников и надзирает за ними. От этого *кажется*, что в России царь и царское правительство не зависит ни от каких классов и заботится о всех одинаково. А *на деле* все чиновники берутся только из класса собственников и все подчинены влиянию крупных капиталистов, которые веревки вяжут из министров и добиваются всего, чего хотят. На русском рабочем классе лежит двойной гнет: его обирают и грабят капиталисты и помещики, а чтобы он не мог бороться против них, его связывает по рукам и по ногам полиция, затыкая ему рот, преследуя всякую попытку отстоять права народа. Всякая стачка против капиталиста ведет к тому, что на рабочих напускают войско и полицию. Всякая экономическая борьба необходимо превращается в политическую, и социал-демократия должна неразрывно связать и ту, и другую в *единую классовую борьбу пролетариата*. Первой и главной целью такой борьбы должно быть завоевание политических прав, *завоевание политической свободы*. Если одни петербургские рабочие, при небольшой помощи социалистов, сумели быстро добиться от правительства уступки — издания закона о сокращении рабочего дня, то весь русский рабочий

класс, руководимый одной «Российской социал-демократической рабочей партией», сумеет добиться упорной борьбой и несравненно более важных уступок.

Русский рабочий класс сумеет и один вести свою экономическую и политическую борьбу, даже если бы он не получал помощи ни от какого другого класса. Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко. Полное бесправие народа и дикий произвол башибузуков-чиновников возмущают и всех сколько-нибудь честных образованных людей, которые не могут помириться с травлей всякого свободно-го слова и свободной мысли, возмущают преследуемых поляков, финляндцев, евреев, русских сектантов, возмущают мелких купцов, промышленников, крестьян, которым не у кого искать защиты от притеснений чиновников и полиции. Все эти группы населения, взятые отдельно, неспособны к упорной политической борьбе, но когда рабочий класс поднимет знамя такой борьбы, — ему отовсюду протянут руку помощи. Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой!

Таковы наши основные воззрения, которые мы будем систематически и всесторонне развивать в нашей газете. Мы убеждены, что таким образом мы будем идти по пути, намеченному «Российской социал-демократической рабочей партией» в изданном ею «Манифесте».

1899 г.

Соч., 4 изд., т. 4, стр. 190—194.

ИЗ КНИГИ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

I. ДОГМАТИЗМ И «СВОБОДА КРИТИКИ»

а) ЧТО ЗНАЧИТ «СВОБОДА КРИТИКИ»?

«Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» — должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услышал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами».

В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной¹ социал-демократии образовались

¹ Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что рас-

два направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолуций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран.

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных

пря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гэдистами и посибилитами, между фабианцами и социал-демократами, между народолюбцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны, и с университетской кафедры, и в массе брошюр, и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, — то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Далее. Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вожеления оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой методы». Франция и на этот раз оправдала свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца» (Энгельс, из предисловия к сочинению Маркса: «Der 18 Brumaire»¹). Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства, — недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар! В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это, — тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства, — то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? Отчего бы ему не принять

¹ — «Восемнадцатое брюмера». Ред.

лично участия в приветствовании царя, которого французские социалисты зовут теперь не иначе как героем виселицы, кнута и ссылки (*knouteur, pendeur et déportateur*)? А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих масс — этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу, — в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют, — то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступать в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас

принимаются кричать: пойдете в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отста-лые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в боло-те, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *ваше-му* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватйтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 132–134.

г) ЭНГЕЛЬС О ЗНАЧЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

«Догматизм, доктринерство», «окаменение партии — неизбежное наказание за насильственное зашнуровыва-ние мысли», — таковы те враги, против которых рыцар-ски ополчаются поборники «свободы критики» в «Раб. Деле». — Мы очень рады постановке на очередь этого вопро-са и предложили бы только дополнить его другим вопросом:

А судьи кто?

Перед нами два объявления о литературном издатель-стве. Одно — «Программа периодического органа Союза рус. с.-д. «Раб. Дело»» (оттиск из № 1 «Р. Д.»). Другое — объяв-ление о возобновлении изданий Группы «Освобождение Тру-да». Оба помечены 1899-ым годом, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня. И что же? В первом произве-дении вы напрасно стали бы искать указания на это явление и определенного изложения той позиции, которую намерен занять по этому вопросу новый орган. О теоретической работе и ее насущных задачах в данное время — ни слова ни в этой программе, ни в тех дополнениях к ней, которые принял тре-тий съезд Союза 1901 года («Два съезда», стр. 15–18). За все это время редакция «Р. Дела» оставляла в стороне теоретиче-ские вопросы, несмотря на то, что они волновали всех соци-ал-демократов всего мира.

Другое объявление, наоборот, прежде всего указывает на ослабление в последние годы интереса к теории, настоятельно требует «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата» и призывает к «беспощадной критике бернштейновских и других антиреволюционных тенденций» в нашем движении. Вышедшие номера «Зари» показывают, как выполнялась эта программа.

Итак, мы видим, что громкие фразы против окостенения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ». Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о Готской программе, в котором он *резко порицает* допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться, — писал Маркс вожакам партии, — то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли

в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал экономистам Аксельрод) оживлением несоциал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать,

что роль *передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает *не две* формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — *а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу*. Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надеясь, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg»¹, которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

¹ Dritter Abdruck. Leipzig, 1875. Verlag der Genossenschaftsbuchdrackerei («Крестьянская война в Германии». Третье издание. Лейпциг, 1875 г. Издание Кооперативного издательства. Ред.)

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратиться себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французской, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс со все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

...Если немецкие рабочие будут так же идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии».

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 144—147.

II. СТИХИЙНОСТЬ МАСС И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

а) НАЧАЛО СТИХИЙНОГО ПОДЪЕМА

Мы отметили в предыдущей главе *повальное* увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности — рознь.

Стачки бывали в России и в 70-х, и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического. В этом смысле, стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и *не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов

и т. п.¹ Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой Группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно малоизвестный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации») — не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности. Так, например, той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», был составлен еще в конце 1895 года первый номер газеты под названием «Рабочее Дело». Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами

¹ Тред-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Тред-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии тред-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе.

в набег с 8 на 9 декабря 1895 г. у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева¹, и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы. Затем была статья «О чем думают наши министры?», посвященная полицейскому разгрому Комитетов Грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.). Таким образом этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы, и революционной интеллигенции, и получила бы самое широкое распространение. Неуспех же предприятия доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про «СПБ. Рабочий Листок»² и в особенности про «Рабочую Газету» и про «Манифест» образованной весной 1898 г. Росс. С.-Д.Р.П. Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит ставить эту неподготовленность в вину тогдашним деятелям. Но для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта

¹ А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в предварилке. Поэтому мы и сочли возможным опубликовать приводимые в тексте сведения, за достоверность которых мы ручаемся, ибо они исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А. А. Ванеева.

² «СПБ. Рабочий Листок» — газета, издававшаяся Петербургским «Союзом борьбы» в 1897 г. Всего вышло два номера. *Ред.*

практические уроки, необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895—1898 г.г. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой¹. Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, — временные неудачи представляли из себя пол-беды. Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но пол-беды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди, — и даже социал-демократические органы, — которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже *теоретически* обосновать свое *раболепство и преклонение пред стихийностью*. Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

¹ «Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие в то время условий для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования», — заявляют «экономисты» в своем «письме в русские социал-демократические органы» («Искра» № 12). Приведенные в тексте факты доказывают, что это утверждение об «отсутствии условий» *диаметрально противоположно истине*. Не только в конце, но и в половине 90-х годов вполне были налицо все условия для *иной* работы, кроме борьбы за мелкие требования, все условия, кроме достаточной подготовки руководителей. И вот вместо того, чтобы открыто признать этот недостаток подготовки со стороны нас, идеологов, руководителей, — «экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечь движения никаким идеологам. Что это такое, как не *раболепство пред стихийностью?* как не влюбленность «идеологов» в свои недостатки?

б) ПРЕКЛОНЕНИЕ ПРЕД СТИХИЙНОСТЬЮ. «РАБОЧАЯ МЫСЛЬ»

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 года А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей¹ пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9–10 «Листка „Работника“» (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние «экономисты»). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов,

¹ «Некоторые товарищи А. А. Ванеева — это Ленин, Мартов, Кржижановский и другие члены Петербургского «Союза борьбы», выпущенные 26 февраля 1897 г. из тюрьмы на несколько дней перед отправкой в Сибирь и воспользовавшиеся этой отсрочкой для свидания с оставшимися на воле «молодыми» деятелями Союза, склонявшимися к «экономизму». *Ред.*

то причина этого *единственно* та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело экономизм на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально-таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем ссылаться на передовицу первого ее номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И — а («Листок „Работника“» № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминул, разумеется, усердно — не по разуму усердно — расхвалить новую газету, столь резко отличавшуюся от названных нами выше газет и проектов газет¹. А на передовице этой стоит остановиться — настолько рельефно выразила она *весь дух* «Раб. Мысли» и экономизма вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге² не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «...Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берет за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т. е. социал-демократы, организаторы «Союза борьбы») были вырваны полицией из рук, можно

¹ Кстати, эта похвала «Р. Мысли» в ноябре 1898 г., когда экономизм, особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И — а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь!

² Царские жандармы носили синие мундиры. *Ред.*

сказать, рабочих¹, — а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать *назад*, к одной тред-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения — «борьба за экономическое положение» (!) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; объявлялось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года, утверждение со спором «декабристов» с «молодыми» в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой»² и т. д. и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью — стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное

¹ Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу поспособствовал близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

² Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. русской социал-демократии», которые повторяли грубое опознание «экономического материализма» в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже прозванного «реакционных дел мастером» за *такое же* понимание отношения политики и экономики!

оружие тех западно-европейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского тред-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только профессиональная борьба¹ есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом, — и теперь «В. В. русской социал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе *современных* разногласий².

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже *стихийным* путем. Это кажется каламбуром, но это — увы! — горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто — не скажу: участвовал в *современном* русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 года, — то это потому, что на незнание широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении «экономизма» мы можем наблюдать то в высшей степени

¹ У немцев есть даже особое слово: «Nur-Gewerkschaftler», обозначающее сторонников «только-профессиональной» борьбы.

² Мы подчеркиваем *современных* по адресу тех, кто фарисейски пожмет плечами и скажет: теперь легко разносить «Рабочую Мысль», но только это ведь архаизм! Mutato nomine de te fabula narratur (под другим именем о тебе сказка сказывается. *Ред.*) — ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеями «Раб. Мысли» будет *доказано* ниже.

своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто-рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам *буржуазных* «только тред-юнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль», с самого своего начала, принялась — бессознательно для самой себя — осуществлять программу «Credo». Это показывает, — (чего никак не может понять «Р. Дело»), — что *всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии *означает* тем самым, — *совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих*. Все, кто толкует о «переоценке идеологии»¹, о превеличении роли сознательного элемента² и т. п., воображают, что чисто-рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше приведем еще следующие, глубоко справедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии³:

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают *сознание* (курсив К. К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, вырабатывавшая австрийскую программу. В проекте

¹ Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

² «Р. Дело», № 10.

³ «Neue Zeit» («Новое Время». *Ред.*), 1901—1902, XX, I, № 3, стр. 79. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским съездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде.

значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к сознанию» возможности и необходимости социализма. В такой связи социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von Aussen Hineingetragenes) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (irwüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая Гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришел его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли...»

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи¹, то вопрос стоит *только так*: буржуазная или социа-

¹ Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «*литературы для рабочих*», а учились бы овладеть все больше и больше *общей литературой*. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что

листическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда вне-классовой или над-классовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, *идет именно по программе* «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть *Nur-Gewerkschaftlerei*, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит *в борьбе со стихийностью*, состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, *совершенно равносильна* поэтому *отказу от социализма*, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассалья пред немецким рабочим движением? В том, что он *совлек* это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно

«для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

направлялось (*при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных*). Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба со стихийностью*, и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и по-сейчас (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу, а философию его по Струве). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая — в гирш-дункеровские, основанные буржуазными поклонниками английского тред-юнионизма, третья — в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения¹. И чем моложе социалистическое

¹ Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует пред стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но «Раб. Дело» как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы «экономического» письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба неразрывна с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, *если понимать под политикой социал-демократическую политику*. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, *если понимать под политикой политику тред-юнионистскую*, т. е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно общее и английским тред-юнионистам, враждебно относящимся

к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом, мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее *стихийностью*, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки* специфической *социал-демократической политики*, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям. Ниже мы покажем, что такова же ошибка и «Раб. Дела».

Осень 1901 г. — февраль 1902 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 148–158.

**ИЗ КНИГИ:
ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД**

(КРИЗИС В НАШЕЙ ПАРТИИ)

с) НЕЧТО О ДИАЛЕКТИКЕ. ДВА ПЕРЕВОРОТА

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малыми исключениями, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.

Перечислим главные стадии, явственно отличающиеся одна от другой: 1) Спор о § 1 устава. Чисто идейная борьба об основных принципах организации. Мы с Плехановым в меньшинстве. Мартов и Аксельрод предлагают оппортунистическую формулировку и оказываются в объятиях оппортунистов. 2) Раскол организации «Искры» по вопросу о списках кандидатов в ЦК: Фомин или Васильев в пятерке, Троцкий или Травинский в тройке. Мы с Плехановым завоевываем большинство (девять против семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинством по § 1. Коалиция Мартова с оппортунистами подтвердила на деле все мои опасения, вызванные инцидентом с ОК. 3) Продолжение споров о деталях устава. Мартова опять спасают

оппортунисты. Мы опять в меньшинстве и отстаиваем права меньшинства в центрах. 4) Семерка крайних оппортунистов уходит со съезда. Мы оказываемся в большинстве и побеждаем коалицию (искровского меньшинства, «болота» и анти-искровцев) на выборах. Мартов и Попов отказываются от мест в наших тройках. 5) Послесъездовская дрызга из-за кооптации. Разгул анархического поведения и анархической фразы. Наименее выдержанные и устойчивые элементы в «меньшинстве» берут верх. 6) Плеханов переходит, во избежание раскола, к политике «kill with kindness». «Меньшинство» занимает редакцию ЦО и Совет и атакует всеми силами ЦК. Дрызга продолжает заполнять все и вся. 7) Первая атака на ЦК отбита. Дрызга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию, вопроса: а) каково политическое значение и объяснение того деления нашей партии на «большинство» и «меньшинство», которое сложилось на втором съезде и заменило собой все старые деления? б) каково принципиальное значение новой позиции новой «Искры» по организационному вопросу?

Каждая из этих стадий характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной целью атаки; каждая стадия представляет из себя, так сказать, отдельное сражение в одном общем военном походе. Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрызге¹, но затем начинается «отрицание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой

¹ Трудный вопрос о разграничении дрызг и принципиального расхождения решается теперь сам собою: все, что относится к кооптации, есть дрызга; все, что относится к анализу борьбы на съезде, к спорам о § 1 и о повороте к оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто-идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтез, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: *meterre la coda dove non va il capo* (просунуть хвост, где голова не лезет).

Итог диалектического развития нашей партийной борьбы сводится к двум переворотам. Партийный съезд был настоящим переворотом, как справедливо отметил тов. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Правы также и те остряки из меньшинства, которые говорят: мир движется революциями, вот мы и совершили революцию! Они действительно совершили после съезда революцию; правда и то, что мир, вообще говоря, движется революциями. Но конкретное значение каждой конкретной революции этим общим изречением еще не определяется: бывают революции вроде реакции, перефразируя незабвенное выражение незабвенного тов. Махова. Надо знать, революционное или оппортунистическое крыло партии являлось реальной силой, совершавшей переворот,

надо знать, революционные или оппортунистические принципы воодушевляли борцов, чтобы определить, вперед или назад двигала «мир» (нашу партию) та или иная конкретная революция.

Наш партийный съезд был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распушенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особенностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: партии. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел — и прекрасно, что смел! — все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлому обывательщине. «Партия не вынесла своего первого конгресса», как справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартов в своем «Еще раз в меньшинстве». Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность. Разбитое наголову оппортунистическое крыло партии одержало — временно,

конечно, — верх над революционным крылом, подкрепившись случайной акимовской добычей.

В итоге получилась новая «Искра», вынужденная развивать и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на съезде партии. Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрывку оппортунизма — главным образом в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских, и западно-европейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии¹. Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при

¹ Для этого милого занятия выработалась уже и стереотипная форма: наш собственный корреспондент X сообщает про комитет большинства Y, что он дурно обошелся с товарищем из меньшинства Z.

неудачах, бороться выдержанно, презирая обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систематическим трудом полного и сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих в особенности с партийными обязанностями, с борьбой на II партийном съезде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей гибельностью оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует перед буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестящие и шумиху *интеллигентского* анархизма.

Февраль — май 1904 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 413—417.

МАРКС ОБ АМЕРИКАНСКОМ «ЧЕРНОМ ПЕРЕДЕЛЕ»

В № 12 «Вперед» было упомянуто выступление Маркса по аграрному вопросу против Кригэ. Это было не в 1848 году, как ошибочно сказано в статье тов. — ь, а в 1846 году. Сотрудник Маркса, Герман Кригэ, бывший тогда еще очень молодым человеком, переселился в 1845 году в Америку и основал там журнал «Volkstribun» («Народный Трибун») для пропаганды коммунизма. Однако он повел эту пропаганду так, что Маркс вынужден был от имени немецких коммунистов решительно восстать против компрометирования коммунистической партии Германом Кригэ. Критика направления Кригэ, напечатанная в 1846 году в «Westfälisches Dampfboot»¹ и перепечатанная во втором томе меринговского издания сочинений Маркса, представляет для современных русских социал-демократов громадный интерес.

Дело в том, что аграрный вопрос так же выдвигался тогда на одно из первых мест самым ходом американского социального движения, как теперь в России, причем речь шла как раз не о развитом капиталистическом обществе, а о создании первоначальных, основных условий для настоящего развития капитализма. Это последнее обстоятельство особенно важно для параллели между отношением Маркса к американским идеям «черного передела» и отношением русских социал-демократов к современному крестьянскому движению.

¹ — «Вестфальский Пароход». *Ред.*

Кригэ в своем журнале не давал никакого материала для изучения конкретных социальных особенностей американского строя, для выяснения истинного характера тогдашнего движения аграрных реформаторов, стремившихся к уничтожению ренты. Зато Кригэ (совсем как наши «социалисты-революционеры») облекал вопрос об аграрной революции в пышные, широковещательные фразы. «Каждый бедняк, — писал Кригэ, — тотчас же превращается в полезного члена человеческого общества, раз ему обеспечат возможность производительной работы. Таковая возможность будет обеспечена для него навсегда, если общество даст ему кусок земли, на котором он может прокормить себя и свою семью. Если эта гигантская земельная площадь (именно 1.400 миллионов акров северо-американских государственных земель) будет изъята из торгового оборота и в ограниченных количествах обеспечена труду¹, тогда нищете в Америке будет положен одним ударом конец»...

Маркс возражает на это: «Можно было бы ждать понимания того, что не во власти законодателей декретами остановить развитие желанного для Кригэ патриархального строя в индустриальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточного берега назад в патриархальное варварство».

Итак, перед нами настоящий план американского черно-го передела: изъятие массы земли из торгового оборота, право на землю, ограничение пределов землевладения или землепользования. И Маркс с самого начала выступает с трезвой критикой утопизма, указывает на неизбежность превращения патриархального строя в индустриальный, т. е. на неизбежность развития капитализма, если говорить современным языком. Но было бы большой ошибкой думать, что утопические мечты участников движения заставляют Маркса отрицательно отнестись к самому движению вообще. Ничего подобного. Еще тогда, в самом начале своего литературного

¹ Вспомните, что писала «Рев. Россия» начиная с № 8 о перетекании земли от капитала к труду, о значении государственных земель в России, об уравнительном землепользовании, о буржуазной идее вовлечения земли в торговый оборот и пр. Совсем как Кригэ!

поприща, Маркс умел выделять реальное прогрессивное содержание движения от его мишурных идеологических облачений. Во втором отделе своей критики, озаглавленном: «Экономия (т. е. политическая экономия) «Народного Трибуна» и его отношение к молодой Америке», Маркс писал:

«Мы вполне признаем движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда, в данную минуту дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который, будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму. Кригэ, прикнувший вместе с немецкими коммунистами в Нью-Йорке к движению против ренты (Anti-Rent-Bewegung), облакает этот простой факт в напыщенные фразы, не вдаваясь в рассмотрение самого содержания движения. Он доказывает этим, что ему совершенно неясна связь между молодой Америкой и американскими общественными условиями. Приведем еще пример его напыщенных фраз о плане аграриев парцеллировать землевладение в американском масштабе.

В № 10 «Народного Трибуна» в статье «Чего мы хотим» говорится: «Американские национал-реформисты называют землю общим достоянием всех людей... и требуют принятия народным законодательством таких мер, чтобы 1.400 миллионов акров земли, не попавшие еще в руки грабителей-спекулянтов, были сохранены, как неотчуждаемое общее достояние всего человечества». И вот, чтобы сохранить для всего человечества это «неотчуждаемое и общее достояние», он принимает план национал-реформистов: «предоставить каждому крестьянину, из какой бы страны родом он ни был, 160 акров американской земли для его прокормления». В № 14 в статье «Ответ Конзу» (Konze) этот план излагается так: «Из этого нетронутого еще народного достояния никто не должен получить во владение больше 160 акров, да и это количество лишь при том условии, чтобы он сам их обрабатывал». Итак,

в целях сохранения земли «неотчуждаемым общим достоянием» и притом «всего человечества» следует немедленно начать с того, что поделить эту землю. Кригэ воображает, что он в силах запретить каким-нибудь законом необходимые последствия этого передела: концентрацию, промышленный прогресс и т. д. 160 акров земли представляются ему, как нечто само себе равное, как будто бы стоимость такой земельной площади не была различна смотря по ее качеству. «Крестьяне» будут обмениваться между собой и с другими людьми, если не самой землей, то продуктами ее. А раз дойдет до этого, то скоро окажется, что один «крестьянин» и без капитала благодаря своему труду и большей природной плодородности своих 160 акров доведет другого до положения своего батрака. А затем, разве не все равно, «земля» ли или продукты земли «попадут в руки грабителей-спекулянтов»? Рассмотрим серьезно этот подарок, который Кригэ делает человечеству. 1.400 миллионов акров должны быть сохранены «как неотчуждаемое общее достояние всего человечества». При этом каждому крестьянину должно достаться по 160 акров. Мы можем, следовательно, сосчитать, как велико кригэвское «человечество»: ровно $8\frac{3}{4}$ миллионов «крестьян» или, считая по 5 голов на семью, $43\frac{3}{4}$ миллиона человек. Мы можем равным образом сосчитать, как долго продолжатся эти «вечные времена», на которые должен «овладеть всей землей пролетариат в качестве представителя человечества» по крайней мере в Соединенных Штатах. Если население Соед. Штатов будет удваиваться так же быстро, как до сих пор, т. е. каждые 25 лет, тогда эти «вечные времена» продлятся неполных 40 лет. В 40 лет будут заняты эти 1.400 миллионов акров, и последующим поколениям нечем будет и «овладевать». Но так как даровая раздача земли чрезвычайно усилит иммиграцию, то кригэвские «вечные времена» могут окончиться еще раньше, особенно если принять во внимание, что количество земли на 44 миллиона человек не хватит даже для теперешнего европейского пауперизма, как отводный канал его. В Европе всякий десятый человек паупер: одни британские острова насчитывают их 7 миллионов. Подобную же политико-экономическую наивность встречаем в № 13 в статье

«К женщинам», где Кригэ говорит, что если бы город Нью-Йорк отдал свои 52.000 акров земли на Лонг-Айленд¹, то этого было бы достаточно, чтобы «сразу» освободить Нью-Йорк навсегда от всякого пауперизма, нищеты и преступлений.

Если бы Кригэ взглянул на движение, стремящееся к освобождению земли, как на необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, если бы он оценил это движение, как такое, которое в силу жизненного положения того класса, от которого оно исходит, необходимо должно развиваться дальше в коммунистическое движение, если бы он показал, каким образом коммунистические стремления в Америке должны были первоначально выступать в этой аграрной форме, на первый взгляд противоречащей всякому коммунизму, — тогда против этого ничего нельзя было бы возразить. Кригэ же объявляет эту форму движения известных действительных людей, имеющую лишь подчиненное значение, делом человечества вообще. Кригэ выставляет это дело как последнюю, высшую цель всякого движения вообще, превращая таким образом определенные цели движения в чистейшую напыщенную бессмыслицу. В той же статье 10-го номера он поет такие триумфальные песни: «И вот, таким образом исполнились бы, наконец, исконные мечты европейцев, для них была бы приготовлена по сю сторону океана земля, которую им оставалось бы взять и оплодотворить трудом рук своих, чтобы бросить в лицо всем тиранам мира гордое заявление: это *моя* хижина, которой вы не строили, это *мой* очаг, наполняющий ваши сердца завистью».

Кригэ мог бы добавить: это *моя* куча навоза, произведенная мною, моей женой и детьми, моим батраком и моим скотом. И какие же это европейцы увидели бы тут осуществление своих «мечтаний»? Только не коммунистические рабочие! Разве те обанкротившиеся лавочники и цеховые мастера или разорившиеся крестьяне, которые стремятся к счастью снова стать в Америке мелкими буржуа и крестьянами! И в чем состоит «мечта», осуществляемая при помощи этих 1.400 миллионов акров? Ни в чем другом, как в том, чтобы

¹ — Остров близ Нью-Йорка. *Ред.*

превратить всех людей в частных собственников. Такая мечта столь же неосуществима и столь же коммунистична, как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап».

Критика Маркса полна яда и сарказма. Он бичует Кригэ именно за те черты его воззрений, которые мы видим теперь у наших «соц.-революционеров»: господство фразы, мелкобуржуазные утопии, выставляемые в качестве высшего революционного утопизма, непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития. С замечательной прозорливостью Маркс, тогда представлявший из себя лишь *будущего* экономиста, указывает на роль обмена, товарного хозяйства. Если не земель, — говорит он, — то продуктами земли крестьяне будут обмениваться, а этим уже все сказано! Вся эта постановка вопроса в очень и очень многом применима к русскому крестьянскому движению и его мелкобуржуазным «социалистическим» идеологам.

Но Маркс далек в то же время от простого «отрицания» этого мелкобуржуазного движения, от доктринерского игнорирования его, от боязни, свойственной многим начетчикам, запачкать себе руки прикосновением к революционной мелкобуржуазной демократии. Беспощадно высмеивая вздорность идеологических облачений движения, Маркс старается материалистически-трезво определить его *действительное* историческое содержание, его неизбежные последствия, которые должны наступить в силу объективных условий, независимо от воли и сознания, мечтаний и теорий тех или иных лиц. Маркс не порицает поэтому, а вполне одобряет поддержку этого движения коммунистами. Стоя на диалектической точке зрения, т. е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое, и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность, Маркс признает мелкобуржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения. Того, чего вы мечтаете достигнуть этим движением, говорит Маркс по адресу Кригэ, вы не достигнете, — вместо братства наступит мелкобуржуазная обособленность, вместо неотчуждаемости крестьянских наделов — вовлечение земли в торговый оборот,

вместо удара грабителям-спекулянтам — расширение базы для капиталистического развития. Но то капиталистическое зло, которого вы тщетно мните избежать, является исторически добром, ибо оно страшно ускорит общественное развитие и приблизит во много раз новые, высшие формы коммунистического движения. Удар, нанесенный поземельной собственности, облегчит неизбежные дальнейшие удары собственности вообще; революционное выступление низшего класса с преобразованием, временно дающим узенькое благоденствие далеко не всем, облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление самого низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся.

Для нас, русских социал-демократов, постановка вопроса Марксом против Кригэ должна служить образцом. Действительный мелкобуржуазный характер современного крестьянского движения в России не подлежит сомнению; мы должны разъяснять это всеми силами и беспощадно, непримиримо бороться со всякими иллюзиями всяких «социалистов-революционеров» или примитивных социалистов на этот счет. Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. Нет, революционно-демократический характер этого движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически-сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, идти вместе с ним, рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы. Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России. Чем беспросветнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреоборимее будет его революционный натиск. Дело

сознательного революционного пролетариата всеми силами поддержать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм.

Апрель 1905 г.

Соч., 3 изд., т. VII, стр. 219—224.

**ИЗ КНИГИ:
ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ
В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

**ПОСЛЕСЛОВИЕ
ЕЩЕ РАЗ ОСВОБОЖДЕНСТВО, ЕЩЕ РАЗ НОВОИСКРОВСТВО**

**III. ВУЛЬГАРНО-БУРЖУАЗНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
ДИКТАТУРЫ И ВЗГЛЯД НА НЕЕ МАРКСА**

Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала, между прочим, такой упрек этой газете. «Новая Рейнская Газета» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии» (Marx' Nachlass, том III, стр. 53). С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Мартынова, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Впереда» и «Пролетария» к лозунгу диктатура тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья» («Искра» № 103, стр. 3, столб. 2). Чтобы разъяснить Мартынову понятие

диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, не бесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, — писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, — после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т. е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу».

В этих словах, — справедливо говорит Меринг, — резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Новая Рейнская Газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство *должно* выступать диктаторски (положение, которого никак не могла понять «Искра», чуравшаяся лозунга: диктатура); — что задача этой диктатуры — уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III съезда РСДРП о борьбе с контрреволюцией и что опущено в резолюции конференции, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 6 июня 1848 г. «Учредительное народное собрание, — писал Маркс, — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет

от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?».

Вот каков смысл лозунга: диктатура. Можно видеть отсюда, как отнесся бы Маркс к резолюциям, называющим «решение организовать учредительное собрание» решительной победой или приглашающим «оставаться партией крайней революционной оппозиции»!

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9 января. А раз такое положение создано, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры.

По вопросу о задачах этой диктатуры Маркс писал еще в «Новой Рейнской Газете»: «Национальное Собрание должно было бы диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки... А это собрание утомляет немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлеченным им». Национальное Собрание должно было бы, по мнению Маркса, «удалить из фактически существующего строя Германии все противоречащее принципу самодержавия народа», затем «укрепить ту революционную почву, на которой оно стоит, обезопасить завоеванное революцией самодержавие народа от всех нападений».

Следовательно, по содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к *демократическому* перевороту: защита от контрреволюции и фактическое

устранение всего противоречащего самодержавию народа. Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура.

Теперь дальше: какие классы могли и должны были, по мнению Маркса, осуществить эту задачу (провести на деле до конца принцип самодержавия народа и отбить атаки контрреволюции?). Маркс говорит о «народе». Но мы знаем, что против мелкобуржуазных иллюзий о единстве «народа», об отсутствии классовой борьбы внутри народа он боролся всегда беспощадно. Употребляя слово: «народ», Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию.

После победы берлинского пролетариата 18 марта, — писала «Новая Рейнская Газета», — результаты революции оказались двоякие: «С одной стороны, народное вооружение, право союзов, фактически завоеванное самодержавие народа; с другой стороны, сохранение монархии и министерство Кампгаузена-Ганземана, т. е. правительство представителей крупной буржуазии. Таким образом, революция имела двоякого рода результаты, которые неизбежно должны были придти к разрыву. Народ победил; он завоевал свободы решительно демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии. Одним словом, революция была не доведена до конца. Народ предоставил представителям крупной буржуазии образование министерства, а эти представители крупной буржуазии доказали свои стремления тотчас же тем, что предложили союз старо-прусскому дворянству и бюрократии. В министерство вступили Арним, Канитц и Шверин.

«Крупная буржуазия, анти-революционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией» (курсив наш).

Итак, не только «решение организовать учредительное собрание» недостаточно еще для решительной победы революции, но даже и действительный созыв его! Даже после частичной победы в вооруженной борьбе (победа берлинских рабочих над войском 18 марта 1848 года) возможна «неоконченная»,

«не доведенная до конца» революция. От чего же зависит ее доведение до конца? От того, в чьи руки переходит непосредственное господство: в руки ли Петрункевичей и Родичевых, то бишь Кампгаузенов и Ганземанов, или в руки *народа*, т. е. рабочих и демократической буржуазии. В первом случае буржуазия будет иметь власть, а пролетариат — «свободу критики», свободу «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Буржуазия сейчас же после победы заключит союз с реакцией (это неизбежно совершилось бы и в России, если бы, например, петербургские рабочие одержали лишь частичную победу в уличном бое с войсками и предоставили образование правительства господам Петрункевичам и К^о). Во втором случае была бы возможна революционно-демократическая диктатура, т. е. полная победа революции.

Остается точнее определить, что собственно понимал Маркс под «демократической буржуазией» (*demokratische Bürgerschaft*), которую вместе с рабочими он называл народом в противоположность крупной буржуазии?

Ясный ответ на этот вопрос дает следующее место из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 29 июля 1848 г.: «...Немецкая революция 1848-го года есть лишь пародия французской революции 1789-го года.

4 августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

11 июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ. *Teste Gierke cum Hansemanno*¹.

Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой

¹ «Свидетели: г. Гирке купно с г. Ганземаном». Ганземан — министр партии крупной буржуазии (по-русски: Трубецкой или Родичев и т. п.). Гирке — министр земледелия в министерстве Ганземана, выработавший проект, «смелый» проект якобы «безвозмездного» «уничтожения феодальных повинностей», на деле же уничтожения мелких и неважных, но сохранения или выкупа более существенных повинностей. Г. Гирке — нечто вроде русских гг. Каблуковых, Мануйловых, Герценштейнов и тому подобных буржуазно-либеральных друзей мужика, которые хотят «расширения крестьянского землевладения», но не хотят обидеть помещиков.

ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого (grundbesitzenden) крестьянского класса.

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предаёт крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь».

Это очень поучительное место, которое дает нам четыре важных положения: 1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но в частности и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот. 4) Крестьяне — «самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции.

С соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма, все эти положения целиком применимы и к России 1905 года. Несомненно, что, извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем придти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство. Несомненно, что и у нас в России либеральная буржуазия и господа освобожденцы предадут и предадут крестьянство, т. е. отделаются лже-реформой, встанут на сторону помещиков в решительной борьбе между ними и крестьянством. Только пролетариат способен поддержать крестьянство до конца в этой борьбе. Несомненно, наконец, что и у нас в России успех крестьянской борьбы,

т. е. переход к крестьянству всей земли, будет означать полный демократический переворот, являясь социальной опорой доведенной до конца революции, но отнюдь не социалистический переворот и не «социализацию», о которой говорят идеологи мелкой буржуазии, социалисты-революционеры. Успех крестьянского восстания, победа демократической революции лишь расчистит путь для действительной и решительной борьбы за социализм на почве демократической республики. Крестьянство, как землевладельческий класс, сыграет в этой борьбе ту же предательскую, неустойчивую роль, какую играет теперь буржуазия в борьбе за демократию. Забывать это — значит забывать социализм, обманывать себя и других насчет истинных интересов и задач пролетариата.

Чтобы не оставить пробела в изображении взглядов Маркса в 1848 году, необходимо отметить одно существенное отличие тогдашней немецкой социал-демократии (или коммунистической партии пролетариата, говоря тогдашним языком) от современной русской социал-демократии. Предоставим слово Мерингу:

«„Новая Рейнская Газета“ выступила на политическую арену как „орган демократии“. Нельзя не видеть красной нити, проходящей через все ее статьи. Но непосредственно она защищала более интересы буржуазной революции против абсолютизма и феодализма, чем интересы пролетариата против интересов буржуазии. Об особом рабочем движении во время революции мало найдете материала на ее столбцах, хотя не следует забывать, что рядом с ней выходил два раза в неделю, под редакцией Молля и Шаппера, особый орган Кельнского рабочего союза. Во всяком случае современному читателю бросается в глаза, как мало интереса уделяла „Новая Рейнская Газета“ тогдашнему немецкому рабочему движению, хотя самый способный деятель его, Стефан Борн, учился у Маркса и Энгельса в Париже и Брюсселе и в 1848 году корреспондировал из Берлина в их газету. Борн рассказывает в своих „Воспоминаниях“, что Маркс и Энгельс никогда не выражали ему ни единым словом своего неодобрения его рабочей агитации. Но позднейшие заявления Энгельса делают вероятным предположение, что

они были недовольны, по меньшей мере, приемами этой агитации. Их недовольство было основательно постольку, поскольку Борн вынужден был делать много уступок, еще совершенно не развитому в большей части Германии, классовому сознанию пролетариата, уступок, не выдерживающих критики с точки зрения „Коммунистического Манифеста“. Их недовольство было неосновательно постольку, поскольку Борн все же умел поддерживать руководимую им агитацию на сравнительно значительной высоте... Без сомнения, Маркс и Энгельс были исторически и политически правы, усматривая самый важный интерес рабочего класса прежде всего в возможно большем подталкивании буржуазной революции... Несмотря на это, замечательным доказательством того, как элементарный инстинкт рабочего движения умеет исправлять концепции самых гениальных мыслителей, является тот факт, что они в апреле 1849 года высказались за специфическую рабочую организацию и решили участвовать на рабочем съезде, приготавливавшемся в особенности ост-эльбским (Восточная Пруссия) пролетариатом».

Итак, только в апреле 1849 года, после почти годового издания революционной газеты («Новая Рейнская Газета» начала выходить 1 июня 1848 г.), Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто «орган демократии», не связанный никакими организационными узлами с самостоятельной рабочей партией! Этот факт, — чудовищный и невероятный с нашей современной точки зрения, — показывает нам ясно, какое громадное различие было между тогдашней немецкой и теперешней русской социал-демократической рабочей партией. Этот факт показывает нам, во сколько раз менее обнаруживались на немецкой демократической революции (благодаря отсталости Германии в 1848 г. и в экономическом отношении, и в политическом — государственная раздробленность) пролетарские черты движения, пролетарская струя в нем. Этого не надо забывать при оценке многократных заявлений Маркса, этой и немного позднейшей эпохи, о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата. Маркс только из опыта демократической революции, почти через год,

сделал практически этот вывод: до того мещанской, мелкобуржуазной была тогда вся атмосфера в Германии. Для нас этот вывод есть уже давнее и прочное приобретение полувекового опыта международной социал-демократии, — приобретение, с которого мы *начинали* организацию Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У нас не может быть, напр., и речи о том, чтобы революционные газеты пролетариата стояли вне соц.-дем. партии пролетариата, чтобы они могли хоть на минуту выступить просто как «органы демократии».

Но та противоположность, которая едва начала обнаруживаться между Марксом и Стефаном Борном, существует у нас в тем более развитом виде, чем могущественнее выступает пролетарская струя в демократическом потоке нашей революции. Говоря о вероятном недовольстве Маркса и Энгельса агитацией Стефана Борна, Меринг выражается чересчур мягко и уклончиво. Вот что писал Энгельс о Борне в 1885 году (в предисловии к «Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln». Zürich. 1885¹):

Члены Союза коммунистов повсюду стояли во главе крайнего демократического движения, доказывая тем, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. «Наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «рабочее братство» («Arbeiterverbrüderung»), которое получило значительное распространение и продержалось до 1850 года. Борн, талантливый молодой человек, слишком поспешил, однако, с выступлением в качестве политического деятеля. Он «братался» с самым разношерстным сбродом (Kretz und Plethi), лишь бы собрать вокруг себя толпу. Он был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его братства постоянно попадается поэтому путаница и смешение взглядов «Коммунистического Манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма

¹ — «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов». Цюрих. 1885. *Ред.*

и т. д.; одним словом, эти люди хотели всем угодить (*Allen alles sein*). В особенности занимались они устройством стачек, профессиональных союзов, производительных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи (курсив наш). И вот, когда победы реакции заставили вожаков этого братства почувствовать необходимость прямого участия в революционной борьбе, — тогда, само собою разумеется, неразвитая масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 года и спасся по счастливому случаю. Рабочее же братство удержалось в стороне от великого политического движения пролетариата как обособленный союз, существовавший большей частью на бумаге и игравший до того второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрыть его лишь в 1850 году, а его филиальные отделения лишь много лет спустя. Борн, которому надо бы собственно называться *Buttermilch* (кислое молоко¹), так и не сделался политическим деятелем, а оказался маленьким швейцарским профессором, который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана на сладенький немецкий язык».

Вот как оценивал Энгельс две тактики социал-демократии в демократической революции!

Наши новоискровцы тоже гнут к «экономизму» с таким усердием не по разуму, что заслуживают

¹ Настоящая фамилия Борна *Buttermilch*. Переводя Энгельса, я сделал здесь ошибку в первом издании, приняв слово *Buttermilch* не за собственное имя, а за нарицательное. Эта ошибка доставила, конечно, необыкновенно много удовольствия меньшевикам. Кольцов писал, что я «углубил Энгельса» (перепечатано в сборнике «За два года»), Плеханов и теперь напоминает эту ошибку в «Товарище», — одним словом, нашелся прекраснейший повод замять вопрос о двух тенденциях в рабочем движении 1848 года в Германии, тенденции Борна (сродни нашим «экономистам») и тенденции марксистской. Использовать ошибку оппонента, хоть бы и по вопросу о фамилии Борна, это более чем естественно. Но замять посредством поправок к переводу суть вопроса о двух тактиках — значит спасовать по существу спора. *Ред.*

похвалы монархической буржуазии за свое «просветление». Они тоже собирают вокруг себя разношерстную публику, льстя «экономистам», демагогически привлекая неразвитую массу лозунгами «самодеятельности», «демократизма», «автономии» и пр., и т. д. Их рабочие союзы тоже существуют часто лишь на страницах хлестаковской новой «Искры». Их лозунги и резолюции обнаруживают такое же непонимание задач «великого политического движения пролетариата».

Июнь — июль 1905 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 505—512.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Вопрос о партизанских действиях сильно интересует нашу партию и рабочую массу. Мы уже затрагивали неоднократно этот вопрос мимоходом и теперь намерены приступить к обещанному нами более цельному изложению наших взглядов.

I

Начнем с начала. Какие основные требования должен предъявить всякий марксист к рассмотрению вопроса о формах борьбы? Во-1-х, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательно-го отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая *неизбежность* новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении *учит-ся*, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий *учить* массы выдумываемым кабинетными

«систематиками» формам борьбы. Мы знаем, — говорил, например, Каутский, рассматривая формы социальной революции, — что грядущий кризис принесет нам новые формы борьбы, которых мы не можем предвидеть теперь.

Во-2-х, марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покинуть совершенно почву марксизма.

Таковы два основные теоретические положения, которыми мы должны руководиться. История марксизма в Западной Европе дает нам бездну примеров, подтверждающих сказанное. Европейская социал-демократия считает в данное время парламентаризм и профессиональное движение главными формами борьбы, она признавала восстание в прошлом и вполне готова признать его, с изменением конъюнктуры, в будущем, — вопреки мнению либеральных буржуа, вроде русских кадетов и беззаглавцев. Социал-демократия отрицала всеобщую стачку в 70-х годах, как социальную панацею, как средство сразу свергнуть буржуазию неполитическим путем, — но социал-демократия вполне признает массовую политическую стачку (особенно после опыта России в 1905 г.), как *одно* из средств борьбы, необходимое при *известных* условиях. Социал-демократия признавала уличную баррикадную борьбу в 40-х годах XIX века, — отвергала ее на основании определенных данных в конце XIX века, — выражала полную готовность пересмотреть этот последний взгляд и признать целесообразность баррикадной борьбы после опыта Москвы, выдвинувшей, по словам К. Каутского, новую баррикадную тактику.

II

Установив общие положения марксизма, перейдем к русской революции. Припомним историческое развитие выдвинутых ею форм борьбы. Сначала экономические стачки рабочих (1896—1900), затем политические демонстрации, рабочих и студентов (1901—1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов 1902, летние стачки 1903, 22 (9) января 1905), всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (1905, декабрь), парламентская мирная борьба (апрель—июнь 1906), военные частичные восстания (июнь 1905 — июль 1906 г.г.), крестьянские частичные восстания (осень 1905 — осень 1906 годов).

Таково положение дел к осени 1906 г. с точки зрения форм борьбы вообще. «Ответной» формой борьбы самодержавия является черносотенный погром, начиная от Кишинева весной 1903 года и кончая Седлецом осенью 1906 года. За весь этот период организация черносотенного погрома и избиения евреев, студентов, революционеров, сознательных рабочих все более прогрессирует, совершенствуется, объединяя с насилием подкупленной черни насилия черносотенного войска, доходя до применения артиллерии в селах и городах, сливаясь с карательными экспедициями, карательными поездами и так далее.

Таков основной фон картины. На этом фоне вырисовывается, — несомненно, как нечто частное, второстепенное, побочное, — то явление, изучению и оценке которого посвящена настоящая статья. Что представляет из себя это явление? каковы его формы? его причины? время возникновения и степень распространения? его значение в общем ходе революции? его отношение к организуемой и руководимой социал-демократией борьбе рабочего класса? Таковы вопросы, к которым мы должны теперь перейти от обрисовки общего фона картины.

Интересующее нас явление есть *вооруженная* борьба. Ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью

они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России *большую* частью) не принадлежат ни к какой революционной организации. Вооруженная борьба преследует две *различные* цели, которые необходимо *строго* отличать одну от другой; — именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; — во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц. Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу. Крупные экспроприации (кавказская — в 200 с лишним тысяч рублей, московская — 875 тысяч рублей) шли именно на революционные партии в первую голову, — мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание «экспроприаторов». Широкое развитие и распространение получила эта форма борьбы, несомненно, лишь в 1906 году, т. е. после декабрьского восстания. Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострение нужды, голодовки и безработицы в деревнях и в городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу. Как преимущественную и даже *исключительную* форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы. Как «ответную» форму борьбы со стороны самодержавия следует рассматривать военное положение, мобилизацию новых войск, черносотенные погромы (Седлец), военно-полевые суды.

III

Обычная оценка рассматриваемой борьбы сводится к следующему: это — анархизм, бланкизм, старый террор, действия оторванных от масс одиночек, деморализующие рабочих, отталкивающие от них широкие круги населения, дезорганизирующие движение, вредящие революции. Примеры, подтверждающие такую оценку, легко подыскиваются из сообщаемых каждый день в газетах событий.

Но доказательны ли эти примеры? Чтобы проверить это, возьмем местность с *наибольшим* развитием рассматриваемой формы борьбы — Латышский край. Вот как жалуется на деятельность Латышской социал-демократии газета «Новое Время» (от 21 (8)-го и 25 (12)-го сент.). Латышская с.-д. р. партия (часть РСДРП) правильно выпускает в 30.000 экземплярах свою газету. В официальном отделе печатаются списки шпионов, уничтожение которых есть обязанность каждого честного человека. Содействующие полиции объявляются «противниками революции» и подлежат казни, отвечая кроме того своим имуществом. Деньги для партии с.-д. приказывают населению передавать лишь по предъявлении квитанции с печатью. В последнем отчете партии среди 48.000 руб. дохода за год значится 5.600 руб. от Либавского отделения на оружие, добытые путем экспроприации. — «Новое Время» рвет и мечет, понятно, против этого «революционного законодательства», этого «грозного правительства».

Назвать анархизмом, бланкизмом, терроризмом эту деятельность латышских с.-д. никто не решится. Но почему? Потому, что здесь *ясна* связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое назревает вновь. В применении ко всей России эта связь не так ясно видна, но она существует. Распространение «партизанской» борьбы именно после декабря, связь ее с обострением не только экономического, но и политического кризиса несомненны. Старый русский терроризм был делом интеллигента-заговорщика; теперь партизанскую борьбу ведет, по общему правилу, рабочий боевик или просто безработный рабочий. Бланкизм и анархизм легко приходят в голову людям, склонным к шаблонам, но в обстановке восстания, столь ясной в Латышском крае, непригодность этих заученных ярлычков бьет в глаза.

На примере латышей ярко видна полная неправильность, ненаучность, неисторичность столь обычного у нас анализа партизанской войны вне связи с обстановкой восстания. Надо принять во внимание эту обстановку, подумать об особенностях промежуточного периода между крупными

актами восстания, надо понять, какие формы борьбы порождаются при этом неизбежно, а не отделяться заученным подбором слов, одинаковых и у кадета и у нововременца: анархизм, грабеж, босячество!

Говорят: партизанские действия дезорганизуют нашу работу. Применим это рассуждение к обстановке после декабря 1905 г., к эпохе черносотенных погромов и военных положений. Что больше дезорганизует движение в *такую* эпоху: отсутствие ли отпора или организованная партизанская борьба? Сравните центральную Россию с западной ее окраиной, с Польшей и Латышским краем. Несомненно, что партизанская борьба гораздо шире распространена и выше развита на западной окраине. И так же несомненно, что революционное движение вообще, с.-д. движение в особенности *больше дезорганизованы* в центральной России, чем в западной окраине ее. Конечно, нам в голову не приходит выводить отсюда, что польское и латышское с.-д. движение менее дезорганизованы *благодаря* партизанской войне. Нет. Отсюда следует только, что партизанская война неповинна в дезорганизации с.-д. рабочего движения в России 1906 года.

Тут нередко ссылаются на особенность национальных условий. Но эта ссылка выдает в особенности ярко слабость ходячей аргументации. Если дело в национальных условиях, значит дело не в анархизме, бланкизме, терроризме — грехах общероссийских и даже специально русских, — а в чем-то ином. Разберите это что-то иное *конкретно*, господа! Вы увидите тогда, что национальный гнет или антагонизм ничего не объясняют, ибо они были всегда на западных окраинах, а партизанскую борьбу родил только данный исторический период. Есть много мест, где есть национальный гнет и антагонизм, но нет партизанской борьбы, развивающейся иногда без всякого национального гнета. Конкретный разбор вопроса покажет, что дело не в национальном гнете, а в условиях восстания. Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями» в гражданской войне.

Дезорганизуют движение не партизанские действия, а слабость партии, не умеющей *взять в руки* эти действия. Вот почему обычные у нас, русских, анафемы против партизанских выступлений соединяются с действительно дезорганизующими партию тайными, случайными, неорганизованными партизанскими действиями. Бессильные понять, какие исторические условия вызывают эту борьбу, мы бессильны и парализовать ее дурные стороны. А борьба тем не менее идет. Ее вызывают могучие экономические и политические причины. Мы не в силах устранить эти причины и устранить этой борьбы. Наши жалобы на партизанскую борьбу, это — жалобы на нашу партийную слабость в деле восстания.

Сказанное нами о дезорганизации относится и к деморализации. Деморализует не партизанская война, а *неорганизованность*, беспорядочность, беспартийность партизанских выступлений. От этой *несомненной* деморализации нас ни капли не избавляют осуждения и проклятия по адресу партизанских выступлений, ибо эти осуждения и проклятия абсолютно бессильны остановить явление, вызываемое глубокими экономическими и политическими причинами. Возразят: если мы бессильны остановить ненормальное и деморализующее явление, то это не довод за переход *партии* к аномальным и деморализующим средствам борьбы. Но такое возражение было бы уже чисто либерально-буржуазным, а не марксистским, ибо считать *вообще* аномальной и деморализующей гражданскую войну или партизанскую войну, как одну из ее форм, марксист не может. Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист *обязан* стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма.

В эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является *воюющая партия*. Это абсолютно неоспоримо. Мы вполне допускаем, что с точки зрения гражданской войны можно доказывать и доказать *нецелесообразность* тех

или иных форм гражданской войны в тот или иной момент. Критику различных форм гражданской войны с точки зрения *военной целесообразности* мы вполне признаем и безусловно соглашаемся, что решающий голос в *таком* вопросе принадлежит практикам с.-д. каждой отдельной местности. Но во имя принципов марксизма мы безусловно требуем, чтобы от анализа условий гражданской войны не отделялись избитыми и шаблонными фразами об анархизме, бланкизме, терроризме, чтобы бессмысленные приемы партизанских действий, примененных такой-то пепеэсовской организацией в такой-то момент, не выдвигались как пугало по вопросу о самом участии с.-д. в партизанской войне вообще.

К ссылкам на дезорганизацию движения партизанской войной надо относиться критически. *Всякая* новая форма борьбы, сопряженная с новыми опасностями и новыми жертвами, неизбежно «дезорганизует» неподготовленные к этой новой форме борьбы организации. Наши старые кружки пропагандистов дезорганизовывал переход к агитации. Наши комитеты дезорганизовывал впоследствии переход к демонстрациям. Всякое военное действие на какой угодно войне вносит известную дезорганизацию в ряды воюющих. Отсюда нельзя выводить, что не следует воевать. Отсюда надо выводить, что следует *научиться* воевать. Только и всего.

Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят? По всей стране идут вооруженные стычки и схватки черносотенного правительства с населением. Это явление абсолютно неизбежное на данной ступени развития революции. Население стихийно, неорганизованно — и именно поэтому часто в неудачных и *дурных* формах — реагирует на это явление тоже вооруженными стычками и нападениями. Я понимаю, что мы в силу слабости и неподготовленности нашей организации можем отказаться в данной местности и в данный момент от партийного руководства *этой* стихийной борьбой. Я понимаю, что этот вопрос должны решать местные

практики, что переработка слабых и неподготовленных организаций дело нелегкое. Но когда я вижу у теоретика или публициста социал-демократии не чувство печали по поводу этой неподготовленности, а горделивое самодовольство и нарциссовски-восхищенное повторение заученных в ранней молодости фраз об анархизме, бланкизме, терроризме, тогда мне становится обидно за унижение самой революционной в мире доктрины.

Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы; что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма. А без этого *последнего* условия *все*, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе приближают пролетариат к различным непролетарским слоям вверху или внизу от него и, будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрепываются, извращаются, простигуруются. Стачки, предоставленные стихийному ходу вещей, извращаются в «Alliances» — соглашения рабочих с хозяевами *против* потребителей. Парламент извращается в публичный дом, где шайка буржуазных политиканов торгует оптом и в розницу «народной свободой», «либерализмом», «демократией», республиканизмом, антиклерикализмом, социализмом и всеми прочими ходкими товарами. Газета извращается в общедоступную сводницу, в орудие развращения масс, грубой лести низменным инстинктам толпы и т. д., и т. д. Социал-демократия не знает универсальных средств борьбы, таких, которые отгораживали бы пролетариат китайской стеной от слоев, стоящих немного выше или немного ниже его. Социал-демократия в различные эпохи применяет различные средства, всегда обставляя применение их *строго* определенными идейными и организационными условиями¹.

¹ Большевиков с.-д. часто обвиняют в легкомысленно-пристрастном отношении к партизанским выступлениям. Нелишне поэтому напомнить,

IV

Формы борьбы в русской революции отличаются гигантским разнообразием по сравнению с буржуазными революциями Европы. Каутский отчасти предсказал это, говоря в 1902 году о том, что будущая революция (он добавлял: за исключением, *может* быть, России) будет не столько борьбой народа с правительством, сколько борьбой между двумя частями народа. В России мы видим, несомненно, более широкое развитие этой *второй* борьбы, чем в буржуазных революциях Запада. Враги нашей революции из среды народа малочисленны, но они организуются все больше и больше с обострением борьбы и получают поддержку реакционных слоев буржуазии. Совершенно естественно и неизбежно поэтому, что в *такую* эпоху, в эпоху всенародных политических стачек, *восстание* не сможет вылиться в старую форму единичных актов, ограниченных очень коротким промежутком времени и очень небольшой местностью. Совершенно естественно и неизбежно, что восстание принимает более высокие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. Таковую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, крупных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежутков. Раз это так, — а это несомненно так, — то социал-демократия непременно должна ставить своей задачей создание таких организаций, которые бы в наибольшей мере

что в проекте резолюции о партизанских действиях *та часть* большевиков, которая их защищает, выдвигала следующие условия их признания: «экссы» частного имущества не допускались вовсе; «экссы» казенного имущества не рекомендовались, а только *допускались* под условием *контроля партии* и обращения средств на *нужды восстания*. Партизанские действия в форме террора *рекомендовались* против насильников правительства и *активных* черносотенцев, но при условиях: 1) считаться с настроением широких масс; 2) принимать во внимание условия рабочего движения данной местности; 3) заботиться о том, чтобы силы пролетариата не растрчивались понапрасну. Практическое отличие от этого проекта той резолюции, которая была принята на Объединительном съезде, состоит *исключительно* в том, что не допущены «экссы» казенного имущества.

способны были руководить массами и в этих крупных сражениях и, по возможности, в этих мелких стычках. Социал-демократия в эпоху обострившейся до гражданской войны борьбы классов должна ставить своей задачей не только участие, но и руководящую роль в *этой гражданской войне*. Социал-демократия должна воспитывать и готовить свои организации к тому, чтобы они действительно выступали, как *воюющая сторона*, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля.

Это — трудная задача, слов нет. Ее нельзя решить сразу. Как перевоспитывается и учится в борьбе весь народ в ходе гражданской войны, так и наши организации должны быть воспитаны, должны быть на основании данных опыта перестроены для того, чтобы удовлетворить этой задаче.

Мы не имеем ни малейших претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы, или даже на то, чтобы решать из кабинета вопрос о роли тех или иных форм партизанской войны в общем ходе гражданской войны в России. Мы далеки от мысли видеть в конкретной оценке тех или иных партизанских выступлений вопрос *направления* в социал-демократии. Но мы видим свою задачу в том, чтобы помочь по мере сил правильной *теоретической* оценке новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью; — в том, чтобы бороться беспощадно с шаблонами и предрассудками, мешающими сознательным рабочим правильно поставить новый и трудный вопрос, правильно подойти к его разрешению.

Октябрь 1906 г.

Соч., 3 изд., т. X, стр. 80—88.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ПИСЕМ К. МАРКСА к Л. КУГЕЛЬМАНУ

Издавая отдельной брошюрой полное собрание опубликованных в немецком социал-демократическом еженедельнике «Neue Zeit» писем Маркса к Кугельману, мы ставили своей задачей познакомить русскую публику ближе с Марксом и с марксизмом. В переписке Маркса личным делам его уделено, как и следовало ожидать, очень много места. Для биографа все это — чрезвычайно ценный материал. Но для широкой публики вообще и для рабочего класса России в особенности бесконечно более важны те места писем, которые содержат теоретический и политический материал. Именно у нас, в переживаемую нами революционную эпоху, особенно поучительно вникнуть в тот материал, который рисует Маркса непосредственно откликающимся на все вопросы рабочего движения и всемирной политики. Вполне права редакция «Neue Zeit», что «нас возвышает знакомство с обликом людей, мысль и воля которых сложилась в условиях великих переворотов». Для русского социалиста в 1907 году это знакомство вдвойне необходимо, ибо оно дает массу самых ценных указаний на непосредственные задачи социалистов во всех и всяких переживаемых его страной революциях. Россия именно теперь переживает «великий переворот». Политика Маркса в сравнительно бурные 1860-ые годы очень и очень часто должна служить прямым образцом для политики социал-демократа в современной русской революции.

Мы позволим себе поэтому лишь вкратце отметить особенно важные в теоретическом отношении места из переписки Маркса, — и подробнее остановиться на его революционной политике, как представителя пролетариата.

Выдающийся интерес, с точки зрения более полного и глубокого уяснения марксизма, представляет письмо от 11 июля 1868 г. (стр. 42 и след.). Маркс излагает здесь, в форме полемических замечаний против вульгарных экономистов, чрезвычайно отчетливо *свое* понимание так называемой «трудовой» теории стоимости. Именно те возражения против теории стоимости Маркса, которые всего естественнее возникают у наименее подготовленных читателей «Капитала» и которые всего усерднее подхватываются поэтому дюжинными представителями «профессорской», буржуазной «науки», — разобраны здесь Марксом коротко, просто, замечательно ясно. Маркс показывает здесь, каким путем он шел и каким путем надо идти к объяснению закона стоимости. Он учит, на примере самых обыденных возражений, своему *методу*. Он выясняет связь такого чисто (казалось бы) теоретического и отвлеченного вопроса, как теория стоимости, с «интересами господствующих классов», требующими «*увекочения путаницы*». Остается пожелать, чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать «Капитал», читал и перечитывал названное нами письмо вместе с штудированием первых и наиболее трудных глав «Капитала».

Другие, особенно интересные в теоретическом отношении, места писем, это — оценка Марксом различных писателей. Когда читаешь эти отзывы Маркса, живо написанные, полные страсти, обнаруживающие захватывающий интерес ко всем крупным идейным течениям и анализу их, — чувствуешь себя как бы слушающим речь гениального мыслителя. Кроме мимоходом брошенных отзывов о Дицгене, особенного внимания читателей заслуживают отзывы о прудонистах (стр. 17). «Блестящая» интеллигентская молодежь из буржуазии, бросающаяся «в пролетариат» в периоды общественно-го подъема, неспособная проникнуться точкой зрения рабочего класса и упорно, серьезно работать «в ряду и в шеренге»

пролетарских организации, обрисована несколькими штрихами поразительно ярко.

Вот отзыв о Дюринге (с. 35), как бы предвосхищающий содержание написанной девять лет спустя Энгельсом (вместе с Марксом) знаменитой книги «Anti-Dühring». Есть русский перевод Цедербаума, к сожалению, не только с пропусками, но прямо плохой перевод, с ошибками. Тут же отзыв о Тюнене, задевающий точно так же теорию ренты Рикардо. Маркс уже тогда, в 1868-м году, решительно отвергал «ошибки Рикардо», которые он окончательно опроверг в третьем томе «Капитала», вышедшем в 1894-м году, и которые до сих пор повторяют ревизионисты — начиная от нашего ультрабуржуазного и даже «черносотенного» г. Булгакова и кончая «почти ортодоксом» Масловым.

Интересен также отзыв о Бюхнере с оценкой вульгарного материализма и списанной у Ланге (обычный источник «профессорской» буржуазной философии!) «поверхностной болтовни» (стр. 48).

Перейдем к революционной политике Маркса. У нас в России удивительно распространено среди социал-демократов какое-то мещанское представление о марксизме, — будто революционный период с его особыми формами борьбы и специальными задачами пролетариата является чуть ли не аномалией, а «конституция» и «крайняя оппозиция» — правилом. Ни в одной стране в мире нет в данную минуту такого глубокого революционного кризиса, как в России, — и ни в одной стране нет «марксистов» (принижающих и вульгаризирующих марксизм), которые бы так скептически, филистерски относились к революции. Из того, что содержание революции буржуазно, у нас делают плоский вывод о буржуазии, как *двигателе* революции, о подсобных, несамостоятельных задачах пролетариата в этой революции, о невозможности пролетарского руководства ею!

Как разоблачает это плоское понимание марксизма Маркс в письмах к Кугельману! Вот письмо от 6 апреля 1866-го года. Маркс в это время закончил свой главный труд. Оценку немецкой революции 1848-го года он дал уже окончательно за 14 лет до этого письма. Свои социалистические иллюзии

о близкой социалистической революции в 1848-м году он сам опроверг в 1850-м году. И в 1866-м году он пишет, только еще начиная наблюдать нарастание новых политических кризисов:

«Поймут ли, наконец, наши филистеры (речь идет о немецких либеральных буржуа), что без революции, которая устранил Габсбургов и Гогенцоллернов, дело в конце концов должно привести опять к тридцатилетней войне»... (13—14 стр.).

Ни тени иллюзий насчет того, что ближайшая революция (она произошла сверху, а не снизу, как ждал Маркс) устранил буржуазию и капитализм. Самое ясное и отчетливое констатирование того, что она устранил лишь прусскую и австрийскую монархию. И какая вера в эту буржуазную революцию! Какая революционная страстность пролетарского борца, понимающего громадную роль буржуазной революции для социалистического движения вперед!

Три года спустя, констатируя накануне краха Наполеоновской империи во Франции «очень интересное» общественное движение, Маркс *прямо с восторгом* говорит о том, что «парижане начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе». И, описав вскрывшуюся при этой оценке прошлого борьбу классов, Маркс заключает (стр. 56): «И вот кипит весь котел у чародейки-истории! Когда-то у нас (в Германии) дойдет до этого!».

Вот чему поучиться следовало бы у Маркса российским интеллигентским марксистам, расслабленным скептицизмом, оупленным педантством, склонным к покаянным речам, быстро устающим от революции, мечтающим, как о празднике, о похоронах революции и замене ее конституционной прозой. Им следовало бы поучиться у теоретика-вождя пролетариев вере в революцию, уметь звать рабочий класс к отстаиванию до конца своих непосредственно-революционных задач, твердости духа, не допускающей малодушного хныканья после временных неудач революции.

Педанты марксизма думают: это все этическая болтовня, романтика, отсутствие реализма! Нет, господа, это — соединение революционной теории с революционной политикой,

то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. И тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего, доходя до стремления подделаться поскорее к каждому временному упадку революции, бросить поскорее «революционные иллюзии» и взяться за «реальное» крохоборство.

Маркс в самые мирные, казалось бы, «идиллические», по его выражению, — «безотрадно-болотные» (по словам ред. «Neue Zeit») времена умел нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач. Наши русские интеллигенты, филистерски упрощающие Маркса, в самые революционные времена учат пролетариат политике пассивности, покорного следования «по течению», робкой поддержке самых неустойчивых элементов модной либеральной партии!

Оценка Марксом Коммуны — венец писем к Кугельману. И эта оценка особенно много дает при сопоставлении ее с приемами российских с.-д. правого крыла. Плеханов, малодушно воскликнувший после декабря 1905 г.: «Не надо было братья за оружие», имел скромность сравнивать себя с Марксом. Маркс тоже, дескать, тормозил революцию в 1870 году.

Да, Маркс *тоже* тормозил ее. Но посмотрите, какая бездна открывается при этом, самим Плехановым взятом, сравнении между Плехановым и Марксом.

Плеханов в ноябре 1905 г., за месяц до апогея первой русской революционной волны, не только не предостерегал решительно пролетариат, а, напротив, прямо говорил о необходимости *учиться владеть оружием и вооружаться*. А когда через месяц борьба вспыхнула, — Плеханов без тени анализа ее значения, ее роли в общем ходе событий, ее связи с прежними формами борьбы, поспешил разыграть кающегося интеллигента: «Не нужно было братья за оружие».

Маркс в *сентябре 1870 года, за полгода до Коммуны*, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала. Он вскрыл *заранее* националистические

иллюзии насчет возможности движения в духе 1792-го года. Он умел *не задним числом*, а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие».

И как он повел себя, когда это *безнадежное*, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие»?

Нет. 12-го апреля 1871-го года Маркс пишет *восторженное* письмо Кугельману, — письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего.

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это — *попытка*, говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским «геройским» рабочим. «Какая гибкость, — пишет он, — какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» (стр. 88)... «История не знает еще примера подобного героизма».

Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке *исторической инициативы* русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед *исторической инициативой* масс, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие»! Разве это не небо и земля?

И, как участник массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне, Маркс принимается критиковать *непосредственные шаги* «безумно-храбрых» парижан, «готовых *штурмовать небо*».

О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906–1907 г.г. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом, экономистом*, врагом утопий, который преклоняется перед «попыткой» штурмовать *небо*! Сколько бы слез, снисходительного смеха или сострадания пролили всякие человеки в футляре по поводу бунтарских тенденций, утопизма и проч. и проч., по поводу этой оценки к небу рвущегося движения!

А Маркс не проникся премудростью пескарей, боящихся обсуждать *технику* высших форм революционной борьбы. Он обсуждает именно *технические* вопросы восстания. Оборона или наступление? — говорит он, как если бы военные действия шли под Лондоном. И он решает: непременно наступление, «*надо было сейчас же идти на Версаль*»...

Это писано в апреле 1871 года, за несколько недель до великого кровавого мая...

«Надо было сейчас же идти на Версаль» — повстанцам, начавшим «безумное» (сентябрь 1870 г.) дело штурмования неба.

«Не надо было браться за оружие» в декабре 1905 года, чтобы отстоять силой первые покушения отнять захваченные свободы...

Да, Плеханов недаром сравнил себя с Марксом!

«Вторая ошибка», — продолжает свою *техническую* критику Маркс, — «Центральный Комитет» (*военное начальство* — заметьте это — речь идет о ЦК национальной гвардии) ЦК «слишком рано сложил свои полномочия...»

Маркс умел предостерегать *вожаков* от преждевременного восстания. Но к *пролетариату*, штурмующему небо, он относился как практический советчик, как участник *борьбы* масс, поднимающих *все* движение на *высшую ступень*, несмотря на ложные теории и ошибки Бланки и Прудона.

«Как бы там ни было, — пишет он, — парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания».

И Маркс, не скрывая от пролетариата *ни одной* ошибки Коммуны, посвятил этому *подвигу* произведение, которое *до сих пор* служит лучшим руководством в борьбе за «небо», — и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «свиней».

Плеханов посвятил декабрю «произведение», которое стало почти евангелием кадетов.

Да, Плеханов недаром сравнивал себя с Марксом.

Кугельман ответил Марксу, видимо, какими-то выражениями сомнения, указаниями на безнадежность дела, на реализм в противоположность романтике, — по крайней мере, он сравнил Коммуну — *восстание* с мирной демонстрацией 13 июня 1849 г. в Париже.

Маркс немедленно (17 апреля 1871 года) читает суровую отповедь Кугельману.

«*Творить мировую историю*, — пишет он, — было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов».

Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует «легко было предвидеть... не надо было браться...».

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе.

Нашим нынешним квази-марксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не уметь творить будущее, — совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса. Плеханов и не подумал о ней, когда приступал после декабря 1905 г. к задаче «*тормозить...*».

Но Маркс именно этот вопрос и ставит, не забывая несколько того, что в сентябре 1870 года он сам признал безумие восстания.

«Буржуазные версальские каналы, — пишет он, — поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. *Деморализация рабочего класса* в последнем случае была бы *гораздо большим* несчастьем, чем гибель какого угодно числа вожаков».

Этим мы и закончим краткий обзор уроков достойной пролетариата политики, которые преподает Маркс в письмах к Кугельману.

Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо».

Февраль 1907 г.

Соч., 3 изд., т. X, стр. 361–357.

**ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КНИГИ:
«ПИСЬМА И. Ф. БЕККЕРА, И. ДИЦГЕНА,
Ф. ЭНГЕЛЬСА, К. МАРКСА и ДР. к Ф. А. ЗОРГЕ
и ДР.»**

Предлагаемое русской публике собрание писем Маркса, Энгельса, Дицгена, Беккера и других вождей международного рабочего движения прошлого века представляет из себя необходимое дополнение к нашей передовой марксистской литературе.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на важности этих писем для истории социализма и для всестороннего освещения деятельности Маркса и Энгельса. Эта сторона дела не требует пояснений. Отметим только, что для понимания печатаемых писем необходимо знакомство с основными работами по истории Интернационала (см. Йекк¹: «Интернационал». Русский перевод в издании «Знания»), затем немецкого и американского рабочего движения (см. Фр. Меринг: «История германской социал-демократии» и Морис Хиллквит: «История социализма в Америке») и т. д.

Мы не намерены также пытаться дать здесь общий очерк содержания этой переписки и оценку различных исторических периодов, к которым она относится. Меринг превосходно выполнил это в своей статье: «Der Sorgesche Briefwechsel»

¹ — Йекк. *Ред.*

(«Neue Zeit», 25. Jahrg., Nr. 1 und 2¹), которая приложена будет, вероятно, издателем к настоящему переводу или появится в отдельном русском издании.

Для русских социалистов в переживаемую нами революционную эпоху особенный интерес представляют те уроки, которые борющийся пролетариат должен вынести из знакомства с интимными сторонами деятельности Маркса и Энгельса на протяжении почти 30 лет (1867—1895). Неудивительно поэтому, что и в нашей с.-д. литературе первые попытки познакомить читателей с письмами Маркса и Энгельса к Зорге делались в связи с «боевыми» вопросами социал-демократической тактики в русской революции (плехановская «Современная Жизнь», меньшевистские «Отклики»). На оценке тех мест печатаемой переписки, которые особенно важны с точки зрения современных задач рабочей партии в России, мы и намерены остановить внимание читателей.

Всего чаще высказывались Маркс и Энгельс в своих письмах о злободневных вопросах англо-американского и немецкого рабочего движения. Это понятно, ибо они были немцами, которые жили в то время в Англии и переписывались с своим американским товарищем. О французском рабочем движении и особенно о Парижской Коммуне Маркс высказывался гораздо чаще и обстоятельнее в тех письмах, которые он писал немецкому с.-д. Кугельману².

Сравнение того, как высказывались Маркс и Энгельс по вопросам англо-американского и немецкого рабочего движения, чрезвычайно поучительно. Если принять во внимание, что Германия, с одной стороны, Англия и Америка, — с другой, представляют из себя различные стадии капиталистического развития, различные формы господства буржуазии, как класса, во всей политической жизни этих стран, — то указанное сравнение приобретает особенно большое значение. С научной точки зрения, мы наблюдаем здесь

¹ — «Переписка Зорге». «Новое Время», 25 год изд., № 1 и 2. *Ред.*

² См. «Письма К. Маркса к д-ру Кугельману». Перевод под ред. и с предисловием Н. Ленина. Спб. 1907 г. (см. настоящее издание, стр. 177. *Ред.*)

образчик материалистической диалектики, уменье выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий. С точки зрения практической политики и тактики рабочей партии, мы видим здесь образчик того, как творцы «Коммунистического Манифеста» определяли задачи борющегося пролетариата применительно к различным этапам национального рабочего движения разных стран.

В англо-американском социализме Маркс и Энгельс всего резче критикуют его оторванность от рабочего движения. Красной нитью, через все их многочисленные отзывы о «С.-д. федерации» (Social-Democratic Federation) в Англии и об американских социалистах, проходит обвинение в том, что они превратили марксизм в догму, в «окаменелую (starre) ортодоксию», что они видят в нем «символ веры, а не *руководство для действия*», что они не умеют приладиться к идущему около них, теоретически беспомощному, но живому, массовому, могучему рабочему движению. «Где были бы мы теперь, — восклицает Энгельс в письме от 27 января 1887 г., — если бы мы в период времени от 1864 г. до 1873 г. всегда хотели бы идти рука об руку только с теми, которые открыто признавали нашу программу?». А в предыдущем письме (28 декабря 1886 г.), касаясь вопроса о влиянии на рабочий класс в Америке идей Генри Джорджа, он пишет:

«Один или два миллиона рабочих голосов, поданных в ноябре за действительную («bona fide») рабочую партию, в данную минуту бесконечно важнее, чем сотня тысяч голосов, поданных за безукоризненную, в теоретическом отношении, программу».

Это — очень интересные места. У нас нашлись эс-деки, поспешившие использовать их в защиту идеи «рабочего съезда» или чего-то вроде ларинской «широкой рабочей партии». Почему же не в защиту «левого блока»? спросим мы таких скороспелых «использователей» Энгельса. Письма, из которых взяты цитаты, относятся к тому времени, когда рабочие в Америке голосовали на выборах за Генри Джорджа. Г-жа Вишневецкая — американка, вышедшая замуж за русского и переведившая сочинения Энгельса, — просила его,

как видно из ответа Энгельса ей, раскритиковать хорошенько Г. Джорджа. Энгельс пишет (28 декабря 1886 г.), что для этого *не настало еще время*, ибо пусть лучше рабочая партия начнет складываться на не совсем чистой программе. Потом, де, сами рабочие поймут, в чем дело, «научатся на своих ошибках», а мешать «все равно на основании какой бы то ни было программы — национальному скреплению рабочей партии, я считал бы большой ошибкой».

А, разумеется, всю нелепость и *реакционность* идей Г. Джорджа с точки зрения *социалистической* Энгельс превосходно понимал и многократно отмечал. В переписке Зорге есть интереснейшее письмо К. Маркса от 20 июня 1881 г., где он дает оценку Г. Джорджу, как идеологу *радикальной буржуазии*. «Теоретически Г. Джордж совсем отсталый человек» (*total arri re*), — писал Маркс. И с этим настоящим *социалистом-реакционером* не боялся вместе идти на выборах Фр. Энгельс, лишь бы были люди, умеющие предсказать массам «последствия их собственных ошибок» (Энгельс, в письме от 29 ноября 1886 года).

Про «рыцарей труда» (*Knights of Labor*), тогдашнюю организацию американских рабочих, Энгельс писал в том же письме: «слабейшей их стороной (буквально: гнилая, *faulste*) было — *политическое воздержание*»... «Одним из первых важнейших шагов всякой вновь вступающей в движение страны должна быть организация самостоятельной рабочей партии, все равно каким бы путем это ни было достигнуто, лишь бы она была действительно рабочей партией».

Очевидно, что отсюда нельзя вывести ровно ничего в защиту прыжка *от* социал-демократии к беспартийному рабочему съезду и т. п. Необходимость же допускать иногда совместную выборную кампанию с радикальными «социал-реакционерами» должен вывести отсюда всякий, кто не хочет подпасть под обвинение Энгельса в принижении марксизма до «догмы», «ортодоксии», «сектантства» и т. п.

Но интереснее, конечно, остановиться не столько на этих американско-русских параллелях (мы должны были их коснуться, чтобы ответить противникам), — сколько на *основных* чертах англо-американского рабочего движения. Эти

черты — отсутствие сколько-нибудь крупных, общенациональных *демократических* задач перед пролетариатом; полное подчинение пролетариата буржуазной политике; сектантская оторванность кучек, горсток социалистов от пролетариата; ни малейшего успеха социалистов на выборах перед рабочими массами и т. д. Кто забывает эти основные условия и берется делать широкие выводы из «американско-русских параллелей», тот обнаруживает крайнюю поверхность.

Если Энгельс напирает так на экономические организации рабочих в подобных условиях, то это потому, что речь идет о наиболее установившихся демократических порядках, выдвигающих перед пролетариатом чисто социалистические задачи.

Если Энгельс напирает на важность самостоятельной рабочей партии, хоть с плохой программой, то это потому, что речь идет о странах, где до тех пор ни намека не было ни на какую политическую самостоятельность рабочих, — где рабочие волочили и волочатся в политике больше всего за буржуазией.

Пытаться распространять выводы, взятые из таких рассуждений, на страны или на исторические моменты, где пролетариат раньше создал свою партию, чем либеральные буржуа, — где пролетариат не имеет и тени традиций в голосовании за буржуазных политиканов, — где на очереди непосредственно стоят не социалистические, а буржуазно-демократические задачи, — пытаться делать это, значит издеваться над историческим методом Маркса.

Наша мысль будет еще яснее читателю, если мы сопоставим отзывы Энгельса об англо-американском движении с отзывами о немецком.

Таких отзывов тоже масса в печатаемой переписке и крайне интересных. И красной нитью через все эти отзывы проходит нечто совсем иное: предостережение против «правого крыла» рабочей партии, беспощадная (иногда — как у Маркса в 1877—1879 г.г. — *бешеная*) война с *оппортунизмом* в социал-демократии.

Подтвердим это сначала цитатами из писем, а потом остановимся на оценке этого явления.

Прежде всего, тут приходится отметить отзывы К. Маркса о Хехберге и К^о. Фр. Меринг в своей статье «Der Sorgesche Briefwechsel» старается смягчить нападки Маркса, как и позднейшие нападки Энгельса на оппортунистов, — старается, по нашему мнению, несколько чрезмерно. В частности, относительно Хехберга и К^о, Меринг отстаивает свое мнение о неверной оценке Марксом Лассаля и лассальянцев. Нас же интересует здесь, повторяем, не историческая оценка правильности или преувеличенности нападений Маркса на таких-то именно социалистов, а *принципиальная* оценка Марксом определенных *течений* в социализме вообще.

Жалуясь на компромиссы немецких с.-д. с лассальянцами и Дюрингом (письмо от 19 октября 1877 г.), Маркс осуждает также компромисс «с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов» («доктор» по-немецки — научная степень, соответствующая нашему «кандидату» или «окончившему университет по 1-му разряду»), «поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, то есть заменить его материалистическую базу — (требующую, раньше чем ею оперировать, объективного изучения) — новой мифологией со всеми ее богинями справедливости, свободы, равенства и *fraternité* (братства). Одним из представителей этого направления является «вкупившийся» в партию издатель журнала «Zukunft»¹, д-р Хехберг — допускаю с «самыми благими» намерениями, но я на всякие «намерения» плюю. Редко появлялось на свет божий что-либо более жалкое и с более «скромной претензией», как программа его «Zukunft'a»» (письмо № 70).

В другом письме, писанном почти через два года (19 сентября 1879 г.), Маркс опровергает сплетни, будто за *И. Мостом* стоят они с Энгельсом, и подробно рассказывает Зорге о своем отношении к оппортунистам в немецкой с.-д. партии. Журнал «Zukunft» вели Хехберг, Шрамм и Эд. Бернштейн. Маркс и Энгельс *отказались* участвовать в подобном издании, а когда зашла речь об основании при участии того же Хехберга и при его денежной помощи нового партийного

¹ — «Будущее». *Ред.*

органа, то Маркс и Энгельс сначала требовали для контроля за этой «смесью из докторов, студентов и катедер-социалистов» принятия назначенного ими ответственного редактора Гирша, а затем обратились с прямым циркуляром к Бебелю, Либкнехту и другим вождям с.-д. партии, предупреждая: что будут открыто бороться против «такого опошления (*Verluderung* — *еще более сильное слово по-немецки*) теории и партии», если направление Хехберга, Шрамма, Бернштейна не изменится.

Это была та пора в немецкой с.-д. партии, про которую Меринг писал в своей «Истории» — «Год смуты» («*Ein Jahr der Verwirrung*»), После «исключительного закона» партия не сразу нашла верный путь, ударившись сначала в анархизм Моста и оппортунизм Хехберга и К°. «Эти люди, — пишет Маркс про последнего, — в теоретическом отношении нули, а в практическом никуда не годны, хотя социализм (о котором они имеют понятие по университетскому рецепту) и, главным образом, социал-демократическую партию сделать умереннее, а рабочих просветить, или, как они выражаются, привить им «элементы образования», сами имея только путанные полужнания, и, кроме того, они раньше всего ставят себе задачей поднять значение партии в глазах мелкой буржуазии. Все же они представляют из себя ни больше ни меньше, как убогих контрреволюционных болтунов».

«Бешеная» атака Маркса привела к тому, что оппортунисты отступили и... стужевались. В письме от 19 ноября 1879 г. Маркс извещает, что Хехберга из редакционной комиссии удалили, а от его идей *отреклись* все влиятельные вожаки партии, Бебель, Либкнехт, Бракке и т. д. Партийный орган с.-д. «Социал-Демократ» стал выходить под редакцией Фольмара, который тогда стоял на революционном крыле партии. Еще год спустя (5 ноября 1880 г.) Маркс рассказывает, что они с Энгельсом постоянно боролись против «жалкого» (*miserabel*) ведения этого «Социал-Демократа» и боролись часто *резко* («*wobei's oft scharf hergeht*»). Либкнехт был у Маркса в 1880 г. и обещал, что наступит «улучшение» *во всех отношениях*.

Мир был восстановлен, и война не выплыла наружу. Хех-

берг отошел, а Бернштейн стал революционным с.-д.-том... по крайней мере, до смерти Энгельса в 1895 году.

От 20 июня 1882 г. Энгельс пишет к Зорге, рассказывая об этой борьбе уже как о прошлом: «В общем дела в Германии идут прекрасно. Правда, господа партийные литераторы пытались вызвать в партии реакционный поворот, но с треском провалились. Издевательства, которым всюду подвергаются рабочие социал-демократы, сделали их еще более революционными, чем они были три года тому назад. ... Эти господа (партийные литераторы) во что бы то ни стало хотели, ценою кротости, смирения и подлизывания, выклянчить отмены закона против социалистов, так беспардонно лишившего их литературного заработка. С падением этого закона раскол, несомненно, обнаружится, и господа Фиреки и Хехберги и т. д., образовав из себя правое крыло, отпадут; с ними можно будет от времени до времени вступать в переговоры, пока они наконец совершенно не стушуются. Это мнение было нами высказано сейчас же после введения закона против социалистов, когда Хехберг и Шрамм напечатали в «Ежегоднике» в высшей степени гнусную оценку партийной деятельности и требовали более благопристойного, воспитанного и элегантного образа действия со стороны партии» («*jebildetes*» — вместо *gebildet*. Энгельс подразумевает берлинский акцент немецких литераторов).

Предсказание бернштейниады, сделанное в 1882 году, замечательно подтвердилось в 1898 и следующих годах.

И с тех пор, особенно после смерти Маркса, Энгельс — можно без преувеличения сказать: неустанно — «перегибает палку», искривляемую немецкими оппортунистами.

Конец 1884 года. Осуждаются «мещанские предрассудки» немецких с.-д. депутатов рейхстага, голосовавших за субсидию пароходству («*Dampfersubvention*» см. в «Истории» Меринга). Энгельс сообщает Зорге, что ему приходится много переписываться по этому поводу (письмо от 31 декабря 1884 г.).

1885-й год. Оценивая всю историю с «*Dampfersubvention*», Энгельс пишет (3 июня), что «дело чуть не дошло до раскола». «Филистерство» депутатов с.-д. было «колоссально».

«Мелкобуржуазно-социалистическая фракция неизбежна в такой стране, как Германия», — говорит Энгельс.

1887-ой год. Энгельс отвечает Зорге, который писал ему, что партия срамит себя выбором в депутаты людей вроде Фирека (социал-демократ Хехбергского покроя). Ничего не поделаешь, — оправдывается Энгельс, — неоткуда взять рабочей партии хороших депутатов в рейхстаг. «Господам же правого крыла известно, что они терпимы только вследствие закона против социалистов и что в первый же день, в который партия легче вздохнет, они будут из нее выброшены». Да и лучше вообще, «пусть партия стоит выше своих парламентских героев, чем наоборот» (3 марта 1887 г.). Либкнехт — примиренец, — жалуется Энгельс, — он все фразами прикрывает разногласия. Но когда дойдет дело до раскола, — в решительную минуту он будет с нами.

1889-ый год. Два международных социал-демократических конгресса в Париже. Оппортунисты (с французскими POSSИБИЛИСТАМИ во главе их) раскололись с революционными с.-д. Энгельс (ему было тогда 68 лет) бросается в бой, как юноша. Ряд писем (начиная с 12 января до 20 июля 1889 г.) посвящен борьбе с оппортунистами. Достается не только им, но и немцам, Либкнехту, Бебелю и др., за их примиренство.

Поссибилисты продались правительству, — пишет Энгельс 12 января 1889 г. А членов английской «С.-Д. федерации» (S. D. F.) он изобличает в союзе с POSSИБИЛИСТАМИ. «Беготня и громадная переписка по поводу этого проклятого съезда не оставляют мне времени ни для чего другого» (11 мая 1889 г.). POSSИБИЛИСТЫ хлопочут, а наши спят, — сердится Энгельс. Теперь даже Ауэр и Шиппель требуют, чтобы мы шли на конгресс POSSИБИЛИСТОВ. Но это открыло «наконец» глаза Либкнехту. Энгельс вместе с Бернштейном пишет памфлеты (подписанные Бернштейном, — Энгельс их называет: «наши памфлеты») против оппортунистов. «За исключением S. D. F., POSSИБИЛИСТЫ во всей Европе не имеют на своей стороне ни одной из социалистических организаций (8 июня 1889 г.). Им, следовательно, ничего другого не остается, как вернуться назад к несоциалистическим тред-юнионам» (к сведению наших поклонников широкой рабочей партии, рабочего

съезда и т. д.). «Из Америки к ним прибудет один только делегат от *рыцарей труда*». Противник тот же, что и в борьбе с бакунистами: «с тою только разницей, что знамя анархистов заменено знаменем POSSИБИЛИСТОВ; та же продажа своих принципов буржуазии за концессии в розницу, а главное за теплые местечки для вожаков (члены городской думы, биржи труда и т. д.)». Брусе (вождь POSSИБИЛИСТОВ) и Гайндман (вождь соединившейся с POSSИБИЛИСТАМИ S. D. F.) нападают на «авторитарный марксизм» и хотят составить «ядро нового Интернационала».

«Ты не можешь себе представить, до чего немцы наивны! Мне стоило громадных усилий разъяснить, даже самому Бебелю, в чем собственно тут дело» (8 июня 1889 г.). И когда оба конгресса состоялись, когда революционные с.-д. превзошли числом POSSИБИЛИСТОВ (*объединенных с тред-юнионистами*, с S. D. F., с частью австрийцев и т. д.), то Энгельс ликует (17 июля 1889 г.). Его радует, что примиренческие планы и предложения Либкнехта и др. не удались (20 июля 1889). «А нашей сентиментальной примиренческой братии за все ее дружелюбие было поделом получить грубый пинок в самое мягкое место». «Авось, это их вылечит на некоторое время».

...Прав Меринг («Der Sorgesche Briefwechsel»), что Маркс и Энгельс в «хорошем тоне» смыслили мало: «не долго раздумывали, нанося удар, но и не хныкали по поводу каждого ими полученного удара». «Если вы думаете, — писал однажды Энгельс, — что ваши булавоочные уколы могут пронзить мою старую, хорошо выдубленную, толстую кожу, — то вы ошибаетесь». И эту нечувствительность, приобретенную ими, — пишет Меринг о Марксе и Энгельсе, — они предполагали и у других.

1893-й год. Расправа с «фабианцами», которая сама собою напрашивается... для суждения о бернштейнианцах (недаром ведь Бернштейн «воспитал» свой оппортунизм в Англии на «фабианцах»). «Фабианцы здесь в Лондоне представляют из себя банду карьеристов, имеющих, однако, достаточно здравого смысла, чтобы понять неизбежность социального переворота; но не доверяя эту гигантскую работу одному грубому

пролетариату, они соблаговолили встать во главе его. Страх перед революцией — их основной принцип. Они «интеллигенты» *par excellence*¹. Их социализм есть муниципальный социализм: коммуна, а не нация должна, по крайней мере, на первых порах, сделаться собственницей средств производства. Свой же социализм они рисуют крайним, но неизбежным следствием буржуазного либерализма. Отсюда их тактика: не вести решительной борьбы с либералами, как с противниками, а толкать их к социалистическим выводам, т. е. надуть их, «пропитывать либерализм социализмом», не противопоставлять либералам социалистических кандидатов, а подсовывать их либералам, т. е. обманным путем проводить их... Но, что они при этом либо сами будут обмануты, либо надуют социализм, они, конечно, не понимают.

Фабрианцы издали, наряду с разной дрянью, и несколько хороших пропагандистских сочинений, и это наилучшее из всего того, что в этой области было сделано англичанами. Но как только они возвращаются к своей специфической тактике: затушевыванию классовой борьбы, так дело плохо. Из-за классовой борьбы они фанатически ненавидят Маркса и всех нас.

Фабрианцы насчитывают, конечно, много буржуазных сторонников, а потому они и располагают «большими деньгами»...

КЛАССИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО ОППОРТУНИЗМА В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

1894-й год. Крестьянский вопрос. «На континенте, — пишет Энгельс 10 ноября 1894 г., — по мере того, как движение разрастается, увеличивается и стремление к еще большим успехам, а охота на крестьян, в буквальном смысле этого слова, входит в моду. Сначала французы, устами Лафарга, заявили в Нанте, что не только не наше дело ускорять разорение мелкого крестьянства — для нас об этом позаботится капитализм, — но что нужно прямо-таки защищать крестьянина

¹ — по преимуществу. *Ред.*

против фиска, ростовщиков и крупных землевладельцев. Но с этим мы уж согласиться никак не можем, ибо это, во-первых, глупо, а во-вторых — и невозможно. Вслед за этим во Франкфурте выступает Фольмар, который *вообще* намеревается подкупить *крестьян*, причем крестьянин, с которым он имеет дело в верхней Баварии, не то, что прирейнский мелкий, задавленный долгами крестьянин, а средний и самостоятельный крупный земледелец, эксплуатирующий батраков и батрачек и торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно».

1894 год, 4-го декабря: ...«Баварцы сделались очень и очень оппортунистичны и превратились чуть ли не в простую народную партию (я говорю о большинстве вождей и о многих новичках, вошедших в партию); в баварском ландтаге они голосовали за бюджет в целом, а особенно Фольмар организовал агитацию среди крестьян с целью привлечь на свою сторону не батраков, а верхне-баварских крупных земледельцев — людей, владеющих от 25—80 акров земли (от 10—30 гектаров), т. е. совершенно не могущих обойтись без наемных рабочих»...

Отсюда мы видим, что на протяжении более чем десяти лет Маркс и Энгельс систематически, неуклонно боролись с оппортунизмом в немецкой с.-д. партии и преследовали интеллигентское филистерство и мещанство в социализме. Это крайне важный факт. Широкая публика знает, что немецкая социал-демократия считается образцом марксистской политики и тактики пролетариата, но не знает, какую постоянную войну приходилось вести основоположникам марксизма против «правого крыла» (выражение Энгельса) этой партии. Что вскоре после смерти Энгельса эта война из тайной стала явной, — это не случайность. Это — неизбежный результат десятилетий исторического развития германской с.-д.-тии.

И теперь перед нами особенно отчетливо встают две линии Энгельсовских (и Марксовских) советов, указаний, поправок, угроз и назиданий. Англо-американских социалистов они всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскоружный сектантский дух. Немецких с.-д. они всего настойчивее

учили: не впадайте в филистерство, в «парламентский идиотизм» (выражение Маркса в письме от 19-го сентября 1879 г.), в мещански-интеллигентский оппортунизм.

Разве не характерно, что наши социал-демократические кумушки затрещали о советах первого рода и поджали губы, обходя молчанием советы второго рода? Разве *такая* односторонность в оценке писем Маркса и Энгельса не является лучшим показателем некоторой нашей, российской, социал-демократической... «односторонности»?

В настоящее время, когда международное рабочее движение проявляет симптомы глубокого брожения и шатания, когда крайности оппортунизма, «парламентского идиотизма» и филистерского реформизма вызвали обратные крайности революционного синдикализма, — в настоящее время общая линия «поправок» Маркса и Энгельса к англо-американскому и немецкому социализму приобретает исключительную важность.

В таких странах, где *нет* социал-демократической рабочей партии, *нет* с.-д. депутатов в парламентах, *нет* никакой систематической, выдержанной с.-д. политики ни на выборах, ни в прессе и т. д., — в таких странах Маркс и Энгельс учили социалистов *во что бы то ни стало* рвать узкое сектантство и *примыкать* к рабочему движению, чтобы *политически встряхнуть* пролетариат. Ибо ни в Англии, ни в Америке пролетариат в последней трети XIX века не проявлял *почти никакой* политической самостоятельности. Политическая арена в этих странах — при почти абсолютном отсутствии буржуазно-демократических исторических задач — была *всецело* заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией, которая по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной на свете.

Думать, что эти советы Маркса и Энгельса по адресу англо-американского рабочего движения могут быть просто и прямо применены к российским условиям, — значит использовать марксизм не для уяснения его *метода*, не для *изучения* конкретных исторических особенностей рабочего движения в определенных странах, а для мелких фракционных, интеллигентских счетов.

Наоборот, в такой стране, где буржуазно-демократическая революция осталась незаконченной, где царил и царит «обшитый парламентскими формами военный деспотизм» (выражение Маркса в его «Критике Готской программы»), где пролетариат давно уже втянут в политику и ведет социал-демократическую политику, — в такой стране Маркс и Энгельс всего больше боялись парламентского опошления, филистерского принижения задач и размаха рабочего движения.

Эту сторону марксизма мы тем более обязаны подчеркивать и выдвигать на первый план в эпоху буржуазно-демократической революции в России, что у нас, обширная, «блестящая», богатая либерально-буржуазная пресса тысячами голосов трубит пролетариату об «образцовой» лояльности, парламентской легальности, скромности и умеренности соседнего немецкого рабочего движения.

Эта корыстная ложь буржуазных предателей русской революции вызвана не случайностью и не личной испорченностью каких-нибудь бывших или будущих министров из кадетского лагеря. Она вызвана глубокими экономическими интересами российских либеральных помещиков и либеральных буржуа. И в борьбе с этой ложью, с этим «отуплением масс» («*Massenverdummung*» — выражение Энгельса в письме от 29 ноября 1886 г.) письма Маркса и Энгельса должны послужить незаменимым оружием для всех российских социалистов.

Корыстная ложь либеральных буржуа показывает народу образцовую «скромность» немецких с.-д. Вожди этих с.-д., основоположники теории марксизма, говорят нам:

«Революционное выступление французов выставило лицемерие Фирэкса и К^о (оппортунисты с.-д. в немецкой парламентской с.-д. фракции) еще в более неприглядном виде» (речь идет об образовании рабочей партии в французской палате и о Деказвильской стачке, отколовшей французских радикалов от французского пролетариата). «В последних социалистических дебатах выступали уже только Либкнехт и Бебель и оба очень удачно. С такими дебатами мы снова можем показаться в порядочном обществе, что, к сожалению, раньше не всегда

имело место. Это вообще хорошо, что у немцев, в особенности после того, как они послали в рейхстаг такое большое число филистеров (что, однако, было неизбежно), оспаривается роль руководителей международного социального движения. *В спокойное время в Германии все становится филистерским, и в такие моменты абсолютно необходимо жало французской конкуренции...*» (письмо от 29 апреля 1886 года).

Вот какие уроки должна тверже всего усвоить себе Российская социал-демократическая рабочая партия, находящаяся под преобладающим идейным влиянием немецкой с.-д-тии.

Эти уроки преподает нам не то или иное отдельное место из переписки величайших людей XIX века, — а весь дух и все содержание их товарищеской, прямой, чуждой дипломатии и мелких расчетов, критики международного опыта пролетариата.

До какой степени проникнуты, действительно, все письма Маркса и Энгельса этим духом, могут показать еще следующие, правда, сравнительно частные, но зато крайне характерные места.

В 1889 году начиналось в Англии молодое, свежее, полное нового, революционного духа, движение необученных, неквалифицированных, простых рабочих (газовых, докеров и т. д.). Энгельс в восторге от него. Роль дочери Маркса, «Тасси» (Tussy), агитировавшей среди них, он подчеркивает с торжеством. «Самое отвратительное здесь, — пишет он из Лондона 7 декабря 1889 г., — это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «респектабельность». Социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные, градации, из которых каждая в отдельности имеет свой «гонор» и проникнута врожденным ей чувством уважения к «лучшим» и «высшим», столь старо и столь устойчиво, что надувать массы для буржуазии не представляет большого труда. Я, например, далеко не уверен, что Джон Бернс (Burns) гордится в душе более своею популярностью среди своего класса, чем своею популярностью у кардинала Маннинга, лорд-мэра и вообще у буржуазии. А Чэмпин (Champion) — лейтенант

в отставке — еще много лет тому назад вел какие-то делишки с буржуазными и, главным образом, консервативными элементами, а на поповском церковном съезде проповедовал социализм и т. д. И даже сам Том Мэн (Mann), которого я считаю среди них самым лучшим, и тот любит рассказывать о том, как он будет завтракать у лорд-мэра. И лишь при сопоставлении их с французами убеждаешься, до чего в этом отношении благотворно влияет революция».

Комментарии излишни.

Еще пример. В 1891 году была опасность европейской войны. Энгельс переписывался об этом с Бебелем, и они соглашались насчет того, что при нападении России на Германию немецкие социалисты должны будут отчаянно биться и с русскими и с какими угодно союзниками русских. «Если Германия будет задушена, то и мы вместе с нею. В случае же благоприятного поворота борьба примет такой ожесточенный характер, что Германия сумеет держаться лишь революционными мерами, почему мы, легко возможно, и будем вынуждены встать у кормила правления и разыграть 1793 г.» (письмо от 24 октября 1891 г.).

К сведению тех оппортунистов, которые кричали на весь мир о несоциал-демократичности «якобинских» перспектив для русской рабочей партии в 1905 году! Энгельс прямо указывал Бебелю на возможность того, что с.-д-там придется участвовать во временном правительстве.

Вполне естественно, что при таких взглядах на задачи социал-демократических рабочих партий Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение. На протяжении почти двадцати лет мы видим в данной переписке это страстное ожидание революции в России.

Вот письмо Маркса от 27 сентября 1877 года. Восточный кризис вызывает восторг у Маркса. «Россия давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы, благодаря ударам, нанесенным молодцами турками... Переворот начнется *secundum artem* («по всем правилам искусства») с *конституционных заигрываний*, и буча выйдет отменная

(il y aura un beau tapage). И при благосклонности матери-природы, мы доживем до этого торжества». (Марксу было тогда 59 лет.)

До «этого торжества» мать-природа не дала — да и не могла, пожалуй, дать дожить Марксу. Но «конституционные заигрывания» он *предсказал*, и его слова так и кажутся вчера написанными про первую и про вторую российскую Думу. А ведь предостережение народа насчет «конституционных заигрываний» и составляло «душу живу» столь ненавидимой либералами и оппортунистами тактики бойкота...

Вот письмо Маркса от 5 ноября 1880 года. Он ликует по поводу успеха «Капитала» в России и становится на сторону народовольцев против только что возникшей тогда группы чернопеределцев. Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом, и — не зная и не имея возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопеределцев-народников в социал-демократов — Маркс нападает на чернопеределцев со всей силой своего бичующего сарказма:

«Эти господа против всяких политических революционных выступлений. Россия, по их мнению, должна сделать скачок прямо в анархически-коммунистически-атеистическое тысячелетие. Скачок же этот они тем временем готовят скучнейшим доктринерством. Так называемые принципы их доктрин взяты у покойного Бакунина».

Можно видеть отсюда, как оценил бы Маркс для России 1905 и следующих годов важность «политически-революционных выступлений» *социал-демократии*¹.

Вот письмо Энгельса от 6 апреля 1887 г.: «Зато, кажется, предстоит кризис в России. Последние покушения вызвали большое замешательство...». Письмо от 9 апреля 1887 г. — то же самое... «Армия полна недовольными конспирирующими офицерами» (Энгельс находился тогда под впечатлением народовольческой революционной борьбы,

¹ Кстати. Если память не изменяет, Плеханов или В. И. Засулич рассказывали мне в 1900—1903 годах про существование письма Энгельса к Плеханову о «Наших разногласиях» и о характере предстоящей в России революции. Интересно было бы узнать в точности, было ли такое письмо, цело ли оно и не пора ли его опубликовать.

возлагая надежды на офицеров и не видя еще обнаружившейся так блестяще 18 лет спустя революционности русского солдата и матроса...). «... Не думаю, чтобы теперешнее положение вещей продержалось хотя бы еще с год. А когда в России вспыхнет революция («losgeht»), тогда ура!»

Письмо от 23 апреля 1887 года: «В Германии идут преследования (социалистов) за преследованиями. Бисмарк, кажется, хочет все подготовить к тому, чтобы в тот момент, когда в России вспыхнет революция, являющаяся вопросом нескольких месяцев, Германия могла бы немедленно последовать ее примеру» («losgeschlagen werden»).

Месяцы оказались очень и очень длинными. Нет сомнения, что найдутся филистеры, которые, нахмутив лоб, наморщивши чело, резко осудят «революционаризм» Энгельса или снисходительно посмеются над старыми утопиями старого революционера-эмигранта.

Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции (напр., в 1848 г. в Германии), в вере в близость германской «республики» («умереть за республику», писал про ту эпоху Энгельс, вспоминая свое настроение, как участника военной кампании за имперскую конституцию — 1848—1849 годы). Они ошибались в 1871 году, когда заняты были тем, чтобы «поднять юг Франции, для чего они (Беккер пишет: «мы» про себя и ближайших друзей: письмо № 14, от 21 июля 1871 года) жертвовали и рисковали всем, что было в силах человека...». В том же письме: «Если бы у нас в марте и апреле было побольше денег, то мы подняли бы всю южную Францию и спасли бы Парижскую Коммуну» (стр. 29). Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач, — в тысячу раз благороднее, величественнее и *исторически ценнее, правдивее*, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...

Русский рабочий класс завоеует свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибок революционными действиями — и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия.

19 (6) апреля 1907 г.

Соч., 3 изд., т. XI, стр. 165–179.

**ИЗ КНИГИ:
РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ**

**ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ДЛЯ КРУПНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее сочинение написано в период кануна русской революции, во время некоторого затишья, которое наступило после взрыва крупных стачек 1895—1896 годов. Рабочее движение тогда как бы ушло в себя, распространяясь вширь и вглубь и подготавливая начало демонстрационного движения в 1901 году.

Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказана в предлагаемой работе.

Далее, революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне

объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы. С другой стороны, и в ходе революции, и в характере разных политических партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее. Колебание обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом так же неизбежно, как неизбежно то явление во всяком капиталистическом обществе, что ничтожное меньшинство мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния. Экономическая основа обоих течений в крестьянстве доказана в предлагаемой работе.

На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреодолимо. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции.

Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, напр., руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества. Иными словами: либо — сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки»; отсюда — преобладающая роль либерально-монархического буржуа и помещика, быстрый переход на их сторону зажиточного крестьянства, понижение крестьянской массы, не только экспроприруемой в громадных размерах, но закабаляемой к тому же теми или иными кадетскими выкупами, забиваемой и отупляемой господством реакции; душеприказчиками такой буржуазной революции будут политики типа, близкого к октябристам. Либо — разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки»; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контрреволюционной буржуазии; наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы; — отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического

переустройства. Возможны, конечно, бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа капиталистической эволюции, и только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху.

Предлагаемое читателю сочинение посвящено анализу предреволюционной экономики России. В революционную эпоху страна живет так быстро и порывисто, что определение крупных результатов экономической эволюции в разгар политической борьбы невозможно. Гг. Столыпины, с одной стороны, либералы, с другой (и вовсе не одни только кадеты à la¹ Струве, а все кадеты вообще), работают систематически, упорно и последовательно над завершением революции по первому образцу. Государственный переворот 3 июня 1907 г., только что пережитый нами, знаменует победу контрреволюции, стремящейся обеспечить полное преобладание помещиков в так наз. российском народном представительстве. Но насколько прочна эта «победа», — вопрос иной, и борьба за второй исход революции продолжается. Более или менее решительно, более или менее последовательно, более или менее сознательно к этому исходу стремятся не только пролетариат, но и широкие крестьянские массы. Непосредственная массовая борьба, как ни старается контрреволюция задушить ее прямым насилием, как ни стараются кадеты задушить ее своими подленькими и лицемерными контрреволюционными идейками, прорывается то здесь, то там, несмотря ни на что, и налагает свой отпечаток на политику «трудовых», народнических партий, хотя верхи мелкобуржуазных политиков несомненно заражены (особенно «народные социалисты» и трудовики) кадетским духом предательства, молчалинства и самодовольства умеренных и аккуратных мещан или чиновников.

Чем кончится эта борьба, каков будет окончательный итог первого натиска российской революции, — сейчас еще нельзя сказать. Поэтому не настало еще время (да и непосредствен-

¹ — вроде. *Ред.*

ные партийные обязанности участника рабочего движения не оставляют досуга) для полной переработки настоящего сочинения¹. Второе издание не может выйти из рамок характеристики *предреволюционной* экономики России. Автор вынужден был ограничиться просмотром и исправлением текста, а также *самыми необходимыми* дополнениями из новейшего статистического материала. Таковы данные последних конских переписей, статистики урожаев, итоги всероссийской переписи населения 1897 года, *новые данные* фабрично-заводской статистики и т. д.

Автор.

Июль 1907 года.

Соч., 4 изд., т. 3, стр. 9–12.

¹ Возможно, что такая переработка потребует продолжения предлагаемой работы: первый том пришлось бы тогда ограничить анализом предреволюционной экономики России, второй том посвятить изучению итогов и результатов революции.

ИЗ СТАТЬИ: ПРОТИВ БОЙКОТА

(ИЗ ЗАМЕТОК С.-Д. ПУБЛИЦИСТА)

V

Бойкот принадлежит к одной из лучших революционных традиций самого богатого событиями, самого героического периода русской революции. Мы сказали выше, что одна из наших задач — заботливо оберегать эти традиции вообще, культивировать их, очищать от либеральных (и оппортунистических) паразитов. Необходимо остановиться несколько на разборе этой задачи, чтобы правильно определить ее содержание и устранить легко возможные перетолкования и недоразумения.

Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей

силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, созидаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений. И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не отклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ. В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—49 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты. Идейные вожди либерализма, вроде Зомбарта, недаром ненавидят от всей души эту черту в деятельности и в литературных произведениях Маркса, относя ее на счет «озлобленности эмигранта». Ведь это так под стать клопам полицейски-буржуазной университетской науки — сводить к личной озлобленности, к личным тягостям эмигрантского положения то, что является у Маркса и Энгельса самой неразрывной составной частью всего их революционного мирозерцания!

В одном из своих писем, кажется к Кугельману, Маркс бросает мимоходом одно в высшей степени характерное и особенно интересное с точки зрения занимающего нас вопроса замечание. Он замечает, что реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848-го года. Здесь рельефно сопоставляются задачи реакции и задачи партии пролетариата в отношении к революционным традициям данной страны. Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия» — Струвенский перевод немецкого «das tolle Jahr» («безумный год» — выражение немецких

полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848-м годе). Задача реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Уэббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848-ой год в Германии. Таково же отношение реакции к Великой Французской Революции, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть. Так и наши герои контрреволюции, особенно из вчерашних «демократов» вроде Струве, Милюкова, Кизеветтера и «tutti quanti»¹ соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции. Не прошло и двух лет с тех пор, как непосредственная массовая борьба пролетариата завоевала ту частичку свободы, которой восхищаются либеральные холопы старой власти, — а в нашей публицистической литературе создалось уже громадное течение, называющее себя *либеральным* (!!), культивируемое в кадетской печати и посвященное сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д. ...вплоть до преступного... от Милюкова до Камышанского *il n'y a qu'un pas*²! Наоборот, успехи реакции, загнавшей народ сначала из Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов в дубасовски-столыпинские Думы, а теперь загоняющей его в октябристскую Думу, эти успехи рисуются героям русского либерализма, как «процесс роста конституционного сознания в России».

На русскую с.-д-тию, несомненно, ложится обязанность

¹ — «все подобные». *Ред.*

² — всего только один шаг. *Ред.*

самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства. Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значил и значит в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного» удушья и балалайкинско-молчалинского преуспеяния, о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократической» (тьфу! тьфу!) печати.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного прошлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огоньком смелой, открытой, решительной борьбы. Но именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело — хранение традиций революции, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного

из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным.

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время уменья *мыслить* от революционеров, уменья *анализировать* условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. «Национальные» традиции 1792-го года во Франции останутся, может быть, навсегда *образцом* известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи.

Так и у нас. Изучить условия применения бойкота мы должны, внедрить в массы ту идею, что бойкот является вполне законным и необходимым иногда приемом в моменты революционного подъема (что бы ни говорили педанты, всеу приемлющие имя Маркса), мы должны. Но есть ли налицо этот подъем, это основное условие провозглашения бойкота, — этот вопрос надо уметь поставить самостоятельно и решить его на основании серьезного разбора данных. Наш долг — готовить наступление такого подъема, поскольку это в наших силах, и не зарекаться от бойкота в соответствующий момент, но считать лозунг бойкота вообще применимым к всякому худому или очень худому представительному учреждению было бы безусловной ошибкой.

Возьмите ту мотивировку, которой защищался и доказывался бойкот в «дни свободы», и вы сразу увидите невозможность простого перенесения таких доводов в условия теперешнего положения вещей.

Участие в выборах принижает настроение, сдает позицию неприятелю, сбивает с толку революционный народ, облегчает соглашение царизма с контрреволюционной буржуазией и т. п., говорили мы, отстаивая бойкот в 1905-ом и в начале 1906-го года. Какова основная предпосылка этих доводов, не всегда высказывавшаяся, но всегда подразумеваемая, как нечто *по тем временам* само собою разумеющееся? Эта предпосылка — богатая революционная энергия масс, ищущая

и находящая себе *непосредственные* выходы помимо всяких «конституционных» каналов. Эта предпосылка — непрерывное *наступление* революции на реакцию, которое преступно было ослаблять занятием и обороной позиции, намеренно предоставляемой неприятелем с целью ослабить общий натиск. Попробуйте повторить эти доводы *вне* условий этой основной предпосылки, — и вы сразу почувствуете фальшь во всей своей «музыке», неверность основного тона.

Безнадежна также была бы попытка оправдать бойкот различием второй и третьей Думы. Считать серьезной и коренной разницу между кадетами (во второй Думе окончательно предавшими народ в руки черной сотне) и октябристами, придавать сколько-нибудь реальное значение пресловутой «конституции», порванной государственным переворотом 3-го июня, — все это вообще соответствует гораздо больше духу вульгарного демократизма, чем духу революционной социал-демократии. Мы всегда говорили, твердили, повторяли, что «конституция» I и II Думы есть только призрак, что болтовня кадетов только отвод глаз для прикрытия их октябристской сущности, что Дума — совершенно негодное средство для удовлетворения требований пролетариата и крестьянства. Для нас 3 июня 1907 года — естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году. Никогда не были мы «очарованы» прелестями «думской» конституции, не может нас и разочаровать особенно переход от реакции, подкрашенной и родичевской фразой политикой, — к реакции голой, открытой, грубой. Может быть, даже последняя — гораздо лучшее средство для отрезвления всяких хамствующих либеральных дурачков или сбитых ими с толку групп населения...

Сравните меньшевистскую, стокгольмскую, и большевистскую, лондонскую, резолюции о Гос. думе. Вы увидите, что первая — напыщенна, фразиста, полна громких слов о значении Думы, надута сознанием величия думской работы. Вторая — проста, суха, трезва, скромна. Первая резолюция проникнута духом мещанского торжества по поводу венчания социал-демократии с конституционализмом («новой властью, из недр народа» и прочее и прочее в духе той же казенной фальши). Вторая может быть пересказана примерно так:

ежели проклятая контрреволюция загнала нас в этот проклятый хлев, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но и не хвастаясь.

Защищая Думу от бойкота еще в период непосредственной революционной борьбы, меньшевики, так сказать, ангажировались перед народом насчет того, что Дума будет чем-то вроде орудия революции. И они преторжественно провалились с этим ангажементом. Мы же, большевики, если чем ангажировались, то только уверениями, что Дума — исчадие контрреволюции, и добра от нее сколько-нибудь серьезно ждать нельзя. Наша точка зрения подтверждалась до сих пор великолепно, и можно ручаться, что ее еще подтвердят дальнейшие события. Без «исправления» и повторения на основании новых данных октябрьско-декабрьской стратегии не бывать на Руси свободе.

Поэтому, когда мне говорят: III Думу нельзя использовать, как вторую, нельзя объяснить массам необходимости участвовать в ней, то мне хочется ответить: если под «использованием» разумеется нечто меньшевистски-велеречивое, вроде орудия революции и т. п., тогда, конечно, нельзя. Но ведь и первые две Думы оказались на деле только ступеньками к октябристской Думе, и все же мы их использовали для той простой и скромной¹ цели (пропаганда и агитация, критика и разъяснение массам происходящего), для которой мы сумеем всегда использовать самые скверные представительные учреждения. Речь в Думе никакой «революции» не вызовет, и пропаганда *в связи с Думой* никакими особыми качествами не отличается, но пользы от того и от другого социал-демократия получит не меньше, а иногда и побольше, чем от иной напечатанной или произнесенной в другом собрании речи.

И объяснять массам наше участие в октябристской Думе мы должны так же просто. Вследствие поражения

¹ Сравни «Пролетарий» (женевский) 1905 г., статью о бойкоте Бульгинской Думы (см. Соч., 3 изд., т. VIII, стр. 143. *Ред.*) с указанием на то, что мы не зарекаемся от использования ее вообще, но *теперь* решаем иную, поставленную перед нами задачу: задачу борьбы за непосредственно-революционный путь. Сравни также «Пролетарий» (русский) 1906 года, № 1, статья: «О бойкоте» (См. Сочинения, 3 изд., т. X, стр. 26 *Ред.*), где подчеркивается *скромный* размер приносимой думскою работою пользы.

в декабре 1905-го года и неудачи попыток 1906—1907 годов «исправить» это поражение, реакция неизбежно загоняла нас и постоянно *будет дальше загонять* в худшие и худшие quasi-конституционные учреждения. Мы будем отстаивать всегда и везде наши убеждения и проводить наши взгляды, повторяя всегда, что пока держится старая власть, пока она не вырвана с корнем, добра ждать нечего. Будем готовить условия нового подъема, а до его наступления и для его наступления надо упорнее работать, не бросая лозунгов, имеющих смысл только в условиях подъема.

Неверно также было бы смотреть на бойкот, как на *линию тактики*, противопологающую пролетариат и часть революционной буржуазной демократии либерализму совместно с реакцией. Бойкот, это — не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом» — такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом». Различие *линии тактики* у меньшевиков и большевиков вполне уже выяснилось и отлилось в принципиально различные резолюции весной 1905 года во время большевистского III съезда в Лондоне и меньшевистской конференции в Женеве. Ни о бойкоте, ни о «боевизме» тогда не было и не могло быть речи. И на выборах во вторую Думу, когда мы не были бойкотистами, и во II Думе наша *линия тактики* отличалась самым решительным образом от меньшевистской, как известно всем и каждому. *Линии тактики* расходятся при всех приемах и средствах борьбы, на каждом поприще борьбы, отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной линии свойственных способов борьбы. И если бы бойкот III Думы оправдывался или вызывался крахом *революционных* ожиданий от *первой или второй Думы*, крахом «законной», «сильной», «прочной» и «истинной» конституции, то это было бы меньшевизмом худшего сорта.

Соч., 3 изд., т. XII, стр. 32—38.

VII

Резюмируем. Лозунг бойкота порожден особым историческим периодом. В 1905 и в начале 1906 года объективное

положение вещей ставило на решение борющихся общественных сил вопрос о выборе ближайшего пути: непосредственно-революционный путь или монархически-конституционный поворот. Содержанием бойкотистской агитации при этом была главным образом борьба с конституционными иллюзиями. Условием успеха бойкота был широкий, общий, быстрый и сильный революционный подъем.

Во всех этих отношениях положение вещей к осени 1907 года вовсе не вызывает необходимости в таком лозунге и не оправдывает его.

Продолжая свою будничную работу по подготовке выборов и не отказываясь заранее от участия в самых реакционных представительных учреждениях, мы должны всю свою пропаганду и агитацию направить на выяснение народу связи между поражением в декабре и всем последующим упадком свободы и поруганием конституции. Мы должны внедрить в массы твердое убеждение в том, что без непосредственной массовой борьбы такое поругание неизбежно будет продолжаться и усиливаться.

Не зарекаясь от применения лозунга бойкота в моменты подъема, когда могла бы возникнуть серьезная надобность в таком лозунге, мы в настоящее время должны направить все усилия на то, чтобы путем прямого и непосредственного воздействия стремиться превратить тот или иной подъем рабочего движения в движение общее, широкое, революционное и наступательное по отношению к реакции в целом, по отношению к ее устоям.

Июль 1907 г.

Соч., 3 изд., т. XII, стр. 42.

МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, показанному преподаваемым казенными профессорами для оглушения подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младо-гегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений — против прудонизма. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848-ой год. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; — в конце 70-х годов позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего дольше держались традиции прудонизма, рабочие партии фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения — в виде периодических интернациональных съездов — сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно, — в силу экономической отсталости страны

и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества, — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму системы.

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху¹), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отрабатывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии,

¹ — руководству. *Ред.*

давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова¹.

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны; на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили, наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Баверку.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически подкрашивают современное мелкое производство.

¹ См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сказанное в тексте про нео-кантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» нео-юмистским и неoberклианским ревизионистам. (Ленин вскоре написал книгу «Материализм и эмпириокритицизм», в которой дал уничтожающую критику Богданова и других ревизионистов и их философских учителей — Авенариуса и Маха. Книга Ленина является защитой теоретических основ марксизма — диалектического и исторического материализма, — материалистическим обобщением всех завоеваний науки, прежде всего естествознания, за период от смерти Энгельса до появления этой книги Ленина, и теоретической подготовкой большевистской партии. *Ред.*)

Факт технического и коммерческого превосходства крупного *производства* над мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в *обмен* мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономики — исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах, — доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, — в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т. е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического

строю. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов, и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе, не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, — все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих. Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стоимости надо только сказать, что, кроме намеков и вздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, — говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического Манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя, дескать, ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов, — именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся

история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабевают, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский мильеранизм — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе, — дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная

цель — ничто, движение — все», это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспосабливаться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, — такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, — неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обусловливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гедистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции, социал-демократической федерации и независимой рабочей партии в Англии, Брукэра и Вандервельде в Бельгии, интеграллистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по *одной* линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 тому назад, когда в разных странах боролись неоднородные тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм», тоже приспосабливается

к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания *этого* ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для

определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства.

Апрель 1908 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 49—55.

ИЗ КНИГИ: МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ РЕАКЦИОННОЙ ФИЛОСОФИИ

ГЛАВА VI

ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

4. ПАРТИИ В ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКИЕ БЕЗГОЛОВЦЫ

Нам осталось еще рассмотреть вопрос об отношении махизма к религии. Но этот вопрос расширяется до вопроса о том, есть ли, вообще, партии в философии и какое значение имеет беспартийность в философии.

В течение всего предыдущего изложения, на каждом из затронутых нами вопросов гносеологии, на каждом философском вопросе, поставленном новой физикой, мы прослеживали борьбу *материализма* и *идеализма*. За кучей новых терминологических ухищрений, за сором гелертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили *две* основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир — и считать вторичным сознание, дух, ощущение (— опыт, по *распространенной* в наше время терминологии), психическое и т. п., вот тот коренной вопрос, который *на деле* продолжает разделять философов *на два большие лагеря*. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений *просматривают* эти две основные тенденции (Богданов, например, не хочет признать

своего идеализма, потому что вместо «метафизических», видите ли, понятий: «природа» и «дух» он взял «опытные»: физическое и психическое. Словечко изменили!).

Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полу-столетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, — показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности.

Мы сказали: почти полу столетия. В самом деле, еще в 1843 году, когда Маркс только еще становился Марксом, т. е. основателем социализма, как науки, основателем *современного материализма*, неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма, — еще в то время Маркс с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии. К. Грюн приводит письмо Маркса к Фейербаху от 20-го октября 1843 года¹, где Маркс приглашает Фейербаха написать статью в «Deutsch-Französische Jahrbücher»² против Шеллинга. Этот Шеллинг — пустой хвостун, — пишет Маркс, — со своими претензиями обнять и превзойти все прежние философские направления. «Французским романтикам и мистикам Шеллинг говорит: я — соединение философии и теологии; французским материалистам: я — соединение плоти и идеи; французским скептикам: я — разрушитель

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, 1938, стр. 511. *Ред.*

² — «Немецко-Французский Ежегодник». *Ред.*

догматики»¹. Что «скептики», называются ли они юмистами или кантианцами (или махистами, в XX веке), кричат против «догматики» и материализма и идеализма, Маркс видел уже тогда и, не давая отвлечь себя одной из тысячи мизерных философских системок, он сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма. Тридцать лет спустя, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», Маркс так же ясно и отчетливо противопоставляет *свой материализм* гегелевскому, т. е. самому последовательному, самому развитому *идеализму*, презрительно отстраняя контовский «позитивизм» и объявляя жалкими эпигонами современных философов, которые мнят, что уничтожили Гегеля, на деле же вернулись к повторению доггегелевских ошибок Канта и Юма. В письме к Кугельману от 27-го июня 1870 г. Маркс так же презрительно третирует «Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера и т. д.» за то, что они не сумели понять диалектики Гегеля и относятся к нему с пренебрежением². Возьмите, наконец, отдельные философские замечания Маркса в «Капитале» и в других сочинениях, — вы увидите *неизменный* основной мотив: настаивание на *материализме* и презрительные насмешки по адресу всякого затушевывания, всякой путаницы, всяких отступлений к *идеализму*. В этих двух коренных противоположениях вращаются *все* философские замечания Маркса — с точки зрения профессорской философии, в этой «узости» и «односторонности» и состоит их недостаток. На деле в этом нежелании считаться с убудочными прожектами примирения материализма и идеализма состоит величайшая заслуга Маркса, шедшего *вперед* по резко-определенному философскому пути.

Вполне в духе Маркса и в тесном сотрудничестве с ним Энгельс во всех своих философских работах коротко

¹ Karl Grün. «Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass, sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung», I. Bd., Lpz., 1874, S. 361 (Карл Грюн. «Людвиг Фейербах в своей переписке и литературном наследстве, а также в своем философском развитии», т. I, Лейпциг, 1874, стр. 361. *Ред.*)

² Про позитивиста Бизли (Beesley) Маркс говорит в письме от 13 дек. 1870 г.: «как последователь Конта, он не может не выкидывать всяких вывертов» (crotchets). Сравните с этим оценку Энгельсом в 1892 г. позитивистов à la Гексли.

и ясно противопоставляет по *всем* вопросам материалистическую и идеалистическую линию, не беря всерьез ни в 1878, ни в 1888, ни в 1892 годах бесконечных потуг «превзойти» «односторонность» материализма и идеализма, провозгласить *новую* линию, какой бы то ни было «позитивизм», «реализм» или прочий профессорский шарлатанизм. Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провел *целиком* под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма, — вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга» и не заметить которой могли только люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией. И вплоть до 1894 года, когда написано последнее предисловие к пересмотренному автором и дополненному последний раз «Анти-Дюрингу», Энгельс, продолжая следить и за новой философией, и за новым естествознанием, продолжал с прежней решительностью настаивать на своей ясной и твердой позиции, отмечая сор новых систем и системок.

Что Энгельс следил за новой философией, видно из «Людвига Фейербаха». В предисловии 1888 года говорится даже о таком явлении, как возрождение классической немецкой философии в Англии и в Скандинавии, о господствующем же неокантианстве и юмизме у Энгельса нет (и в предисловии, и в тексте книги) других слов, кроме самого крайнего презрения. Совершенно очевидно, что Энгельс, наблюдая повторение *модной* немецкой и английской философией старых, до-гегелевских, ошибок кантианства и юмизма, готов был ждать добра даже *от поворота* (в Англии и в Скандинавии) к Гегелю, надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения.

Не вдаваясь в рассмотрение громадного количества оттенков неокантианства в Германии и юмизма в Англии, Энгельс отвергает с *порога* основное отступление их от материа-

лизма. Энгельс объявляет *все направление* и той и другой школы «*научным шагом назад*». И как он оценивает несомненно «позитивистскую», с точки зрения ходячей терминологии, несомненно «реалистическую» тенденцию этих новокантианцев и юмистов, из которых, например, он не мог не знать Гексли? Тот «позитивизм» и тот «реализм», который прельщал и прельщает бесконечное число путаников, Энгельс объявлял *в лучшем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм*, публично разнося его и отрекаясь от него! Достаточно хоть капельку подумать над *такой* оценкой Т. Гексли, самого крупного естествоиспытателя и несравненно более реалистичного реалиста и позитивного позитивиста, чем Мах, Авенариус и К°, — чтобы понять, с каким презрением встретил бы Энгельс теперешнее увлечение кучки марксистов «новейшим позитивизмом» или «новейшим реализмом» и т. п.

Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях. Поэтому *исключительно* с точки зрения выдержанности материализма оценивали они Гексли. Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца, — за то, что он отрекался от материализма из-за ошибок отдельных материалистов, — за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии, — за то, что он не умел в социологии отделяться от идеалистической фразы и стать материалистом.

И эту величайшую и самую ценную традицию своих учителей вполне оценил и перенял И. Дицген, каковы бы ни были его частные ошибки в изложении диалектического материализма. Много грешил И. Дицген своими неловкими отступлениями от материализма, но никогда не пытался он принципиально отделиться от него, выкинуть «новое» знамя, всегда в решительный момент заявлял он твердо и категорически: я материалист, наша философия есть материалистическая. «Из всех партий, — справедливо говорил наш Иосиф Дицген, — самая гнусная есть партия середины... Как в политике партии все более и более группируются в два только лагеря,

...так и наука делится на два основных класса (Generalklassen); там — метафизики, здесь — физики или материалисты¹. Промежуточные элементы и примиренческие шарлатаны со всяческими кличками, спиритуалисты, сенсуалисты, реалисты и т. д. и т. д., падают на своем пути то в то, то в другое течение. Мы требуем решительности, мы хотим ясности. Идеалистами² называют себя реакционные мракобесы (Retraitebläser), а материалистами должны называться все те, которые стремятся к освобождению человеческого ума от метафизической тарабарщины... Если мы сравним обе партии с прочным и текучим, то посредине лежит нечто кашеподобное»³.

Правда! «Реалисты» и т. п., а в том числе и «позитивисты», махисты и т. д., все это — жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства».

Что «научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие прямой поповщины, в этом для И. Дицгена не было и тени сомнения. «Научная поповщина, — писал он, — серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине» (1. с., 51). «В особенности область теории познания, непонимание человеческого духа, является такой вшивой ямой» (Lausgrube), в которой «кладет яйца» и та, и другая поповщина. «Дипломированные лакеи с речами об «идеальных благах», отупляющие народ при помощи вымученного (geschraubter) идеализма» (53), — вот что такое профессора философии для И. Дицгена. «Как у боженки антипод — дьявол, так у поповского профессора (Kathederpaffen) — материалист». Теория познания материализма является «универсальным оружием

¹ И здесь неловкое, неточное выражение: вместо «метафизики» надо было сказать «идеалисты». И. Дицген сам противопоставляет в других местах метафизиков диалектикам.

² Заметьте, что И. Дицген уже поправился и объяснил *точнее*, какова партия врагов материализма.

³ — См. статью: «Социал-демократическая философия», написанную в 1876 году. «Kleinere philosophischen Schriften», 1903, S. 135.

против религиозной веры» (55), — и не только против «всем известной, настоящей, обыкновенной религии попов, но и против очищенной, возвышенной профессорской религии опьянелых (benebelter) идеалистов» (58).

По сравнению с «половинчатостью» свободомыслящих профессоров Дицген готов был предпочесть «религиозную честность» (60) — там «есть система», там есть люди цельные, не разрывающие теории и практики. «Философия не наука, а средство защиты от социал-демократии» (107) — для гг. профессоров. «Те, кто зовут себя философами, профессора и приват-доценты, все тонут, несмотря на свое свободомыслие, более или менее в предрассудках, в мистике... все составляют по отношению к социал-демократии... одну реакционную массу» (108). «Чтобы идти по верному пути, не давая никаким религиозным и философским нелепостям (Welsch) сбивать себя, надо изучать неверный путь неверных путей (der Holzweg der Holzwege) — философию» (103).

И посмотрите теперь, с точки зрения партий в философии, на Маха и Авенариуса с их школой. О, эти господа *хваляются* своей *беспартийностью*, и если есть у них антипод, то только один и *только... материалист*. Через *все* писания *всех* махистов красной нитью проходит тупоумная претензия «подняться выше» материализма и идеализма, превзойти это «устарелое» противоположение, а *на деле* вся эта братия *ежеминутно* оступает в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом. Утонченные гносеологические выверты какого-нибудь Авенариуса остаются профессорским измышлением, попыткой основать маленькую «свою» философскую секту, а *на деле*, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, *объективная* роль этих гносеологических ухищрений одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу. Не случайность же в самом деле, что за маленькую школку эмпириокритиков хватаются и английские спиритуалисты вроде Уорда, и французские неокритицисты, хвалящие Маха за борьбу с материализмом, и немецкие имманенты! Формула

И. Дицгена: «дипломированные лакеи фидеизма» не в бровь, а в глаз бьет Маха, Авенариуса и всю их школу¹.

Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатались по наклонной плоскости. Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! *Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная наука* в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом

¹ Вот еще пример того, как широко распространенные течения реакционной буржуазной философии на деле используют махизм. Едва ли не «последней модой» самоновейшей американской философии является «прагматизм» (от греческого прагма — дело, действие; философия действия). О прагматизме говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема*, на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта (ср. *William James*. «Pragmatism. A new name for some old ways of thinking», N. Y., 1907, p. 57 и 106 особ.). (Ср. *Уильям Джемс*. «Прагматизм. Новое название для некоторых старых путей мышления», Нью-Йорк, 1907, стр. 57 и 106 особ. *Ред.*). Различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом. Сравните хотя бы богдановское и прагматистское определение истины: «истина для прагматиста есть родовое понятие для всяческого рода определенных рабочих ценностей (working-values) в опыте» (*ib.*, p. 68).

профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией. «Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем», — писал от имени авторов «Очерков» Луначарский. — Не *вы* ищете, а *вас ищут*, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня à la Оствальд, завтра à la Мах, послезавтра à la Пуанкаре. Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроспекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и *общественная тенденция* этих ухищрений улавливаемся сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит* свою службу. Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма.

Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма.

Возьмите первый вопрос. Не полагаете ли вы, что это случайность, если в коллективном труде *против* философии марксизма Луначарский договорился до «обожествления высших человеческих потенций», до «религиозного

атеизма»¹ и т. п.? Если вы полагаете так, то исключительно в силу того, что русские махисты неверно осведомили публику насчет *всего* махистского течения в Европе и отношения этого течения к религии. Не только нет в этом отношении ничего подобного отношению Маркса, Энгельса, И. Дицгена, даже Фейербаха, а есть *прямо обратное*, начиная с заявлений Петцольдта: эмпириокритицизм «не противоречит ни теизму, ни атеизму» («Einf. i. d. Philosophie der reinen Erfahrung», I, 351) или Маха — «религиозные мнения частное дело» (фр. пер., р. 434) и кончая *прямым фидеизмом*, прямым *черносотенством* и Корнелиуса, который расхваливает Маха и которого расхваливает Мах, и Каруса, и всех имманентов. Нейтральность *философа* в этом вопросе *уже есть* лакейство пред фидеизмом, а дальше нейтральности не поднимаются и не могут подняться Мах и Авенариус в силу исходных пунктов своей гносеологии.

Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении, вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно. Если чувственный мир есть объективная реальность, — всякой другой «реальности» или квази-реальности (вспомните, что Базаров поверил «реализму» имманентов, объявляющих бога «реальным понятием») закрыта дверь. Если мир есть движущаяся материя, — ее можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальных проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи, но вне ее, вне «физического», внешнего мира, знакомого всем и каждому, ничего быть не может. И вражда к материализму, тучи клевет на материалистов, — все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня. Все это продолжается до сих пор. Все это *скрывается* от публики русскими махистами, которые *ни единого* раза не попытались просто даже сопоставить выходок против материализма Маха, Авенариуса,

¹ «Очерки», стр. 157, 159. В «Заграничной Газете» тот же автор говорит о «научном социализме в его религиозном значении» (№ 3, стр. 5), а в «Образовании», 1908, № 1, стр. 164, он прямо пишет: «Давно зреет во мне новая религия»...

Петцольдта и К^о с заявлениями *в пользу* материализма Фейербаха, Маркса, Энгельса, И. Дицгена.

Но «укрывательство» отношений Маха и Авенариуса к фидеизму ничему не поможет. Факты говорят за себя. Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуи Уорда, неокритицистов, Шуппе, Шуберта-Зольдерна, Леклера, прагматистов и т. д. И влияние названных сейчас лиц, как философов и профессоров, распространенность их идей в «образованной», т. е. буржуазной, публике, специальная литература, созданная ими, вдесятеро шире и богаче, чем специальная школка Маха и Авенариуса. Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо.

Позорные вещи, до которых опустился Луначарский, — не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого. Нельзя защищать их «хорошими намерениями» автора, «особым смыслом» его слов: будь это прямой и обычный, т. е. непосредственно фидеистический смысл, мы не стали бы и разговаривать с автором, ибо не нашлось бы, наверное, ни одного марксиста, для которого подобные заявления *не* приравнивали бы *всецело* Анатолия Луначарского к Петру Струве. Если этого нет (а этого *еще* нет), то исключительно потому, что мы видим «особый» смысл и *воюем*, пока *еще есть почва* для товарищеской войны. В том-то и позор заявлений Луначарского, что он *мог* связать их с своими «хорошими» намерениями. В том-то и зло его «теории», что она допускает *такие* средства или *такие* выводы в осуществление благих намерений. В том-то и беда, что «благие» намерения остаются *в лучшем случае* субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а *общественное значение* подобных заявлений безусловно и неоспоримо, и никакими оговорками и разъяснениями ослаблено быть не может.

Надо быть слепым, чтобы не видеть идейного родства между «обожествлением высших человеческих потенций» Луначарского и «всеобщей подстановкой» психического под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической.

«Подстановка», молча и с другой стороны подходя к делу, уже обожествляет «высшие человеческие потенции», отрывая «психическое» от человека и подставляя необъятно расширенное, абстрактное, божественно-мертвое, «психическое вообще» под всю физическую природу. А «Логос» Юшкевича, вносимый «в иррациональный поток данного»?

Коготок увяз — всей птичке пропасть. А наши махисты все увязли в идеализме, т. е. ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента». Ничье ощущение, ничья психика, ничей дух, ничья воля, — к этому неизбежно скатиться, если не признавать материалистической теории отражения сознанием человека объективно-реального внешнего мира.

Вторая половина 1908 г.

Материализм и эпириокритицизм.
М., Госполитиздат, 1945, стр. 297—306.

ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ

Речь депутата Суркова в Государственной думе при обсуждении сметы синода и прения в нашей думской фракции при обсуждении проекта этой речи, печатаемые нами ниже, подняли чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос. Интерес ко всему, что связано с религией, несомненно, охватил ныне широкие круги «общества» и проник в ряды интеллигенции, близкой к рабочему движению, а также в известные рабочие круги. Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии.

Социал-демократия строит все свое миросозерцание на научном социализме, т. е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии, — материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии. Напомним, что весь «Анти-Дюринг» Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изобличает материалиста и атеиста Дюринга в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек религии и религиозной философии. Напомним, что в своем сочинении о Людвиге Фейербахе Энгельс ставит в упрек ему то, что он боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подновления, сочинения новой, «возвышенной» религии и т. п. Религия есть опиум

народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего мирозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса.

И в то же время, однако, Энгельс неоднократно осуждал попытки людей, желавших быть «левее» или «революционнее» социал-демократии, внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявления войны религии. В 1874-ом году, говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии. Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику*, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза. И в 1877-ом году в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает якобы революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии — значит — говорит Энгельс — «перебисмарковать самого Бисмарка», т. е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т. е. борьба Бисмарка в 1870-х годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Такой борьбой Бисмарк только *укрепил* воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой

и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма. Обвиняя, желавшего быть ультрареволюционным, Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии умения терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией. Эта точка зрения вошла в плоть и кровь германской социал-демократии, высказывавшейся, например, за свободу для иезуитов, за допущение их в Германию, за уничтожение всяких мер полицейской борьбы с той или иной религией. «Объявление религии частным делом» — этот знаменитый пункт Эрфуртской программы (1891 года) закрепил указанную политическую тактику социал-демократии.

Эта тактика успела уже теперь стать рутинной, успела породить новое искажение марксизма в обратную сторону, в сторону оппортунизма. Стали толковать положение Эрфуртской программы в том смысле, что мы, с.-д., наша партия *считает* религию частным делом, что для нас, как с.-д., для нас, как партии, религия есть частное дело. Не вступая в прямую полемику с этим оппортунистическим взглядом, Энгельс в 1890-х годах счел необходимым решительно выступить против него не в полемической, а в позитивной форме. Именно: Энгельс сделал это в форме заявления, нарочно им подчеркнутого, что социал-демократия *считает* религию частным делом *по отношению к государству*, а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии.

Такова внешняя история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу о религии. Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, эта история есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма: какая-то, дескать, каша из «последовательного» атеизма и «поблажек» религии, какое-то «беспринципное» колебание между р-р-революционной войной с богом и трусливым желанием «подделаться» к верующим рабочим, боязнью отпугнуть их и т. д. и т. п. В литературе

анархических фразеров можно найти не мало выходов против марксизма в этом духе.

Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по отношению к религии глубоко последовательна и продумана Марксом и Энгельсом, что то, что дилетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма. Глубоко ошибочно было бы думать, что кажущаяся «умеренность» марксизма по отношению к религии объясняется так называемыми «тактическими» соображениями в смысле желания «не отпугнуть» и т. п. Напротив, политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами.

Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд

есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это — корни, главным образом, *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговоренного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого *корня* религии, против *господства капитала* во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть *подчинена* ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых *масс* против эксплуататоров.

Человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т. е. философии Маркса и Энгельса, может не понять (или, по крайней мере, сразу не понять) этого положения. Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия (т. е. с религией), — классо-

вой борьбе, т. е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?

Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т. е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непреходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, — значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности. Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных социал-демократов, которые являются, разумеется, атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказать при таких условиях и излишней, и вредной — не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только *на руку* попу и попам, которые

ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты на деле помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д., и т. п.

С указанной точки зрения следует решать все частные вопросы, касающиеся отношения социал-демократии к религии. Например, часто выдвигается вопрос, может ли священник быть членом с.-д. партии, и обыкновенно отвечают на этот вопрос без всяких оговорок положительно, ссылаясь на опыт европейских с.-д. партий. Но этот опыт порожден не только применением доктрины марксизма к рабочему движению, а и особыми историческими условиями Запада, отсутствующими в России (мы скажем ниже об этих условиях), так что безусловный положительный ответ здесь не верен. Нельзя раз навсегда и для всех условий объявить, что священники не могут быть членами социал-демократической партии, но нельзя раз навсегда выставить обратное правило. Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей

программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже маловероятен. И, если бы, например, священник вошел в партию с.-д. и стал вести в этой партии, как свою главную и почти единственную работу, активную проповедь религиозных воззрений, то партия безусловно должна бы была исключить его из своей среды. Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений, но мы привлекаем их для воспитания в духе нашей программы, а не для активной борьбы с ней. Мы допускаем *внутри* партии свободу мнений, но в известных границах, определяемых свободой группировки: мы не обязаны идти рука об руку с активными проповедниками взглядов, отвергаемых большинством партии.

Другой пример: можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедовать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К^о). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придижкой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «социализм

есть религия» для одних есть форма перехода *от* религии к социализму, для других — *от* социализма к религии.

Перейдем теперь к тем условиям, которые породили на Западе оппортунистическое толкование тезиса: «объявление религии частным делом». Конечно, есть тут влияние общих причин, порождающих оппортунизм вообще, как принесение в жертву минутным выгодам коренных интересов рабочего движения. Партия пролетариата требует *от государства* объявления религии частным делом, отнюдь не считая «частным делом» вопрос борьбы с опиумом народа, борьбы с религиозными суевериями и т. д. Оппортунисты извращают дело таким образом, как будто бы *социал-демократическая* партия считала религию частным делом!

Но кроме обычного оппортунистического извращения (совершенно не разъясненного в прениях, которые вела наша думская фракция при обсуждении выступления о религии) есть особые исторические условия, вызвавшие современное, если можно так выразиться, чрезмерное равнодушие европейских с.-д. к вопросу о религии. Это — условия двойного рода. Во-первых, задача борьбы с религией есть историческая задача революционной буржуазии, и на Западе эту задачу в значительной степени выполнила (или выполняла) буржуазная демократия в эпоху *своих* революций или своих натисков на феодализм и средневековье. И во Франции, и в Германии есть традиция буржуазной войны с религией, начатой задолго до социализма (энциклопедисты, Фейербах). В России, соответственно условиям нашей буржуазно-демократической революции, и эта задача ложится почти всецело на плечи рабочего класса. Мелкобуржуазная (народническая) демократия сделала в этом отношении у нас не слишком много (как думают новоявленные черносотенные кадеты или кадетские черносотенцы из «Вех»), а *слишком мало* по сравнению с Европой.

С другой стороны, традиция буржуазной войны с религией успела создать в Европе специфически буржуазное *извращение* этой войны анархизмом, который стоит, как давно уже и многократно разъясняли марксисты, на почве буржуазного мировоззрения при всей «ярости» своих нападок

на буржуазию. Анархисты и бланкисты в романских странах, Мост (бывший, между прочим, учеником Дюринга) и К^о в Германии, анархисты в 80-х годах в Австрии довели до *plus ultra*¹ революционную фразу в борьбе с религией. Неудивительно, что европейские с.-д. теперь *перегибают палку*, согнутую анархистами. Это понятно и, в известной мере, законно, но забывать об особых исторических условиях Запада нам, русским с.-д., не годится.

Во-вторых, на Западе *после* окончания национальных буржуазных революций, *после* введения более или менее полной свободы вероисповедания, вопрос демократической борьбы с религией настолько уже был исторически оттеснен на второй план борьбой буржуазной демократии с социализмом, что буржуазные правительства *сознательно* пробовали отвлечь внимание масс от социализма устройством quasi-либерального «похода» на клерикализм. Такой характер носил и Kulturkampf в Германии и борьба с клерикализмом буржуазных республиканцев Франции. Буржуазный антиклерикализм как средство отвлечения внимания рабочих масс от социализма — вот что предшествовало на Западе распространению среди с.-д. современного их «равнодушия» к борьбе с религией. И опять-таки это понятно и законно, ибо буржуазному и бисмаркианскому антиклерикализму с.-д. должны были противопоставлять именно *подчинение* борьбы с религией борьбе за социализм.

В России условия совсем иные. Пролетариат есть вождь нашей буржуазно-демократической революции. Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д. Поэтому, если Энгельс сравнительно мягко поправлял оппортунизм немецких с.-д., подменявших требование рабочей партии, чтобы *государство* объявило религию частным делом, *объявлением* религии частным делом для самих с.-д. и социал-демократической партии, — то понятно, что перенимание русскими оппортунистами этого немецкого

¹ — до самой крайней степени. *Ред.*

извращения заслужило бы *во сто раз* более резкое осуждение Энгельса.

Заявив с думской трибуны, что религия есть опиум народа, наша фракция поступила вполне правильно и создала, таким образом, прецедент, который должен послужить основой для всех выступлений русских с.-д. по вопросу о религии. Следовало ли идти дальше, развивая еще подробнее атеистические выводы? Мы думаем, что нет. Это могло бы грозить преувеличением борьбы с религией со стороны политической партии пролетариата; это могло бы вести к стиранию грани между буржуазной и социалистической борьбой с религией. Первое, что должна была выполнить с.-д. фракция в черносотенной Думе, было с честью выполнено.

Второе — и едва ли не главное для с.-д. — разъяснение классовой роли церкви и духовенства в поддержке черносотенного правительства и буржуазии в ее борьбе с рабочим классом — равным образом выполнено было с честью. Конечно, на эту тему можно еще сказать очень многое, и последующие выступления с.-д. найдут, чем дополнить речь тов. Суркова, но все же речь его была превосходна, и распространение ее всеми партийными организациями есть прямая обязанность нашей партии.

Третье — следовало со всей обстоятельностью разъяснить *правильный* смысл столь часто искажаемого немецкими оппортунистами положения: «объявление религии частным делом». Этого, к сожалению, тов. Сурков не сделал. Это тем более жаль, что в предыдущей деятельности фракции была уже допущена по этому вопросу своевременно отмеченная «*Пролетарием*» ошибка тов. Белоусова. Прения во фракции показывают, что спор об атеизме заслонил от нее вопрос о правильном изложении пресловутого требования объявления религии частным делом. Мы не будем винить за эту ошибку всей фракции одного тов. Суркова. Мало того. Признаем прямо, что тут есть вина всей партии, недостаточно разъяснявшей этот вопрос, недостаточно подготовившей в сознании с.-д. значение Энгельсовского замечания по адресу немецких оппортунистов. Прения во фракции доказывают, что это было именно неясное понимание вопроса, а отнюдь

не нежелание считаться с учением Маркса, и мы уверены, что ошибка будет исправлена в последующих выступлениях фракции.

В общем и целом, повторяем, речь тов. Суркова превосходна и должна быть распространяема всеми организациями. Обсуждением этой речи фракция доказала вполне добросовестное исполнение ею своего с.-д. долга. Остается пожелать, чтобы корреспонденции о прениях внутри фракции чаще появлялись в партийной печати для сближения фракции с партией, для ознакомления партии с тяжелой внутренней работой, проделываемой фракцией, для установления идейного единства в деятельности партии и фракции.

Май 1909 г.

Соч., 3 изд., т. XIV, стр. 68—76.

РАЗНОГЛАСИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

I

Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления — ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения.

Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран, и постоянно порождающие эти отступления. Вышедшая в прошлом году небольшая книжка голландского марксиста Антона Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении» (Anton Pannekoek: «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg, Erdmann Dubber, 1909) представляет из себя интересную попытку научного исследования этих причин. В дальнейшем

изложении мы познакомим читателя с выводами Паннекука, которые нельзя не признать вполне правильными.

Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый факт роста рабочего движения. Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени.

Далее. Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мирозерцания вообще и буржуазно-демократического мирозерцания в частности.

Затем, постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время,

без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди «натравливают» класс на класс, — то утешают себя тем, что рабочая партия есть «мирная партия реформ». Прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимно исключаящими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации,

проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании.

Здесь мы позволим себе маленькое отступление и заметим в скобках, во избежание возможных недоразумений, что Паннекук иллюстрирует свой анализ *исключительно* примерами из западно-европейской истории, особенно Германии и Франции, *совершенно не* имея в виду России. Если иногда кажется, что он намекает на Россию, то это зависит лишь от того, что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада.

Наконец, чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна, — рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общеполитической политики. Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского

стройка, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, причем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например, Англия в 60-х, 70-х годах XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Когда в Германии царил этот метод, односторонним отзвуком этой одной из систем буржуазного управления был рост анархо-синдикализма, или, по-тогдашнему, анархизма в рабочем движении («молодые» в начале 90-х годов, Иоган Мост в начале 80-х). Когда в 1890 году наступил поворот к «уступкам», этот поворот, как и всегда, оказался еще более опасным для рабочего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизм в рабочем движении. «Позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии, — говорит Паннекук, — есть введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного якобы реформаторства».

Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики, которая представляет из себя, по справедливому замечанию Паннекука, «более хитрую» политику. Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовый борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола.

Все причины указанного рода вызывают разногласия относительно тактики внутри рабочего движения, внутри пролетарской среды. Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего.

Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями.

Декабрь 1910 г.

Соч., 3 изд., т. XV, стр. 1—9.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА

Наше учение, — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории.

И именно в наше время среди тех, кого интересуют судьбы марксизма в России, особенно часто встречаются люди, которые упускают из виду как раз эту его сторону. А между тем всякому ясно, что в последние годы Россия пережила такие крутые переломы, которые с необычайной быстротой и необычайно резко меняли обстановку, социально-политическую обстановку, определяющую ближайшим и непосредственным образом условия действия, а следовательно, и задачи действия. Я говорю, конечно, не об общих и основных задачах, которые не меняются при поворотах истории, раз не меняется основное соотношение между классами. Совершенно очевидно, что это общее направление экономической (и не только

экономической) эволюции России, равно как и основное соотношение между различными классами русского общества, не изменилось за последние, скажем, шесть лет.

Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время очень резко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а *следовательно*, и в марксизме, как живой доктрине, *не могли* не выдвигаться на первый план *различные* стороны его.

Чтобы пояснить эту мысль, взглянем на то, каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за последнее шестилетие. Перед нами сразу выделяются два трехлетия, на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907 года, другое — летом 1910 года. Первое трехлетие характеризуется, с чисто теоретической точки зрения, быстрыми изменениями основных черт государственного строя России, причем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой этих изменений «надстройки» было столь открытое, внушительное, массовидное выступление *всех* классов русского общества на *самых различных* поприщах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), какое не часто наблюдается в истории.

Наоборот, второе трехлетие характеризуется — повторяем, что мы ограничиваемся на этот раз чисто теоретической «социологической» точкой зрения — такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких, сколько-нибудь заметных, изменений в государственном строе. Никаких или почти никаких открытых и разносторонних выступлений *классов* на большинстве тех «арен», на которых развертывались эти выступления в предыдущий период.

Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того, и другого — прежней, капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда феодальных, средневековых учреждений не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо, а скорее

обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения.

Различие того и другого периода состоит в том, что во время первого периода на авансцене исторического действия стоял вопрос о том, как именно сложится результат вышеуказанных быстрых и неровных изменений. Содержание этих изменений не могло не быть буржуазным, в силу капиталистического характера эволюции России, но есть буржуазия и буржуазия. Средняя и крупная буржуазия, стоящая на позиции более или менее умеренного либерализма, по самому своему классовому положению боялась изменений резких и добивалась сохранения значительных остатков старых учреждений и в аграрном строе, и в политической «надстройке». Деревенская мелкая буржуазия, переплетаясь с живущим «трудом рук своих» крестьянством, не могла не стремиться к *иного рода* буржуазным преобразованиям, оставляющим гораздо менее места всяческой средневековой старине. Наемные рабочие, поскольку они сознательно относились к происходящему вокруг них, не могли не выработать себе определенного отношения к этому столкновению двух различных тенденций, которые обе остались в рамках буржуазного строя, но определяли совершенно различные формы его, совершенно различную быстроту его развития, различную ширину захвата его прогрессивных влияний.

Таким образом, эпоха миновавшего трехлетия не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто споры и расхождения из-за этих вопросов были «интеллигентскими» спорами, были «борьбой за влияние на незрелый пролетариат», выражали «приспособление интеллигенции к пролетариату», как думают всяких родов веховцы. Напротив, именно потому, что данный класс достиг зрелости, он не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса не могли не дать теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям.

Во второе трехлетие столкновение различных тенденций буржуазного развития России *не* стояло на очереди дня, ибо *обе* эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время. Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., — вот что оказалось на поверхности.

И эта поразительно резкая смена не была ни случайностью, ни результатом одного только «внешнего» давления. Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно.

Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов.

Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий

общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов. Повторение заученных, но непонятых, непродуманных «лозунгов» повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелкобуржуазным течениям, вроде откровенного или стыдливого «отзовизма» или признания отзовизма «законным оттенком» марксизма.

С другой стороны, дух веховщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности». Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения о «иерархии» и «гегемонии» и т. п.

В задачу настоящей статьи не может входить, конечно, рассмотрение этих рассуждений. Достаточно указать на них, чтобы иллюстрировать сказанное выше о глубине переживаемого марксизмом кризиса, о связи его со всей общественно-экономической обстановкой переживаемого периода. От вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы. Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических

основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма.

Предыдущее трехлетие подняло к сознательному участию в общественной жизни такие широкие слои, которые нередко теперь впервые начинают знакомиться настоящим образом с марксизмом. Буржуазная пресса создает на этот счет гораздо более заблуждений, чем прежде, и распространяет их шире. Распад среди марксизма особенно опасен при таких условиях. Поэтому понять причины неизбежности этого распада в переживаемое время и сплотиться для последовательной борьбы с ним является, в самом прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов.

Январь 1911 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 546—549.

РЕФОРМИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Громадный прогресс капитализма за последние десятилетия и быстрый рост рабочего движения во всех цивилизованных странах внесли большой сдвиг в прежнее отношение буржуазии к пролетариату. Вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции, — буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», образованной буржуазии. И чем выше развитие капитализма в данной стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения «новейшего» буржуазного лозунга: реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти.

С точки зрения всемирного развития социализма в указанном сдвиге нельзя не видеть крупного шага вперед. Сначала социализм боролся за существование, и против него стояла верящая в свои силы буржуазия, смело и последовательно защищавшая либерализм, как цельную систему экономических и политических воззрений. Социализм вырос, он уже

отстоял во всем цивилизованном мире свое право на существование, он борется теперь *за власть*, и буржуазия, разлагающаяся, видящая неизбежность гибели, напрягает все силы, чтобы ценою половинчатых и лицемерных уступок оттянуть эту гибель, сохранить за собой власть и при новых условиях.

Обострение борьбы реформизма с революционной социал-демократией *внутри* рабочего движения есть совершенно неизбежный результат указанных изменений во всей экономической и политической обстановке всех цивилизованных стран мира. Рост рабочего движения неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелкобуржуазных элементов, поработанных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова. Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежевки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды» *перед* этой революцией, — без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных, и пролетарских, революционных, элементов новой исторической силы *во время* этой революции.

В России дело не меняется по существу, но усложняется, затушевывается, модифицируется вследствие того, что мы отстали от Европы (и даже от передовой части Азии), мы переживаем еще эпоху буржуазных революций. От этого русский реформизм отличается особенно упорным характером, представляет из себя болезнь более, так сказать, злокачественную, приносит гораздо больше вреда делу пролетариата и делу революции. У нас реформизм течет одновременно из двух источников. Во-первых, Россия гораздо более мелкобуржуазная страна, чем страны западно-европейские. У нас поэтому особенно часто появляются люди, группы, течения, отличающиеся тем противоречивым, нетвердым, колеблющимся отношением к социализму (то «пылкая любовь», то подлая измена), которое свойственно всякой мелкой буржуазии. У нас, во-2-х, массы мелкой буржуазии всего легче, всего быстрее падают духом и поддаются ренегатскому настроению при каждой неудаче *одной* из фаз нашей буржуазной революции,

всего скорее отрекаются от задачи полного демократического переворота, очищающего Россию целиком от всех пережитков средневековья и крепостничества.

Не будем останавливаться подробно на первом источнике. Напомним только, что не найдется, наверное, ни единой страны в мире, где бы так быстро происходили «повороты» от сочувствия социализму к сочувствию контрреволюционному либерализму, как у наших господ Струве, Изгоевых, Карауловых и т. д., и т. п. А ведь эти господа — не исключения, не одиночки, а представители широко распространенных течений! Прекраснодушные люди, которых много вне рядов социал-демократии, но не мало также внутри ее, и которые любят говорить проповеди против «чрезмерной» полемики, «страсти к размежеваниям» и т. д., обнаруживают полное непонимание того, какие исторические условия порождают в России «чрезмерную» «страсть» к скачкам от социализма к либерализму.

Перейдем ко второму источнику реформизма в России.

Буржуазная революция у нас не закончена. Самодержавие *пытается* по-новому решить завещанные ею и навязываемые всем объективным ходом экономического развития задачи, *но оно не может их решить*. Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию, ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками, — все эти «крайние» меры, все эти «последние» усилия царизма на *последней* оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными. Не выходит и так! Не только японцев не может догнать «обновляемая» *таким* способом Россия, но даже и от Китая, пожалуй, она начинает отставать. Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он созревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем по-новому, *не так*, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно.

Задачи пролетариата вытекают из такого положения с полнейшей, неуклонной определенностью. Как

единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это — раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, *а не* за свержение рабства.

Понятно отсюда, что знаменитая формула одного из молодых главарей нашего реформизма, г. Левицкого из «Нашей Зари», объявившего, что русская социал-демократия должна быть «не гегемонией, а классовой партией», есть формула самого последовательного реформизма. Мало того. Это — формула полного ренегатства. Сказать: «не гегемония, а классовая партия» значит перейти на сторону буржуазии, на сторону либерала, который говорит рабу нашей эпохи, наемному рабочему: борись за улучшение своего положения как раба, но считай вредной утопией мысль о свержении рабства! Сравните знаменитую формулу Бернштейна: «движение — все, конечная цель — ничто» с формулой Левицкого, и вы увидите, что это — варианты одной и той же идеи. В обоих случаях это признание *только* реформ и отрицание революции. Формула Бернштейна шире, ибо она имеет в виду социалистическую революцию (= конечную цель с.-д. как партии буржуазного общества). Формула Левицкого уже, ибо, будучи отречением от революции вообще, она специально рассчитана на отречение от того, что было всего более ненавистно либералам в 1905—1907 г.г., именно, что пролетариат *вырвал* у либералов руководство народными массами (и особенно крестьянством) в борьбе за полный демократический переворот.

Проповедовать рабочим, что им нужна «не гегемония, а классовая партия», значит предавать либералам дело про-

летариата, значит проповедовать замену *социал-демократической* рабочей политики *либеральной* рабочей политикой.

Но отречение от идеи гегемонии есть самый грубый вид реформизма в русской социал-демократии, и потому не все ликвидаторы решаются высказывать прямо свои мысли в столь определенной форме. Некоторые из них (вроде г. Мартова) пытаются даже, в насмешку над истиной, отрицать связь между отказом от гегемонии и ликвидаторством.

Более «тонкой» попыткой «обосновать» реформистские взгляды является такое рассуждение: буржуазная революция в России закончена; после 1905 года второй буржуазной революции, второй общенациональной борьбы за демократический переворот быть не может; России предстоит поэтому *не* революционный, а «конституционный» кризис, и рабочему классу остается лишь позаботиться об отстаивании своих прав и интересов на почве этого «конституционного кризиса». Так рассуждает ликвидатор Ю. Ларин в «Деле Жизни» (а раньше в «Возрождении»).

«Октябрь 1905 г. не стоит на очереди», — писал г. Ларин. «Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорее, чем послереволюционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции» (это заметьте!), «просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов». «На переживаемой нами стадии невозможно *общенациональное* революционное движение, имевшее место в 1905 г.»

Все эти рассуждения г. Ларина представляют из себя не что иное, как распространенный пересказ слов г. Дана, сказанных им на декабрьской конференции РСДРП в 1908 г. Против резолюции, говорящей, что «*основные* факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г., *продолжают действовать*», что нарастает снова кризис именно *революционный*, а не «конституционный», — против этой резолюции редактор «Голоса» ликвидаторов воскликнул: «Они» («г. е. РСДРП») «хотят переть туда, где были раз разбиты».

Опять «переть» к революции, работать неустанно, и в изменившейся обстановке, над проповедью революции, над подготовкой сил рабочего класса к революции, — вот в чем главное преступление РСДРП, вот в чем *вина* революционного пролетариата с точки зрения реформистов. Не к чему «переть туда, где были раз разбиты» — вот мудрость ренегатов и людей, падающих духом после всякого поражения.

Но революционный пролетариат в странах более старых и более «опытных», чем Россия, умел дважды, трижды и четырежды «переть туда, где был раз разбит», умел (как во Франции) *четыре раза* с 1789 по 1871 год совершать революции, подниматься снова и снова на борьбу после самых тяжелых поражений и завоевать себе республику, в которой он стоит лицом к лицу перед своим *последним* врагом — передовой буржуазией; — республику, которая одна только может быть формой государства, соответствующей условиям окончательной борьбы за победу социализма.

Таково различие между социалистами и либералами, т. е. сторонниками буржуазии. Социалисты учат, что революция неизбежна и что пролетариат должен использовать *все* противоречия в общественной жизни, всякую слабость его врагов или промежуточных слоев для подготовки новой революционной борьбы, для повторения революции на более широкой арене, при условиях большей развитости населения. Буржуазия и либералы учат, что революции не нужны и вредны рабочим, которые не должны «переть» к революции, а должны, как пай-мальчики, скромненько работать над реформами.

Поэтому реформисты — пленники буржуазных идей — и ссылаются *постоянно*, для отвлечения русских рабочих от социализма, на пример *именно* Австрии (а также Пруссии) 60-х годов. Почему излюблены ими эти примеры? Ю. Ларин выболтал тайну: потому, что в этих странах, после «неудачной» революции 1848 г., буржуазное преобразование страны было завершено *«без всякой революции»*.

Вот в чем гвоздь! Вот что наполняет радостью сердца. Значит, возможно буржуазное преобразование *без* революции!! а если так, то к чему же нам, русским, утруждать

себя мыслью о революции? почему и нам не предоставить помещикам и фабрикантам произвести «без всякой революции» буржуазного преобразования России!?

Слабость пролетариата в Пруссии и Австрии была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование *вопреки* интересам рабочих, *в самой невыгодной* для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья.

Русские реформисты — после того, как наш пролетариат в 1905 г. проявил силу, невиданную еще ни в одной буржуазной революции Запада, — берут примеры слабости рабочего класса в других странах, 40 и 50 лет тому назад, чтобы оправдать *свое* ренегатство, чтобы «обосновать» *свою* ренегатскую проповедь!

Ссылка на Австрию и Пруссию 60-х годов, излюбленная нашими реформистами, есть лучший пример, доказывающий теоретическую несостоятельность их рассуждений и их практически-политический переход на сторону буржуазии.

В самом деле, если Австрия восстанавливала упраздненную после поражения революции 1848 г. конституцию, если в Пруссии наступила «эра кризиса» в 60-х годах, то что это доказывает? Прежде всего, что буржуазное преобразование этих стран не было завершено. Говорить, что в России власть *уже* переродилась в буржуазную (как говорит Ларин), что о крепостническом характере власти у нас теперь нечего и говорить (см. у того же Ларина) — и вместе с тем ссылаться на Австрию и Пруссию значит побивать самого себя! Вообще говоря, отрицать, что буржуазное преобразование России не закончено, было бы смешно: даже политика буржуазных партий к.-д. и октябристов доказывает это яснее ясного, и Ларин сам (как увидим ниже) сдает свою позицию. Несомненно, что монархия делает еще шаг по пути приспособления к буржуазному развитию, как мы уже сказали и как признала резолюция партии (декабрь 1908 г.), — но еще более несомненно, что *даже* это приспособление, *даже* буржуазная реакция, и III Дума, и аграрный закон 9.XI.1906 (14.VI.1910) *не* решают задач буржуазного преобразования России.

Пойдем дальше. Почему «кризисы» в Австрии и в Пруссии в 60-х г.г. *оказались* «конституционными», а не революционными кризисами? Потому, что ряд особых обстоятельств облегчил трудное положение монархии («революция сверху» в Германии, объединение ее «железом и кровью»), потому, что пролетариат названных стран был тогда еще крайне, крайне слаб и неразвит, а либеральная буржуазия отличалась такой же подлой трусостью и изменами, как и русские кадеты.

Чтобы иллюстрировать оценку такого положения вещей самими немецкими с.-д., из числа переживших эту эпоху, приведем некоторые отзывы Бебеля, выпустившего в прошлом году первую часть своих «Воспоминаний». Про 1862 год, год «конституционного» кризиса в Пруссии, Бисмарк рассказывал, — как стало известно впоследствии, — что король находился тогда в самом угнетенном состоянии и плакался ему, Бисмарку, по поводу грозящего им обоим эшафота. Бисмарк пристыдил труса и убедил его не бояться борьбы.

«Эти события показывают, — говорит Бебель по этому поводу, — чего могли бы достигнуть либералы, если бы они умели использовать положение. Но они боялись уже рабочих, стоящих позади них. Слова Бисмарка: „Если меня доведут до крайности, я подниму Ахерон“ (т. е. подниму на народное движение низы, массы) нагнали на либералов бесконечный страх».

Вождь германских с.-д., полвека спустя после «конституционного» кризиса, который «без всякой революции» завершил преобразование его страны в буржуазно-юнкерскую монархию, указывает на *революционность* тогдашнего положения, не использованного либералами из боязни рабочих. Вожди русских реформистов говорят русским рабочим: если немецкая буржуазия была так подла, что струсила перед струсившим королем, то почему же нам *тоже* не попробовать повторить эту прекрасную тактику немецкой буржуазии? Бебель обвиняет буржуазию, ее эксплуататорскую боязнь народного движения, — за то, что «конституционный» кризис не был ею «использован» для революции. Ларин и К^о обвиняют русских рабочих в том, что они стремились к гегемонии (т. е. к вовлечению масс в революцию вопреки либералам),

и советуют им организоваться «не для революции», а «для защиты своих интересов при предстоящем конституционном обновлении России». Гнилые взгляды гнилого немецкого либерализма преподносятся ликвидаторами русским рабочим под видом взглядов «социал-демократических»! Ну, как же не назвать таких с.-д. столыпинскими социал-демократами?

Оценивая «конституционный» кризис 60-х годов в Пруссии, Бебель не ограничивается указанием на то, что, боясь рабочих, буржуазия боялась борьбы с монархией. Он указывает также на то, что делалось тогда в рабочей среде. «Невыносимость политического положения, — говорит он, — становившаяся все более и более ясной для рабочих, отражалась, естественно, на их настроении. Все требовали перемен. Но так как не было налицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, так как не было крепкой организации, сплачивающей силы, то настроение пропало даром (*verpuffte*). Никогда движение, великолепное по своей сущности (*in Kern vortreffliche*), не оканчивалось более безрезультатно. Все собрания были переполнены, и кто говорил всех резче, тот становился героем дня. Это настроение господствовало в особенности в Лейпцигском рабочем обществе самообразования». На собрании в 5.000 человек в Лейпциге 8 мая 1866 г. была единогласно принята резолюция Либкнехта и Бебеля, требовавшая созыва на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования парламента, поддерживаемого всеобщим народным вооружением, и высказывавшая «ожидание, что немецкий народ будет выбирать в депутаты лишь таких людей, которые отвергают всякую наследственную центральную власть». Резолюция Либкнехта и Бебеля была, следовательно, вполне определенного республиканского и революционного характера.

Итак, *вождь германских с.-д.* во время «конституционного» кризиса проводит на массовых собраниях резолюции республиканского и революционного характера. Полвека спустя, вспоминая свою юность, рассказывая новому поколению о делах давно минувших дней, он всего более подчеркивает сожаление о том, что не было налицо достаточно сознательных и понимающих революционные задачи руководящих

элементов (*т. е. не было революционной с.-д. партии, понимающей задачи гегемонии*), что не было сильной организации, что «пропало даром» революционное настроение. А вожди русских реформистов, с глубокомыслием Иванушек, ссылаются на Австрию и Пруссию 60-х г.г., в доказательство того, что возможно вот обойтись «без всякой революции»! И эти филистерские душонки, поддавшиеся контрреволюционному угару, идейно порабощенные либерализмом, смеют еще позорить имя РСДРП!

Разумеется, среди реформистов, разрывающих с социализмом, есть люди, которые искренний оппортунизм Ларина заменяют дипломатией вокруг да около важнейших принципиальных вопросов рабочего движения. Такие люди запутывают суть дела, засоряют идейные споры, загрязняют их, как например, г. Мартов, пытавшийся утверждать в легальной печати (т. е. защищенный Столыпиным от прямого выступления членов РСДРП), будто Ларин и «правовверные большевики в резолюциях 1908 г.» дают *одинаковую «схему»*. Это — простое извращение истины, достойное автора грязных произведений. Тот же Мартов, якобы споря с Лариным, заявлял печатно, что «он, разумеется, не подозревает Ларина в реформистских тенденциях». Излагающего *чисто* реформистские взгляды Ларина Мартов *не подозревает* в реформизме!! — образец уловок дипломатов реформизма¹. Тот же Мартов, которого некоторые простачки принимают за более «левого», более надежного революционера, чем Ларина, резюмировал следующим образом свои «разногласия» с Лариным:

«Резюмирую. Для теоретического обоснования и политическое оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом и что русский рабочий класс созрел для того, чтобы, подобно рабочим передовых стран Запада, схватить этот режим за Ахиллесову пятую этих противоречий».

¹ Ср. верные замечания о реформизме Ларина и увертках Мартова у партийного меньшевика Дневницкого в № 3 «Дискуссионного Листка» (приложение к ЦО нашей партии).

Как ни увертывался Мартов, но первая же попытка подвести резюме привела к тому, что все увертки рушились сами собой. Приведенные нами слова есть полное отречение от социализма и подмена его либерализмом. «Вполне достаточным» объявляет Мартов то, что достаточно *только* для либералов, *только* для буржуазии. Пролетарий, который находит «вполне достаточным» признать противоречивость сочетания абсолютизма с конституционализмом, стоит на точке зрения *либеральной рабочей* политики. Он *не* социалист, он *не* понял задач своего *класса*, состоящих в том, чтобы против абсолютизма во всех его формах поднять массы народа, массы трудящихся и эксплуатируемых на *самостоятельное* вмешательство в исторические судьбы страны вопреки шатаниям или противодействию буржуазии. А самостоятельное историческое действие масс, вырывающихся из-под гегемонии буржуазии, превращает «конституционный» кризис в *революцию*. Буржуазия (особенно после 1905 г.) боится революции и ненавидит ее, пролетариат воспитывает народные массы в преданности идее революции, разъясняет ее задачи, подготавливает массы к новым и новым революционным битвам. Наступает ли революция, когда, в какой обстановке, это не зависит от воли того или другого класса, но революционная работа в массах не пропадает бесследно никогда. Только такая работа есть деятельность, готовящая массы к победе социализма. Эти азбучные, элементарные истины социализма забывают гг. Ларины и Мартовы.

Первый из них, выражая взгляды русской ликвидаторской группы, которая совсем порвала с РСДРП, не стесняется прямо договаривать до конца свой реформизм. Вот его слова из «Дела Жизни» (1911 г., № 2), которые заслуживают того, чтобы их запомнил всякий, дорожающий принципами социал-демократии:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить, — вот что означает неопределенно выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесцельное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочих

класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки... (заметьте это: *просто-таки...*) «для твердой и планомерной *защиты* своих особых интересов во всех областях: жизни; для *собирания* и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельностью; для *воспитания* и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для *уменья* ориентироваться (разбираться) — и постоять за себя! — в сложных взаимоотношениях ответственных классов России при предстоящем, после экономически-неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении, в частности».

Вот это — законченный, откровенный, самодовольный реформист в чистом виде. Война идее революции, «надежде» на революцию (реформисту эти «надежды» кажутся *смутными*, ибо он не понимает глубины современных экономических и политических противоречий), война всякой деятельности, состоящей в организации сил и подготовке умов для революции, война в легальной печати, защищаемой Столыпиным от прямого выступления революционных с.-д., война от имени группы легалистов, порвавших целиком с РСДРП, — вот она, программа и тактика созидаемой гг. Потресовым, Левицким, Лариным и К^о столыпинской рабочей партии. Действительная программа, действительная тактика этих людей в приведенной цитате выражены точно — в отличие от их лицемерных казенных заверений, что они «*тоже* с.-д.», что они «*тоже*» принадлежат к «непримиримому Интернационалу». Эти заверения — показательные слова. Эта программа, целиком заменяющая социализм либеральной рабочей политикой — их дела, их реальная общественная суть.

И взгляните на смешные противоречия, в которых запутываются реформисты. Если буржуазная революция в России закончена (как говорил Ларин), тогда на очередь выдвигается социалистическая революция. Это ясно само собою, это очевидно для всякого, кто причисляет себя к социалистам не ради обмана рабочих популярной кличкой. *Тогда* мы должны организоваться *именно* «для революции» (социалистической), *именно* «в ожидании» ее, *именно* ради «надежды» (не смутной, а основанной на точных и возрастающих данных науки, «надежды»-уверенности) на социалистическую революцию.

Но в том-то и гвоздь, что для реформиста болтовня о законченной буржуазной революции (как для Мартова болтовня об Ахиллесовой пяте и т. п.) лишь словесное прикрытие *отречения от всякой революции*. От буржуазно-демократической революции он отрекается под тем предлогом, что она закончена, — или под тем, что «вполне достаточно» признать противоречие между абсолютизмом и конституционализмом, — а от социалистической революции он отрекается под тем предлогом, что нам «пока» надо «просто-таки» организовать для участия в «предстоящем конституционном обновлении России»!

Но если вы, почтенный кадет, рядящийся в социалистические перья, признаете неизбежным «предстоящее конституционное обновление» России, то вы побиваете себя, признавая тем самым *незаконченность* буржуазно-демократической революции у нас. Вы выдаете паки и паки свою буржуазную природу, толкуя о неизбежном «*самоисчерпании* феодальной реакции» и оплевывая пролетарскую идею об *уничтожении* не одной только феодальной *реакции*, а всех остатков феодализма путем *народного* революционного движения.

Вопреки либеральной проповеди наших героев стольпинской рабочей партии — русский пролетариат *всю* свою тяжелую, трудную, будничную, мелкую, невидную работу, на которую осудила его эпоха контрреволюции, будет пропитывать всегда и неизменно духом преданности революции демократической и революции социалистической, он будет организовываться и собирать силы для революции, он будет давать беспощадный отпор изменникам и ренегатам, он будет руководиться не «смутной надеждой», а научно обоснованной уверенностью в повторении революции.

Сентябрь 1911 г.

Соч., 3 изд., т. XV, стр. 207—215.

**ИЗ СТАТЬИ:
О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ**

**8. УТОПИСТ КАРЛ МАРКС И ПРАКТИЧНАЯ
РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ**

Объявляя «утопией» независимость Польши и повторяя это до тошноты часто, Роза Люксембург иронически восклицает; почему бы не ставить требование независимости Ирландии?

Очевидно, «практичной» Розе Люксембург неизвестно, как относился К. Маркс к вопросу о независимости Ирландии. На этом стоит остановиться, чтобы показать анализ *конкретного* требования национальной независимости с действительно-марксистской, а не оппортунистической точки зрения.

Маркс имел обыкновение «щупать зуб», как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

...«Слабый пункт: *Польша*. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы — об Ирландии».

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс спрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает *общий* социалистам господствующим наций (английской и русской) недостаток: непонимание

их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, пережевывание предрассудков, перенятых от «великодержавной» буржуазии.

Надо оговориться, прежде чем переходить к положительным заявлениям Маркса об Ирландии, что к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории — «смелые глупости». «Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое-либо историческое значение». В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в «шляхетско-сонной Польше». «Что значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы!». Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

В 1864 году, составляя адрес Интернационала, Маркс пишет Энгельсу (4 ноября 1864 года), что приходится бороться с национализмом Мадзини. «Когда в адресе речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, а не менее важные государства», — пишет Маркс. По сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли.

Наступает 1866-ой год. Маркс пишет Энгельсу про «Прудоновскую клику» в Париже, которая «объявляет национальности бессмыслицей и нападает на Бисмарка и Гарибальди. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья, Лафарг и Лонге) думают, что

вся Европа может и должна сидеть тихо и смиренно на своей задней, пока господа во Франции отменяют нищету и невежество... то они смешны» (письмо от 7 июня 1866 г.).

«Вчера, — пишет Маркс 20 июня 1866 г., — были прения в Совете Интернационала о теперешней войне... Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» и о нашем отношении к нему... Представители «молодой Франции» (*нерабочие*) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки. Прудонистское штирнерианство... Весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т. е. на языке, непонятном для $\frac{9}{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией».

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни *все* нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться *националистическим* предрассудкам, именно: признать «свою» нацию «образцовой нацией» (или, добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство)¹.

Но вернемся к вопросу о Ирландии.

Всего яснее позиция Маркса по этому вопросу выражена в следующих отрывках из его писем:

«Демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма я старался вызвать всяческими способами... Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным.

¹ Сравни еще письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1867 г. ... «С истинным удовольствием узнал из парижской корреспонденции «Times'a» («Времена». *Ред.*) о полонофильских возгласах парижан против России... Г-н Прудон и его маленькая доктринерская клика — не то, что французский народ».

Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации». Так писал Маркс в письме к Энгельсу от 2-го ноября 1867 года.

В письме от 30-го ноября того же года он добавлял:

«Что мы должны советовать *английским* рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы Rereal (разрыв) союза» (Ирландии с Англией, т. е. отделение Ирландии от Англии) — «короче говоря, требование 1783 года, только демократизированное и приуроченное к современным условиям. Это — единственно легальная форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу *английской* партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обеими странами...

...Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.
2. Аграрная революция»...

Придавая громадную важность вопросу об Ирландии, Маркс читал в немецком рабочем союзе полуторачасовые доклады на эту тему (письмо от 17 декабря 1867 г.).

Энгельс отмечает в письме от 20 ноября 1868 г. «ненависть к ирландцам среди английских рабочих», а почти год спустя (24 октября 1869 г.), возвращаясь к этой теме, он пишет:

«От Ирландии до России il n'y a qu'un pas (один только шаг)... На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландской сфере. Кромвелевскую эпоху я еще должен изучать, но во всяком случае для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию».

Мимоходом отметим письмо Маркса к Энгельсу от 18 августа 1869 г.:

«В Познани польские рабочие провели победоносную стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против «господина капитала» — даже в ее низшей форме, форме стачки — покончит с национальными

предрассудками посерьезнее, чем декламации о мире в устах господ буржуа».

Политика по ирландскому вопросу, которую вел Маркс в Интернационале, видна из следующего:

18-го ноября 1869 г. Маркс пишет Энгельсу, что он держал речь в 1¼ часа в Совете Интернационала по вопросу об отношении британского министерства к ирландской амнистии и предложил следующую резолюцию:

«Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унизительными и для жертв дурного правительства и для представляемого им народа;

что Гладстон, связанный своим официальным положением, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедовать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той «*политики завоевания*», разоблачением которой г. Гладстон ниспроверг министерство своих противников — тори;

что Генеральный Совет Интернациональной ассоциации рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Интернациональной ассоциации рабочих и всем связанным с ней рабочим организациям Европы и Америки».

10 декабря 1869 г. Маркс пишет, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом:

...«Совершенно независимо от всякой «интернациональной» и «гуманитарной» фразы о «справедливости к Ирландии» — ибо это само собою разумеется в Совете Интернационала — *прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией*. Таково мое самое глубокое убеждение, и основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в «Нью-Йоркской Трибуне» (американская газета, с которой Маркс долго сотрудничал). Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс *ничего не подделает*, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии» (курсив Маркса).

Теперь читателям должна быть вполне ясна политика Маркса в ирландском вопросе.

«Утопист» Маркс так «непрактичен», что стоит за отделение Ирландии, оказавшееся и полвека спустя неосуществленным. Чем же вызвана эта политика Маркса и не была ли она ошибкой?

Сначала Маркс думал, что не национальное движение угнетенной нации, а рабочее движение среди угнетающей нации освободит Ирландию. Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная.

Но вот обстоятельства сложились так, что английский рабочий класс попал довольно надолго под влияние либералов, став их хвостом, обезглавив себя либеральной рабочей политикой. Буржуазное освободительное движение в Ирландии усилилось и приняло революционные формы. Маркс пересматривает свой взгляд и исправляет его. «Несчастье для народа, если он поработил другой народ». Не освободиться рабочему классу в Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакцию в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии (как питает реакцию в России порабощение ею ряда наций!).

И Маркс, проводя в Интернационале резолюцию симпатий «ирландской нации», «ирландскому народу» (умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классовой борьбы!), проповедует *отделение* Ирландии от Англии, «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации».

Каковы теоретические посылки этого вывода Маркса? В Англии вообще давно закончена буржуазная революция. Но в Ирландии она не закончена; ее заканчивают только теперь, полвека спустя, реформы английских либералов. Если бы капитализм в Англии был ниспровергнут так быстро,

как ожидал Маркс сначала, то места для буржуазно-демократического, общенационального, движения в Ирландии не было бы. Но раз оно возникло, Маркс советует английским рабочим поддержать его, дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах *своей* свободы.

Экономические связи Ирландии с Англией в 60-х годах прошлого века были, конечно, еще теснее, чем связи России с Польшей, Украиной и т. п. «Непрактичность» и «неосуществимость» отделения Ирландии (хотя бы в силу географических условий и в силу необъятного колониального могущества Англии) бросались в глаза. Будучи принципиальным врагом федерализма, Маркс допускает в данном случае и федерацию¹, *лишь бы* освобождение Ирландии произошло не реформистским, а революционным путем, в силу движения масс народа в Ирландии, поддержанного рабочим классом Англии. Не может подлежать никакому сомнению, что только такое решение исторической задачи наиболее благоприятствовало бы интересам пролетариата и скорости общественного развития.

Вышло иначе. И ирландский народ, и английский пролетариат оказались слабы. Только теперь, жалкими сделками английских либералов с ирландской буржуазией *решается* (пример Ольстера показывает, насколько туго) ирландский вопрос земельной реформой (с выкупом) и автономией (пока еще не введенной). Что же? Следует ли из этого, что Маркс и Энгельс были «утопистами», что они ставили «неосуществимые» национальные требования, что они поддавались влиянию ирландских националистов — мелких буржуа

¹ Между прочим, нетрудно видеть, почему под правом «самоопределения» наций нельзя, с социал-демократической точки зрения, понимать *ни* федерации, *ни* автономии (хотя, абстрактно говоря, и то и другое подходит под «самоопределение»). Право на федерацию есть вообще бессмыслица, ибо федерация есть двусторонний договор. Ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом нечего и говорить. Что же касается автономии, то марксисты защищают не «право на» автономию, а *самое* автономию, как общий, универсальный принцип демократического государства с пестрым национальным составом, с резким различием географических и др. условий. Поэтому признавать «право наций на автономию» было бы так же бессмысленно, как и «право наций на федерацию».

(мелкобуржуазный характер движения «фениев» несомненен) и т. п.?

Нет. Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, доныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той «холопской торопливости», с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать «утопичным» изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой *английской* реакции и буржуазии.

Февраль 1914 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 648—653.

О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ

В № 40 «Социал-Демократа» мы сообщили, что конференция заграничных секций нашей партии постановила отложить вопрос о лозунге «Соединенные Штаты Европы» до обсуждения в печати *экономической* стороны дела¹.

Дискуссия по этому вопросу приняла на нашей конференции односторонне-политический характер. Отчасти это вызвано было, может быть, тем, что в манифесте Центрального Комитета этот лозунг прямо формулирован как политический («ближайшим *политическим* лозунгом...» — говорится там), причем не только выдвинуты республиканские Соединенные Штаты Европы, но и подчеркнуто специально, что «без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» этот лозунг бессмыслен и лжив.

Возражать против такой постановки вопроса *в пределах* политической оценки данного лозунга, — например, с той точки зрения, что он заслоняет или ослабляет и т. п. лозунг социалистической революции, совершенно неправильно. Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полу-пролетарских масс. А с другой

¹ См. Соч., 3 изд., т. XVIII, стр. 124. *Ред.*

стороны, политические революции неизбежны в ходе социалистической революции, которую нельзя рассматривать, как один акт, а следует рассматривать, как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций.

Но, если лозунг республиканских Соединенных Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны.

Капитал стал интернациональным и монополистическим. Мир поделен между горсткой великих, т. е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций, держав. Четыре великих державы Европы: Англия, Франция, Россия и Германия, с населением в 250—300 миллионов, с площадью около 7 млн. кв. километров, имеют колонии с населением *почти в полмиллиарда* (494,5 млн.), с площадью в 64,6 млн. кв. км., т. е. почти в половину земного шара (133 млн. кв. км. без полярной области). Прибавьте к этому три азиатские государства: Китай, Турцию, Персию, которых теперь рвут на части разбойники, ведущие «освободительную» войну, именно: Япония, Россия, Англия и Франция. В этих трех азиатских государствах, которые можно назвать полуколониями (на деле они теперь на $\frac{9}{10}$ — колонии), 360 млн. населения и 14,5 млн. кв. км. площади (т. е. почти в $1\frac{1}{2}$ раза более площади всей Европы).

Далее, Англия, Франция и Германия поместили за границей не менее 70 миллиардов рублей капитала. Чтобы получить «законный» доходец с этой приятной суммы, — доходец свыше трех миллиардов рублей ежегодно — служат национальные комитеты миллионеров, называемые правительствами, снабженные войском и военным флотом, «помещающие»

в колониях и полуколониях сынков и братцев «господина миллиарда» в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников всяческого рода, попов и прочих пиявок.

Так организовано, в эпоху наивысшего развития капитализма, ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли. И при капитализме иная организация невозможна. Отказаться от колоний, от «сфер влияния», от вывоза капитала? Думать об этом, значит свести себя на уровень попики, который каждое воскресенье проповедует богатым величие христианства и советует дарить бедным... ну, если не несколько миллиардов, то несколько сот рублей ежегодно.

Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить «национальный доход» капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: «по капиталу» (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедовать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.

Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение *европейских*

капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии *против* Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний и которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа. По сравнению с Соединенными Штатами Америки, Европа в целом означает экономический застой. На современной экономической основе, т. е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки. Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно.

Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным.

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизуемая силы пролетариата данной нации или данных наций

в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами.

Вот в силу каких соображений, в результате многократных обсуждений вопроса на конференции заграничных секций РСДРП и после конференции, редакция ЦО пришла к выводу о неправильности лозунга Соединенных Штатов Европы.

Август 1915 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 681—683.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части («О познании») Лассалевского «Гераклита») есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом *respective* с гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* [«например, зерно»; «например, первобытный коммунизм». Тоже у Энгельса. Но это «для популярности»...], а не как *закон познания* (и закон объективного мира).

В математике + и –. Дифференциал и интеграл.

- » механике действие и противодействие.
- » физике положительное и отрицательное электричество.
- » химии соединение и диссоциация атомов.
- » общественной науке классовая борьба.

Тождество противоположностей («единство» их, может быть, вернее сказать? Хотя различие терминов «тождество» и «единство» здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие)

противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени *самодвижение*, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *вовне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* «*само*»движения. Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жива. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного

общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост, *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ^1 его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения любого*: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика*: **отдельное** есть *общее* (ср. Aristoteles, Metaphysik, пер. Шwegлера. Bd. II, S. 40, 3. Buch, 4. Capitel, 8—9: «denn natürlich kann man nicht der Meinung sein, dass ein Haus — дом вообще — gebe ausser den sichtbaren Häusern»², «ὅὄ γάρ ἄν θεῖνμεν εἶναι τίνα οἰκίαν παρὰ τὰς τίνας οἰκίας»). Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. *Уже здесь* есть элементы, зачатки понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

Таким образом в *любом* предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки *всех*

¹ Σ — греческая буква сигма = сумма. *Ред.*

² — «так как, конечно, нельзя думать, что дом вообще существует вне видимых домов». *Ред.*

элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах.

* *
*

Познание в виде ряда кругов представляет и Гегель (см. *Логику*) — и современный «гносеолог» естествознания, эклектик, враг гегелевщины (коей он не понял!) Paul Volkmar (см. его «*Erkenntniss-theoretische Grundzüge*», S.)¹.

«Круги» в философии: [обязательна ли хронология
насчет *лиц*? Нет!]
 Античная: от Демокрита до Платона
 и диалектики Гераклита.
 Возрождение: Декарт versus² Gassendi
 (Spinoza?).
 Новая: Гольбах — Гегель (через Беркли,
 Юм, Кант).
 Гегель — Фейербах — Маркс.

Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie*³, к процессу и развитию познания.

¹ — П. Фолькман. Теория познания естественных наук. *Ред.*

² — против. *Ред.*

³ — к теории отражения. *Ред.*

Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, *überschwengliches* (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («*вернее*» и «*кроме того*») дорога к поповщине *через* один из **ОТТЕНКОВ** бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека.

|| NB.
|| Сей
|| афо-
|| ризм.

Познание человека не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà*¹ гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания.

1915 или 1916 г.

Философские тетради. Госполитиздат,
1938, стр. 325–328.

¹ — вот. Ред.

**ИЗ ТЕЗИСОВ:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО
НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ**

5. МАРКСИЗМ И ПРУДОНИЗМ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

В противовес мелкобуржуазным демократам, Маркс видел во всех без исключения демократических требованиях не абсолюте, а историческое выражение борьбы руководимых буржуазией народных масс против феодализма. Нет ни одного из этих требований, которое бы не могло служить и не служило, при известных обстоятельствах, орудием обмана рабочих со стороны буржуазии. Выделять в этом отношении одно из требований политической демократии, именно самоопределение наций, и противопоставлять его остальным — в корне неверно теоретически. На практике пролетариат может сохранить свою самостоятельность, лишь подчиняя свою борьбу за все демократические требования, не исключая и республики, своей революционной борьбе за свержение буржуазии.

С другой стороны, в противовес прудонистам, «отрицавшим» национальный вопрос «во имя социальной революции», Маркс выдвигал на первый план, имея в виду больше всего интересы классовой борьбы пролетариата в передовых странах, коренной принцип интернационализма и социализма: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Именно с точки зрения интересов революционного движения немецких рабочих Маркс требовал в 1848 г., чтобы победоносная демократия Германии провозгласила

и осуществила свободу народов, угнетаемых немцами. Именно с точки зрения революционной борьбы английских рабочих Маркс требовал в 1869 г. отделения Ирландии от Англии, причем он добавлял: «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации». Только ставя такое требование, Маркс действительно воспитывал английских рабочих в интернационалистском духе. Только так он мог противопоставить оппортунистам и буржуазному реформизму, который до сих пор, полвека спустя, не осуществил ирландской «реформы», революционное решение данной исторической задачи. Только так Маркс мог, в противовес апологетам капитала, кричащим об утопичности и неосуществимости свободы отделения мелких наций и о прогрессивности не только экономической, но и политической концентрации, отстаивать прогрессивность этой концентрации *не* по-империалистски, отстаивать сближение наций на базе не насилия, а свободного союза пролетариев всех стран. Только так Маркс мог словесному, и часто лицемерному, признанию равноправия и самоопределения наций противопоставить революционное действие масс *и* в области решения национальных вопросов. Империалистская война 1914–1916 г.г. и раскрытые ею Авгиевы конюшни лицемерия оппортунистов и каутскианцев наглядно подтвердили правильность этой политики Маркса, которая должна стать образцом для всех передовых стран, ибо теперь каждая из них угнетает чужие нации¹.

Март 1916 г.

Соч., 3 изд., т. XIX, стр. 42–43.

¹ Нередко ссылаются, — напр., в последнее время немецкий шовинист Ленч в номере 8 и 9 «Die Glocke» (— «Колокол». *Ред.*) на то, что отрицательное отношение Маркса к национальному движению некоторых народов, напр., чехов в 1848 г., опровергает необходимость признания самоопределения наций с точки зрения марксизма. Но это неверно, ибо в 1848 г. были исторические и политические основания различать «реакционные» и революционно-демократические нации. Маркс был прав, осуждая первые и стоя за вторые. Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии. В 1848 и следующих г.г. эти общие интересы состояли в первую голову в борьбе с царизмом.

ИЗ СТАТЬИ: ИТОГИ ДИСКУССИИ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ

7. МАРКСИЗМ ИЛИ ПРУДОНИЗМ?

Нашу ссылку на отношение Маркса к отделению Ирландии польские товарищи парируют, в виде исключения, не косвенно, а прямо. В чем же состоит их возражение? Ссылки на позицию Маркса 1848–1871 г.г. не имеют, по их мнению, «ни малейшей ценности». Это необыкновенно сердитое и решительное заявление мотивируется тем, что Маркс «одновременно» выступал против стремлений к независимости «чехов, южных славян и т. п.».

Мотивировка именно потому особенно сердита, что она особенно несостоятельна. У польских марксистов вышло, что Маркс был просто путаником, который «одновременно» говорил противоположные вещи! Это совсем не верно и это совсем не марксизм. Как раз требование «конкретного» анализа, которое польские товарищи выдвигают, *чтобы не применять его*, обязывает нас рассмотреть, не вытекало ли различное отношение Маркса к различным конкретным «национальным» движениям из *одного и того же* социалистического мировоззрения.

Как известно, Маркс стоял за независимость Польши с точки зрения интересов *европейской* демократии в ее борьбе против силы и влияния — можно сказать: против всецелия и преобладающего реакционного влияния — царизма. Правильность этой точки зрения получила самое наглядное и фактическое подтверждение в 1849 г., когда русское крепостное

войско раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии. И с тех пор до смерти Маркса, даже позже, до 1890-го года, когда грозила реакционная война царизма в союзе с Францией против *не империалистской*, а национально независимой Германии, Энгельс стоял прежде всего и больше всего за борьбу с царизмом. Поэтому и только поэтому Маркс и Энгельс были против национального движения чехов и южных славян. Простая справка с тем, что писали Маркс и Энгельс в 1848–1849 г.г., покажет всякому, кто интересуется марксизмом не для того, чтобы отмахиваться от марксизма, что Маркс и Энгельс *противопологали* тогда прямо и определенно «целые реакционные народы», служащие «русскими форпостами» в Европе, «революционным народам»: немцам, полякам, мадьярам. Это факт. И этот факт был *тогда бесспорно* верно указан: в 1848 г. революционные народы бились за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами, форпостами царизма.

Что же говорит нам этот конкретный пример, который надо разобрать *конкретно*, если хотеть быть верным марксизму? Только то, что 1) интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) что требование демократии надо брать в общеевропейском — теперь следует сказать: мировом — масштабе, а не изолированно.

Ничего больше. Ни тени опровержения того элементарного социалистического принципа, который забывают поляки и которому *всегда* был верен Маркс: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Если конкретная ситуация, перед которой стоял Маркс в эпоху преобладающего влияния царизма в международной политике, повторится, например, в такой форме, что несколько народов начнут социалистическую революцию (как в 1848 г. в Европе начали буржуазно-демократическую революцию), а *другие* народы окажутся главными столпами буржуазной реакции, — мы тоже должны быть за революционную войну с ними, за то, чтобы «раздавить» их, за то, чтобы разрушить все их форпосты,

какие бы мелко-национальные движения здесь ни выдвигались. Следовательно, вовсе не отбрасывать должны мы примеры тактики Маркса, — это значило бы на словах исповедовать марксизм, на деле рвать с ним — а из их конкретного анализа выводить неоценимые уроки для будущего. Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее. Возможно, что республиканское движение в одной из стран является лишь орудием клерикальной или финансово-монархической интриги других стран, — тогда мы должны *не* поддерживать это данное, конкретное движение, но было бы смешно на таком основании выбрасывать из программы международной социал-демократии лозунг республики.

Как именно изменилась конкретная ситуация с 1848—1871 по 1898—1916 г.г. (беру крупнейшие вехи империализма, как периода: от испано-американской империалистской войны до европейской империалистской войны)? Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-1-х, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во-2-х, в силу 1905 года. Тогда система крупных национальных государств — демократий Европы — несла миру демократию и социализм вопреки царизму¹. До империализма Маркс и Энгельс не дожили. Теперь сложилась система горстки (5—6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним

¹ Рязанов опубликовал в «Архиве по истории социализма» Грюнберга (1916, I) интереснейшую статью Энгельса 1866 г. по польскому вопросу. Энгельс подчеркивает необходимость для пролетариата признать политическую независимость и «самоопределение» (right to dispose of itself) крупных, великих наций Европы, отмечая нелепость «принципа национальностей» (особенно в его бонапартистском использовании), т. е. приравнивания любой мелкой нации к этим крупным. «Россия, — говорит Энгельс, — есть владелец громадного количества украденной собственности» (т. е. угнетенных наций), «которую ей придется отдать назад в день расчета». И бонапартизм и царизм *используют* мелко-национальные движения в свою выгоду, *против* европейской демократии.

из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма господствующих над миром империалистских наций. Тогда западно-европейская демократия, освобождающая крупнейшие нации, была против царизма, использующего в целях реакции отдельные маленькие национальные движения. Теперь *союз* царистского с передовым капиталистическим, европейским, империализмом, на базе всеобщего угнетения ими ряда наций, стоит против социалистического пролетариата, расколотого на шовинистский, «социал-империалистский», и на революционный.

Вот в чем конкретное изменение ситуации, как раз игнорируемое польскими социал-демократами, вопреки их обещанию быть конкретными! Отсюда конкретное изменение в *приложении* тех же социалистических принципов: *тогда* в первую голову «против царизма» (и против используемых *им* в антидемократическом направлении некоторых мелко-национальных движений) за крупно-национальные, революционные, народы Запада. *Теперь* против единого, выравнявшегося, фронта империалистских держав, империалистской буржуазии, социал-империалистов, за использование в целях социалистической революции *всех* национальных движений против империализма. Чем *чище* теперь борьба пролетариата против обще-империалистского фронта, тем насущнее, очевидно, интернационалистский принцип: «не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы».

Прудонисты, *во имя* доктринерски-понятой социальной революции, игнорировали международную роль Польши и отмахивались от национальных движений. Совершенно так же доктринерски поступают польские социал-демократы, *разбивающие* интернациональный фронт борьбы с социал-империалистами, помогая (объективно) этим последним своими колебаниями по вопросу об аннексиях. Ибо именно интернациональный фронт пролетарской борьбы видоизменился в отношении конкретной позиции мелких наций: тогда (1848—1871) мелкие нации имели значение, как возможный союзник либо «западной демократии» и революционных народов, либо царизма; теперь (1898—1914) мелкие нации потеряли

такое значение; их значение ныне — один из питательных источников паразитизма и, следовательно, социал-империализма «великодержавных наций». Не то важно, освободится ли до социалистической революции $\frac{1}{50}$ или $\frac{1}{100}$ мелких наций, а то важно, что пролетариат в империалистскую эпоху, в силу объективных причин, разделился на два международных лагеря, из коих один развращен крохами, падающими со стола великодержавной буржуазии, — между прочим, и от двойной или тройной эксплуатации мелких наций, — а другой не может освободиться сам, не освобождая мелких наций, не воспитывая массы в анти-шовинистском, т. е. анти-аннексионистском, т. е. «самоопределенческом» духе.

Эту, самую главную, сторону дела игнорируют польские товарищи, смотрящие на вещи *не* с центральной в эпоху империализма позиции, не с точки зрения двух лагерей международного пролетариата.

Вот еще наглядные примеры их прудонизма: 1) отношение к ирландскому восстанию 1916 года, о чем речь ниже; 2) заявление в тезисах (II, 3, в конце § 3), что лозунг социалистической революции «не должен быть ничем прикрыт». Это как раз глубоко антимарксистская идея, будто можно «прикрыть» лозунг социалистической революции, *связывая* его с последовательно-революционной позицией во всяком, в том числе и национальном вопросе.

Нашу программу польские социал-демократы находят «национально-реформистской». Сопоставьте два практических предложения: 1) за автономию (польские тезисы III, 4) и 2) за свободу отделения. Ведь этим и только этим отличаются наши программы! И не ясно ли, что реформистской является именно первая в отличие от второй? Реформистское изменение есть такое, которое не подрывает основ власти господствующего класса, будучи лишь уступкой его, при сохранении его господства. Революционное подрывает основу власти. Реформистское в национальной программе *не* отменяет *всех* привилегий господствующей нации, *не* создает полного равноправия, *не* устраняет *всякого* национального гнета. «Автономная» нация не равноправна с «державной» нацией; польские товарищи не могли бы

не заметить этого, если бы не игнорировали упорно (точно наши старые «экономисты») анализа *политических* понятий и категорий. Автономная Норвегия пользовалась, как часть Швеции, до 1905 г. самой широкой автономией, но равноправна Швеции она не была. Лишь ее свободное отделение проявило *на деле* и доказало ее равноправие (причем — добавим в скобках — именно этот свободный отход создал базу для более тесного, более демократического сближения, основанного на равенстве прав). Пока Норвегия была только автономна, шведская аристократия имела *одну* лишнюю привилегию, и эта привилегия была не «ослаблена» (— сущность реформизма в *ослаблении* зла, а не уничтожении его), а отделением *устранена совершенно* (— основной признак революционного в программе).

Кстати сказать: автономия, как реформа, принципиально отлична от свободы отделения, как революционной меры. Это несомненно. Но реформа — всем известно — часто есть на практике лишь шаг к революции. Именно автономия позволяет нации, насильственно удерживаемой в границах данного государства, окончательно конституироваться как нация, собрать, узнать, организовать свои силы, выбрать вполне подходящий момент для *заявления...* в «норвежском» духе: мы, автономный сейм нации такой-то или края такого-то, объявляем, что император всероссийский перестал быть королем польским и т. п. На это «возражают» обычно: такие вопросы решаются войнами, а не декларациями. Справедливо: в громадном большинстве случаев войнами (как вопросы о форме правления крупных государств в громадном большинстве случаев решаются лишь войнами и революциями). Однако не мешает подумать, логично ли *подобное* «возражение» против политической программы революционной партии? Разве мы против войн и революций *за* справедливое и полезное для пролетариата, *за* демократию и *за* социализм?

«Но не можем же мы стоять за войну между великими народами, за избиение 20-ти миллионов людей ради проблематического освобождения маленькой нации, может быть, состоящей из 10—20 миллионов населения!» Конечно, не можем!

Но не потому, что мы выкидываем из своей программы полное национальное равенство, а потому, что интересы демократии *одной* страны надо подчинять интересам демократии *нескольких и всех* стран. Представим себе, что между двумя большими монархиями находится одна маленькая, королек которой родственными и иными узами «связан» с монархами обеих соседних стран. Представим себе далее, что провозглашение республики в маленькой стране, изгнание *ее* монарха, означало бы на практике войну между двумя соседними большими странами из-за восстановления того или иного монарха маленькой страны. Нет сомнения, что вся международная социал-демократия, как и действительно интернационалистская часть социал-демократии маленькой страны, *была бы против замены монархии республикой* в данном случае. Замена монархии республикой — не абсолют, а одно из демократических требований, подчиненное интересам демократии (и еще более, конечно, социалистического пролетариата) в целом. Наверное, такой случай не вызвал бы ни тени разногласий между социал-демократами любых стран. Но если бы на *этом* основании какой-либо социал-демократ предложил выкинуть из программы международной социал-демократии вообще лозунг республики, — его, наверное, сочли бы сумасшедшим. Ему сказали бы: нельзя все же забывать элементарное логическое отличие *особенного* от *общего*.

Этот пример подводит нас, несколько с другой стороны, к вопросу об *интернационалистском* воспитании рабочего класса. Может ли это воспитание — о необходимости и настоятельнейшей важности которого немислимы разногласия в среде циммервальдских левых — быть *конкретно одинаково* в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? в нациях аннектирующих и нациях аннектируемых?

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему *слиянию всех* наций идет здесь, очевидно, различными конкретными дорогами, — все равно, как путь, скажем, к точке, находящейся в середине данной страницы, идет налево от одного бокового края ее и направо от противоположного края.

Если социал-демократ большой, угнетающей, аннектирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что «его» Николай II, «его» Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. *тоже за слияние* с мелкими нациями (путем аннексий) — Николай II за «слияние» с Галицией, Вильгельм II за «слияние» с Бельгией и пр., — то подобный социал-демократ окажется смешным доктринером в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого *нет* интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого социал-демократа угнетающей нации, который *не* ведет такой пропаганды, как империалиста и как негодяя. Это безусловное требование, хотя бы *случай* отделения был возможен и «осуществим» до социализма всего в 1 из 1000 случаев.

Мы обязаны воспитывать рабочих в «равнодушии» к национальным различиям. Это бесспорно. Но не в равнодушии *аннексионистов*. Член угнетающей нации должен быть «равнодушен» к вопросу о том, принадлежат ли маленькие нации *его* государству *или соседнему* или сами себе, смотря по их симпатиям: без такого «равнодушия» он *не* социал-демократ. Чтобы быть социал-демократом интернационалистом, надо думать *не* о своей только нации, а *выше ее* ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие. В «теории» все с этим согласны, но на практике проявляют как раз аннексионистское равнодушие. Здесь корень зла.

Наоборот. Социал-демократ маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на *втором* слове нашей общей формулы: «добровольное *соединение*» наций. Он может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть *и* за политическую независимость своей нации, *и* за ее включение в соседнее государство X, Y, Z, и пр. Но во всех случаях он должен бороться *против* мелко-национальной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят «противоречивым», чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на «свободе *отделения*», а социал-демократы угнетенных наций на «свободе *соединения*». Но небольшое размышление показывает, что *иного* пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели *от данного* положения нет и быть не может.

Соч., 3 изд., т. XIX, стр. 256–262.

9. ПИСЬМО ЭНГЕЛЬСА К КАУТСКОМУ

В своей брошюре «Социализм и колониальная политика» (Берлин, 1907) Каутский, тогда еще бывший марксистом, опубликовал письмо к нему Энгельса от 12 сентября 1882 г., представляющее громадный интерес по интересующему нас вопросу; вот главная часть этого письма:

...«По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыгаться и в других еще местах, например, в Алжире и в Египте, и *для нас* это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полудивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно:

победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода»...

Энгельс вовсе не полагает, чтобы «экономическое» само собою и непосредственно уладило все трудности. Экономический переворот побудит *все* народы *потянуться* к социализму, но при этом возможны и революции — против социалистического государства — и войны. Приспособление политики к экономике произойдет неизбежно, но не сразу и не гладко, не просто, не непосредственно. Как «несомненное» Энгельс выставляет лишь один, безусловно интернационалистский, принцип, который он применяет ко *всем* «чужим народам», т. е. не только к колониальным: навязывать им осчастливление значило бы подрывать победу пролетариата.

Пролетариат не делается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только от того, что он совершит социальную революцию. Но возможные ошибки (и корыстные интересы — попытаться усесться на чужой спине) приведут его неизбежно к сознанию этой истины.

Мы все, циммервальдские левые, убеждены в том, в чем был убежден, например, и Каутский до своего поворота в 1914 г. от марксизма к защите шовинизма, именно, что социалистическая революция вполне возможна *в самом близком будущем*, «с сегодня на завтра», как однажды выразился тот же Каутский. Национальные антипатии так быстро не исчезнут; ненависть — и вполне законная — у нации угнетаемой к угнетающей *останется* на время; она испарится лишь *после* победы социализма и *после* окончательного установления вполне демократического отношения между нациями. Если мы хотим быть верны социализму, мы должны уже теперь вести интернационалистское воспитание масс, невозможное в угнетающих нациях без проповеди свободы отделения для угнетенных наций.

Осень 1916 г.

Соч., 3 изд., т. XIX, стр. 266–267.

ИМПЕРИАЛИЗМ И РАСКОЛ СОЦИАЛИЗМА

Есть ли связь между империализмом и той чудовищно-отвратительной победой, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?

Это основной вопрос современного социализма. И после того, как мы вполне установили в нашей партийной литературе, во-1-х, империалистский характер нашей эпохи и данной войны; во-2-х, неразрывную историческую связь социал-шовинизма с оппортунизмом, а равно их идейно-политическое одинаковое содержание, можно и должно перейти к разбору этого основного вопроса.

Начать приходится с возможно более точного и полного определения империализма. Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма. Монополизм проявляется в 5 главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников *сырья* трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический

промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями *начался*. Таких международных картелей, владеющих *всем* мировым рынком и делящих его «полюбовно», — пока война не *переделила* его — насчитывают уже свыше *ста!* Вывоз капитала, как особенно характерное явление в отличие от вывоза товаров при монополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) *закончился*.

Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 г.г. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 г. — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории.

Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется, прежде всего, в тенденции к загниванию, отличающей *всякую* монополию при частной собственности на средства производства. Разница между республикански-демократической и монархически-реакционной империалистской буржуазией стирается именно потому, что та и другая гниет заживо (чем несколько не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды). Во-2-х, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя *рантье*, капиталистов, живущих «стрижкой купонов». В четырех передовых империалистских странах, Англии, Северной Америке, Франции и Германии, капитал в ценных бумагах составляет по 100—150 *миллиардов* франков, что означает ежегодный доход не менее 5—8 *миллиардов* на страну. В-3-х, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-4-х, «финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе». Политическая реакция по *всей* линии — свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, панاما всех видов. В-5-х, эксплуатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплуатация

колоний горсткой «великих» держав все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Римский пролетарий жил на счет общества. Теперешнее общество живет на счет современного пролетария. Это глубокое замечание Сисмонди Маркс особенно подчеркивал. Империализм несколько изменяет дело. Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов.

Понятно, почему империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть *уже* умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское *обобществление* труда империализмом (то, что апологеты — буржуазные экономисты зовут «переплетением») означает то же самое.

Выставляя это определение империализма, мы приходим в полное противоречие с К. Каутским, который отказывается видеть в империализме «фазу капитализма» и определяет империализм как *политику*, «предпочитаемую» финансовым капиталом, как стремление «промышленных» стран аннектировать «аграрные» страны¹. Это определение Каутского теоретически насквозь фальшиво. Особенность империализма — господство как раз *не* промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз *не* только аграрных, а *всяких* стран. Каутский *отрывает* политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде «разоружения», «ультра-империализма» и тому подобного вздора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводятся к тому, чтобы затушевать *самые глубокие* противоречия империализма и оправдать таким образом теорию «единства»

¹ «Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении всякой промышленной капиталистической нации подчинять и присоединять себе все больше и больше *аграрных* областей, без отношения к тому, какой нацией населены они» (Каутский в «Neue Zeit» 11/IX 1914).

с апологетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами.

На этом разрыве Каутского с марксизмом мы уже достаточно останавливались и в «Социал-Демократе», и в «Коммунисте». Наши российские каутскианцы, «окисты» с Аксельродом и Спектатором во главе, не исключая Мартова и в значительной степени Троцкого, — предпочли обойти молчанием вопрос о каутскианстве, как направлении. Защищать то, что писал Каутский во время войны, они побоялись, отделяясь либо простым восхвалением Каутского (Аксельрод в своей немецкой брошюре, которую ОК *обещал* напечатать по-русски), либо частными письмами Каутского (Спектатор), где он уверяет, что принадлежит к оппозиции, и иезуитски пробует свести на нет свои шовинистские заявления.

Заметим, что в своем «понимании» империализма, — которое равносильно подкрашиванию его — Каутский идет назад не только по сравнению с «Финансовым капиталом» Гильфердинга (как бы усердно сам Гильфердинг ныне ни защищал Каутского и «единство» с социал-шовинистами!), но и по сравнению с *социал-либералом* Дж. А. Гобсоном. Этот английский экономист, не имеющий и тени претензий на звание марксиста, гораздо глубже определяет империализм и вскрывает его противоречия в своем сочинении 1902-го года¹. Вот что писал этот писатель (у которого можно найти почти все пацифистские и «примирительные» пошлости Каутского) по особенно важному вопросу о паразитизме империализма:

Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению Гобсона, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов, «Первое обстоятельство есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших

¹ J. A. Hobson. «Imperialism», London, 1902 (Дж. А. Гобсон. «Империализм», Лондон, 1902). *Ред.*

классов, чтобы они оставались спокойными». Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет:

«Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма» (в устах социал-либерала Гобсона эти песенки о «слепоте» империалистов уместнее, чем у «марксиста» Каутского) «является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации stanовятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывала у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькие кучки богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев, и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дела всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие прирученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем

новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как не заслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала» (рантье), их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они будут работать в направлении именно такого завершения процесса».

Социал-либерал Гобсон не видит того, что это «противодействие» может оказать *только* революционный пролетариат и *только* в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902-м году к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают *лицемерные каутскианцы* разных стран, именно: что *оппортунисты* (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией *как раз* в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, что *оппортунисты* объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, *подкупленную* на средства империалистской сверхприбыли, превращенную в *сторожевых псов* капитализма, в *развратителей* рабочего движения.

На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях

нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос! Мартов, напр., еще в своих рефератах пускал в ход софизм, который в «Известиях заграничного секретариата ОК» (№ 4 от 10 апреля 1916 г.) выражен следующим образом:

...«Дело революционной социал-демократии было бы очень плохо, даже безнадежно, если бы наиболее приблизившиеся по умственному развитию к «интеллигенции» и наиболее квалифицированные группы рабочих фатально уходили от нее к оппортунизму»...

Посредством глупенького словечка «фатально» и некоторой «подтасовочки» обойден тот факт, что известные прослойки рабочих отошли к оппортунизму и к империалистской буржуазии! А софистам ОК только и надо обойти этот факт! Они отделываются тем «казенным оптимизмом», которым ныне щеголяет и каутскианец Гильфердинг и многие другие: дескать, объективные условия ручаются за единство пролетариата и за победу революционного течения! дескать, мы «оптимисты» насчет пролетариата!

А на самом-то деле они, все эти каутскианцы, Гильфердинг, окисты, Мартов и К°, — оптимисты... насчет оппортунизма. В этом суть!

Пролетариат есть детище капитализма — мирового, а не только европейского и не только империалистского. В мировом масштабе, 50 лет раньше или 50 лет позже — с точки зрения этого масштаба вопрос частный — «пролетариат», конечно, «будет» един, и в нем «неизбежно» победит революционная социал-демократия. Не в этом вопрос, гг. каутскианцы, а в том, что вы сейчас в империалистских странах Европы *лакействуете* перед оппортунистами, которые чужды пролетариату, как классу, которые суть слуги, агенты, проводники влияния буржуазии и без освобождения от которых рабочее движение остается буржуазным рабочим движением. Ваша проповедь «единства» с оппортунистами, с Легинами и Давидами, Плехановыми или Чхенкели и Потресовыми и т. д. есть, объективно, защита *порабощения* рабочих империалистскую буржуазию через посредство ее лучших агентов

в рабочем движении. Победа революционной социал-демократии в мировом масштабе абсолютно неизбежна, но она идет и пойдет, происходит и произойдет только *против* вас, будет победой *над* вами.

Те две тенденции, даже *две* партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире в 1914—1916 г.г., были *прослежены* Энгельсом и Марксом в Англии в течение ряда *десятилетий*, приблизительно с 1858 по 1892 год.

Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше как в 1898—1900 годах. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что по крайней мере *две* крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». В письме к Зорге от 21 сентября 1872 г. Энгельс сообщает, что Хэйльз (Hales) поднял в федеральном совете Интернационала великий скандал и провел вотум порицания Марксу за его слова, что «английские рабочие вожди продались». Маркс пишет к Зорге от 4 августа 1874 г.: «Что касается городских рабочих здесь (в Англии), то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи». Энгельс говорит в письме к Марксу от 11 августа 1881 г. о «худших английских тред-юнионах, которые

позволяют руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею». В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

7 декабря 1889 г. Энгельс пишет Зорге: ...«Самое отвратительное здесь (в Англии) — перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтенность» (respectability)... даже Том Мэн, которого я считаю наилучшим из всех, говорит охотно о том, что он будет завтракать с лордом-мэром. Когда сравниваешь с этим французов, — видишь, что значит революция». В письме от 19 апреля 1890 г.: «движение (рабочего класса в Англии) идет вперед *под* поверхностью, захватывает все более широкие слои и притом большей частью среди неподвижной доселе *самой низшей* (курсив Энгельса) массы, и не далек уже день, когда эта масса *найдет сама себя*, когда ей ясно станет, что именно она сама является этой колоссальной двигающейся массой». 4 марта 1891 г.: «неудача распавшегося союза докеров, «старые», консервативные тред-юнионы, *богатые* и именно потому трусливые, остаются одни на поле битвы»... 14 сентября 1891 г.: на нью-касльском конгрессе тред-юнионов побеждены старые юнионисты, противники 8-часового рабочего дня, «и буржуазные газеты признают поражение *буржуазной рабочей партии*» (курсив везде Энгельса)...

Что эти мысли Энгельса, повторяемые в течение десятилетий, высказывались им и публично, в печати, доказывает предисловие его ко второму изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892-го года. Здесь говорится об «аристократии в рабочем классе», о «привилегированном меньшинстве рабочих» в противоположность «широкой массе рабочих». «Маленькое, привилегированное, охраняемое меньшинство» рабочего класса одно только имело «длительные выгоды» от привилегированного положения

Англии в 1848—1868 г.г., «широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением»... «С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение»... Члены «новых» юнионов, союзов необученных рабочих «имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще девственной почвой, совершенно свободной от унаследованных, «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных «старых юнионистов»»... «Так называемыми рабочими представителями» называют в Англии людей, «которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма»...

Мы нарочно привели довольно подробные выписки из прямых заявлений Маркса и Энгельса, чтобы читатели могли *в целом* изучить их. А их необходимо изучить, в них сто́ит внимательно вдуматься. Ибо здесь *гвоздь* той тактики в рабочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистской эпохи.

Каутский и здесь уже попытался «замутить воду» и поменять марксизм сладеньким примиренчеством с оппортунистами. В полемике с открытыми и наивными социал-империалистами (вроде Ленча), которые оправдывают войну со стороны Германии, как разрушение монополии Англии, Каутский *«исправляет»* эту очевидную фальшь посредством другой столь же очевидной фальши. На место циничной фальши он ставит слащавую фальшь! *Промышленная* монополия Англии давно сломана, говорит он, давно разрушена, ее нечего и нельзя разрушать.

В чем фальшь этого аргумента?

В том, что, во-1-х, обойдена *колониальная* монополия Англии. А Энгельс, как мы видели, уже в 1882 году, 34 года тому назад, вполне ясно указал на нее! Если промышленная монополия Англии разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена! Посредством своей сладенькой лжи Каутский протаскивает буржуазно-пацифистскую и оппортунистически-мещанскую идею, что-де «воевать не из-за чего».

Напротив, *капиталистам* теперь не только есть из-за чего воевать, но и *нельзя не* воевать, если хотеть сохранить капитализм, ибо без насильственного передела колоний *новые* империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (*и менее сильные*) империалистские державы.

Во-2-х. Почему монополия Англии объясняет победу оппортунизма (на время) в Англии? Потому, что монополия дает *сверхприбыль*, т. е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли. Из этой сверхприбыли капиталисты *могут* выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить *своих* рабочих, создать нечто вроде союза (вспомните знаменитые «аллиансы» английских тред-юнионов со своими хозяевами, описанные Уэббами) — союза рабочих данной нации со своими капиталистами *против* остальных стран. Промышленная монополия Англии разрушена еще в конце XIX века. Это бесспорно. Но *как* произошло это разрушение? Так ли, что *всякая* монополия исчезла?

Если бы это было так, то примиренческая (с оппортунизмом) «теория» Каутского получала бы известное оправдание. Но в том-то и суть, что это *не* так. Империализм *есть* монополистический капитализм. Каждый картель, трест, синдикат, каждый гигантски-крупный банк *есть* монополия. Сверхприбыль не исчезла, а осталась. Эксплуатация одною, привилегированною, финансово-богатою, старою *всех* остальных осталась и усилилась. Горстка богатых стран — их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительно гигантски-крупном, «современном» богатстве: Англия, Франция, Соединенные Штаты и Германия — эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает *сверхприбыль* в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, «едет на спине» сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за дележ особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом как раз экономическая и политическая суть империализма, глубочайшие противоречия коего Каутский притупляет, а не вскрывает.

Буржуазия «великой» империалистской державы *экономически может* подкупать верхние прослойки «своих» рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее *сверхприбыль* составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, «рабочими-депутатами» (вспомните великолепный анализ этого понятия у Энгельса), рабочими-участниками военно-промышленных комитетов, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узкоцеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., это уже вопрос второстепенный.

В 1848—1868 г.г. и частью позже монополией пользовалась только Англия; *поэтому* в ней мог на десятилетия победить оппортунизм; других стран ни с богачейшими колониями, ни с промышленной монополией *не было*.

Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистской эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал *не* одной, а нескольких, очень немногих, великих держав. (В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала.) Из этой разницы вытекает то, что монополия Англии *могла* быть *неоспоренной* десятилетия. Монополия современного финансового капитала бешено оспаривается; началась эпоха империалистских войн. Тогда рабочий класс *одной* страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй даже невозможно, но зато *меньшие* (чем в Англии 1848—68 г.г.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает *каждая* империалистская «великая» держава. Тогда «*буржуазная рабочая партия*», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране, ибо только одна имела монополию, но зато надолго. Теперь «*буржуазная рабочая партия*» *неизбежна* и типична для *всех* империалистских стран, но, ввиду их отчаянной борьбы за дележ добычи, невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран. Ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и проч.,

позволяя подкупать горстки верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают *массу* пролетариата и полупролетариата.

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почтить на лаврах» эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс*, угнетаемых сильнее преждего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет разворачиваться теперь история рабочего движения. Ибо первая тенденция не случайна, а экономически «обоснована». Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во *всех* странах. Различия между оформленной партией, например, Биссолати в Италии, партией вполне социал-империалистской, и, скажем, полуоформленной почти-партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и К^о, — эти различия несущественны. Важно то, что экономически откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился, а политическую форму себе, ту или иную, этот экономический факт, эта передвижка в отношениях между классами найдет без особого «труда».

На указанной экономической основе политические учреждения новейшего капитализма — пресса, парламент, союзы, съезды и пр. — создали соответствующие экономическим привилегиям и подачкам для почтительных, смиренных, реформистских и патриотических служащих и рабочих *политические* привилегии и подачки. Доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях «солидных» легальных газет или в правлениях не менее солидных и «буржуазно-попкорных» рабочих союзов — вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников «буржуазных рабочих партий».

Механика политической демократии действует в том же направлении. Без выборов в наш век нельзя; без *масс* не обой-

тись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии. Я бы назвал эту систему ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы в классической стране «буржуазной рабочей партии», английского министра Ллойд-Джорджа. Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие-угодно, даже ррреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно¹ и служит ей именно *среди* рабочих, проводит ее влияние *именно* в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы.

А велика ли разница между Ллойд-Джорджем и Шейдеманами, Легинами, Гендерсонами и Гайндманами, Плехановыми, Реноделями и К^о? Из последних, возразят нам, некоторые вернутся к революционному социализму Маркса. Это возможно, но это — ничтожная разница в степени, если брать вопрос в политическом, т. е. массовом масштабе. Отдельные лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к пролетариату. Но *течение* социал-шовинистское или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни «вернуться» к революционному пролетариату. Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение, эта «буржуазная рабочая партия», будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка, любой вывески, любой рекламы. В истории всегда бывало,

¹ Недавно в одном английском журнале я встретил статью тори, политического противника Ллойд-Джорджа: «Ллойд-Джордж с точки зрения тори». Война открыла глаза этому противнику на то, какой превосходный приказчик буржуазии этот Ллойд-Джордж! Тори помирились с ним!

что имена популярных среди угнетенных классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетенных классов.

Факт тот, что «буржуазные рабочие партии», как политическое явление, создались уже во *всех* капиталистических передовых странах, что без решительной, беспощадной борьбы по всей линии против этих партий — или, все равно, групп, течений и т. п. — не может быть и речи ни о борьбе с империализмом, ни о марксизме, ни о социалистическом рабочем движении. Фракция Чхеидзе, «Наше Дело», «Голос Труда» в России и «окисты» за границей — не более как разновидность одной из *таких* партий. Мы не имеем ни тени оснований думать, что эти партии могут исчезнуть *до* социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем бóльшую роль будет играть в рабочем движении борьба революционного — массового потока против оппортунистического — мещанского. Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, усиливается примирить пролетариат с «буржуазной рабочей партией», отстаивать единство его с ней, поднять тем авторитет ее. За открытыми социал-шовинистами массы уже не идут: Ллойд-Джорджа освистали в Англии на рабочих собраниях, Гайндман ушел из партии, Реноделей и Шейдеманов, Потресовых и Гвоздевых защищает полиция. Прикрытая защита социал-шовинистов каутскианцами всего опаснее.

Один из самых распространенных софизмов каутскианства — ссылка на «массы». Мы-де не хотим оторваться от масс и массовых организаций! Но вдумайтесь в постановку этого вопроса Энгельсом. «Массовые организации» английских тред-юнионов были в XIX веке на стороне буржуазной рабочей партии. Маркс и Энгельс не мирились с ней на этом основании, а разоблачали ее. Они не забывали (1), что организации тред-юнионов непосредственно обнима-

ют *меньшинство пролетариата*. И в Англии тогда и в Германии теперь не более $\frac{1}{5}$ пролетариата состоит в организациях. Seriously думать о том, что при капитализме возможно включить в организации большинство пролетариев, не доводится. Во-2-х, — и это главное — вопрос не столько в числе членов организации, сколько в реальном, объективном значении ее политики: массы ли представляет эта политика, массам ли служит, т. е. освобождению масс от капитализма, или представляет интересы меньшинства, его примирение с капитализмом? Именно последнее было верно для Англии в XIX веке, — верно теперь для Германии и пр.

От «буржуазной рабочей партии» *старых* тред-юнионов, от привилегированного меньшинства Энгельс отличает «*низшую* массу», действительное большинство, апеллирует к нему, *не* зараженному «буржуазной почтенностью». Вот в чем суть марксистской тактики!

Мы не можем — и никто не может — усчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью, что «защитники отечества» в империалистской войне *представляют* лишь меньшинство. И наш долг поэтому, если мы хотим остаться социалистами, идти *ниже* и *глубже*, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы. Разоблачая, что оппортунисты и социал-шовинисты на деле предают и продают интересы массы, что они отстаивают временные привилегии меньшинства рабочих, что они проводят буржуазные идеи и влияние, что они на деле союзники и агенты буржуазии, — мы тем самым учим массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все, долгие и мучительные, перипетии империалистских войн и империалистских перемирий.

Разъяснять массам неизбежность и необходимость раскола с оппортунизмом, воспитывать их к революции беспощадной борьбой с ним, учитывать опыт войны для вскрытия всех мерзостей национал-либеральной рабочей политики,

а не для прикрытия их, — вот единственная марксистская линия в рабочем движении мира.

В следующей статье мы попытаемся подытожить главные отличительные особенности этой линии в противовес каутскианству.

Осень 1916 г.

Соч., 3 изд., т. XIX, стр. 301—313.

**ИЗ СТАТЬИ:
ВОЕННАЯ ПРОГРАММА
ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В Голландии, Скандинавии, в Швейцарии из среды революционных социал-демократов, которые борются против лжи социал-шовинистов о «защите отечества» в теперешней империалистской войне, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» — новым: «разоружение». «Jugend-Internationale»¹ открыл дискуссию по этому вопросу и поместил в № 3 редакционную статью за разоружение. В новейших тезисах Р. Гримма мы также, к сожалению, находим уступку идее «разоружения». В журналах «Neues Leben» и «Vorboten»² открыта дискуссия.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

I

Основной довод заключается в том, что требование разоружения является самым ясным, самым решительным, самым последовательным выражением борьбы против всякого милитаризма и против всякой войны.

Но в этом основном доводе и состоит основное заблуждение сторонников разоружения. Социалисты, не переставая быть социалистами, не могут быть против всякой войны.

¹ — «Интернационал Молодежи». *Ред.*

² — «Новая Жизнь» и «Предвестник». *Ред.*

Во-первых, социалисты никогда не были и никогда не могут быть противниками революционных войн. Буржуазия «великих» империалистских держав стала насквозь реакционной, и войну, которую теперь ведет *эта* буржуазия, мы признаем реакционной, рабовладельческой и преступной войной. Ну, а как обстоит дело с войной *против* этой буржуазии? Например, с войной угнетаемых этой буржуазией и зависимых от нее или колониальных народов за свое освобождение? В тезисах группы «Интернационал», в параграфе 5-м, мы читаем: «В эру этого разнузданного империализма уже не может быть никаких национальных войн» — это, очевидно, неправильно.

История XX века, этого века «разнузданного империализма», полна колониальных войн. Но то, что мы, европейцы, империалистские угнетатели большинства народов мира, со свойственным нам гнусным европейским шовинизмом, называем «колониальными войнами», это часто национальные войны или национальные восстания этих угнетенных народов. Одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения. Это — факт. И отсюда неизбежно следует, что империализм должен в нередких случаях порождать национальные войны. Юниус, защищающий в своей брошюре упомянутые «тезисы», говорит, что в империалистскую эпоху всякая национальная война против одной из империалистских великих держав приводит к вмешательству другой, конкурирующей с первой и также империалистской великой державы, и, таким образом, всякая национальная война превращается в империалистскую. Но и этот довод неправилен. Это *может* быть, но это не всегда так бывает. Многие колониальные войны в годы 1900—1914 пошли не этим путем. И было бы просто смешно, если бы мы заявили, что, например, после теперешней войны, если она закончится крайним истощением воюющих стран, «не может» быть «никаких» национальных, прогрессивных, революционных войн со стороны, скажем, Китая в союзе с Индией, Персией, Сиамом и т. д. против великих держав.

Отрицание всякой возможности национальных войн при империализме теоретически неправильно, исторически явно ошибочно, а практически оно равняется европейскому шовинизму: мы, принадлежащие к нациям, угнетающим сотни миллионов людей в Европе, Африке, Азии и т. д., мы должны заявить угнетенным народам, что их война против «наших» наций «невозможна»!

Во-вторых. Гражданские войны — тоже войны. Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это. Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции.

В-третьих, победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии. Энгельс был совершенно прав, когда в своем письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. прямо признавал возможность «оборонительных войн» *уже победившего* социализма. Он имел в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран.

Только после того как мы низвергнем, окончательно победим и экспроприруем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными. И с научной точки зрения будет совершенно неправильно и совершенно нереволуционно, если мы будем обходить или

затушевывать как раз наиболее важное: подавление сопротивления буржуазии, — наиболее трудное, наиболее требующее борьбы при *переходе* к социализму. «Социальные» попы и оппортунисты всегда готовы мечтать о будущем мирном социализме, но они как раз тем и отличаются от революционных социал-демократов, что не хотят думать и помышлять об ожесточенной классовой борьбе и классовых *войнах* для осуществления этого прекрасного будущего.

Мы не должны допустить, чтобы словами нас вводили в обман. Например, понятие «защита отечества» многим ненавистно, потому что откровенные оппортунисты и каутскианцы прикрывают и затушевывают им ложь буржуазии в *данной* хищнической войне. Это факт. Но из этого не следует, что мы должны разучиться размышлять над значением политических лозунгов. Признавать «защиту отечества» в данной войне значит считать ее «справедливой», соответствующей интересам пролетариата, — и ничего больше и еще раз ничего, потому что вторжение не исключается ни в какой войне. Было бы просто глупо отрицать «защиту отечества» *со стороны* угнетенных народов в их войне *против* империалистских великих держав или со стороны победившего пролетариата в *его* войне против какого-нибудь Галлифе буржуазного государства.

Теоретически было бы совершенно ошибочно забывать, что всякая война является только продолжением политики другими средствами; теперешняя империалистская война является продолжением империалистской политики двух групп великих держав, и эта политика порождена и питается совокупностью отношений империалистской эпохи. Но та же эпоха необходимо должна породить и питать и политику борьбы против национального угнетения и борьбы пролетариата против буржуазии, а потому и возможность и неизбежность, во-первых, революционных национальных восстаний и войн, во-вторых, войн и восстаний пролетариата *против* буржуазии, в-третьих, объединения обоих видов революционных войн и т. д.

Осень 1916 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. I, 1943, стр. 784—786.

ИЗ БРОШЮРЫ: ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРОЕКТ ПЛАТФОРМЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

КАКОВО ДОЛЖНО БЫТЬ НАУЧНО-ПРАВИЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ ПОМОГАЮЩЕЕ ПРОЯСНЕНИЮ СОЗНАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА НАЗВАНИЕ НАШЕЙ ПАРТИИ?

19. Перехожу к последнему, к названию нашей партии. Мы должны назваться *Коммунистической партией*, — как называли себя Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Коммунистический Манифест», извращенный и преданный социал-демократией по двум главным пунктам: 1) рабочие не имеют отечества: «защита отечества» в империалистской войне есть измена социализму; 2) учение марксизма о государстве извращено II Интернационалом.

Название «социал-демократия» *научно* неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 года и популярнее повторил Энгельс в 1894 году. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (*социал-демократы*). Демократия есть одна из форм *государства*. Между тем мы, марксисты, противники *всякого* государства.

Вожди II (1889—1914) Интернационала, гг. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость государства* для перехода к социализму, — но (и в этом отличие от Каутского и К^о) *не тако-го государства*, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы Рабочих Депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: *жизнь* создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова.

Это *уже* вопрос практики масс, а не только теории вождей.

Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше *рождающееся*, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим *строжайший* порядок, необходимо *беспощадное* подавление насилием всяких попыток контрреволюции и царистской, и гучковски-буржуазной.

Но наше *рождающееся*, новое государство *не есть* уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть *сама масса*, весь народ, а не кто-либо над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию обычно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, *монархических*, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть *шора*, одеваемая на глаза революционному народу и *мешающая* ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы Рабочих, Крестьянских и всяких иных Депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в 1871—1914 г.г., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократии». Ибо *тогда*, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически, и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полу-крепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции.

Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа.

Выхода *нет*, кроме революции пролетариата.

И в такой момент, когда эта революция начинается, когда она делает свои первые, робкие, нетвердые, несознательные, слишком доверчивые к буржуазии шаги, — в такой момент большинство (это правда, это факт) «социал-демократических» вождей, «социал-демократических» парламентариев,

«социал-демократических» газет — а ведь именно таковы *органы* воздействия на массы — большинство их *изменило* социализму, *предало* социализм, перешло на сторону «своей» национальной буржуазии.

Массы смущены, сбиты с толку, обмануты *этими* вождями.

И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась того старого и устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил II Интернационал!

Пусть «многие» рабочие *понимают* социал-демократию по-честному. Пора учиться различию субъективного от объективного.

Субъективно эти рабочие социал-демократы — вернейшие вожди пролетарских масс.

А объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит *вождей*, т. е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны, — и все они «тоже-социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они предъявляют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией»...

А доводы против?.. «Смешают с анархистами-коммунистами»...

Отчего не боимся мы смешения с социал-националами и социал-либералами, с радикалами-социалистами, самой передовой и самой ловкой в буржуазном обмане масс буржуазной партией в французской республике?.. «Массы привыкли, рабочие «полюбили» *свою* социал-демократическую партию»...

Вот единственный довод, но ведь это довод, отбрасывающий прочь и науку марксизма, и задачи завтрашнего дня в революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II Интернационала, и порчу практического дела стаями окружающих пролетариев «тоже-социал-демократов».

Это довод рутины, довод спячки, довод косности.

А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую», грязную рубаху...

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Петроград, 10 апреля 1917 года.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 33–35.

ИЗ БРОШЮРЫ: ПИСЬМА О ТАКТИКЕ

ПИСЬМО I

ОЦЕНКА МОМЕНТА

Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия», — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса.

Какими же точно установленными, объективными *фактами* должна партия революционного пролетариата руководиться теперь для определения задач и форм своего действия?

И в своем первом «Письме из далека» («Первый этап первой революции»), напечатанном в «Правде», №№ 14 и 15 от 21 и 22 марта 1917 г., и в своих тезисах я определяю «своеобразие текущего момента в России», как полосы *перехода* от первого этапа революции ко второму. И поэтому основным лозунгом, «задачей дня» в *этот* момент я считал: «рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма

в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» («Правда» № 15).

В чем же состоит первый этап?

В переходе государственной власти к буржуазии.

До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках *другого*, нового, класса, именно: *буржуазии*.

Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России *закончена*.

Здесь мы слышим шум возражателей, охотно называющих себя «старыми большевиками»: разве не говорили мы всегда, что буржуазно-демократическую революцию заканчивает лишь «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»? разве аграрная революция, тоже буржуазно-демократическая, кончилась? разве не факт, наоборот, что она *еще не* началась?

Отвечаю: большевистские лозунги и идеи *в общем* вполне подтверждены историей, но *конкретно* дела сложились *иначе*, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее.

Игнорировать, забывать этот факт значило бы уподобляться тем «старым большевикам», которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» *уже* осуществилась¹ в русской революции,

¹ В известной форме и до известной степени.

ибо эта «формула» предвидит лишь *соотношение классов*, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество. «Совет Раб. и Солд. Депутатов» — вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Эта формула уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и *тем самым* видоизменила.

На очереди дня уже иная, новая задача: раскол пролетарских (анти-оборонческих, интернационалистских, «коммунистских», стоящих за переход к коммуне) элементов *внутри* этой диктатуры и элементов *мелкохозяйских* или *мелкобуржуазных* (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, с.-ры и пр. и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства).

Кто говорит *теперь* только о «револ.-демокр. диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого *перешел* на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»).

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, но чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных видоизменений. О них я буду говорить особо, в одном из дальнейших писем. Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни.

«Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни».

Кто ставит вопрос о «законченности» буржуазной революции *по-старому*, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

По-старому выходит: за господством буржуазии может

и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

А в живой жизни *уже* вышло *иначе*: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, *переплетение того и другого*. Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее.

Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство *не* производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно *над* народом чиновничества *нет*. Это факт. Это именно такой факт, который характерен для государства типа Парижской Коммуны. Этот факт не укладывается в старые схемы. Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о «диктатуре пролетариата и крестьянства» *вообще*.

Подойдем к вопросу с другой стороны, чтобы лучше осветить его.

Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет *тоже* буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что *этот* слой *не может* придти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно?

Так рассуждают часто старые большевики.

Отвечаю — это вполне возможно. Но марксист в учете момента должен исходить *не* из возможного, а из действительного.

Действительность же показывает нам *факт*, что свободно избранные солдатские и крестьянские депутаты свободно входят во второе, побочное правительство, свободно дополняют, развивают, доделывают его. И столь же свободно они *отдают* власть буржуазии — явление, ничуть не «нарушающее» теории марксизма, ибо мы всегда знали и многократно указывали, что буржуазия держится *не* только насилием,

а также несознательностью, рутиной, забитостью, неорганизованностью масс.

И вот перед лицом этой действительности сегодняшнего дня прямо-таки смешно отворачиваться от факта и говорить о «возможностях».

Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть. Я не только не забываю этой возможности, не ограничиваю своего кругозора одним сегодняшним днем, а прямо и точно формулирую аграрную программу с учетом *нового* явления: более глубокого раскола батраков и беднейших крестьян с крестьянами-хозяевами.

Но возможно и иное: возможно, что крестьяне послушают советов мелкобуржуазной партии с.-р., поддавшейся влиянию буржуа, перешедшей к оборончеству, советующей ждать до Учредительного собрания, хотя до сих пор даже срок его созыва не назначен¹!

Возможно, что крестьяне *сохранят*, продолжат свою сделку с буржуазией, сделку, заключенную ими сейчас чрез посредство Советов Р. и С. Депутатов не только формально, но и фактически.

Возможно разное. Было бы глубочайшей ошибкой забывать об аграрном движении и аграрной программе. Но такой же ошибкой было бы забывать *действительность*, которая показывает нам *факт соглашения* — или, употребляя более точное, менее юридическое, более экономически-классовое выражение, — факт *классового сотрудничества* буржуазии и крестьянства.

Когда этот факт перестанет быть фактом, когда крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее, — тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо.

¹ Чтобы моих слов не перетолковали, скажу тотчас, забегая вперед: я безусловно за то, чтобы батрацкие и крестьянские *Советы тотчас* брали *всю* землю, но строжайше соблюдали *сами* порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а *усиливали* его, ибо солдатам нужно *вдвое* больше хлеба, и народ не должен голодать.

Марксист, который, по случаю возможности такого будущего этапа, забывает свои обязанности *теперь*, когда крестьянство *соглашается* с буржуазией, превратился бы в мелкобуржуа. Ибо он на деле проповедовал бы пролетариату *доверие* к мелкой буржуазии («она, эта мелкая буржуазия, это крестьянство должно отделиться от буржуазии еще в пределах буржуазно-демократической революции»). Он по случаю «возможности» приятного и сладкого будущего, когда крестьянство *не* будет хвостом буржуазии, с.-р-ы, Чхеидзе, Церетели, Стекловы *не* будут придатком буржуазного правительства, — он по случаю «возможности» приятного будущего забыл бы о *неприятном настоящем*, когда крестьянство пока еще остается хвостом буржуазии, когда с.-р-ы и с.-д. пока еще не выходят из роли придатка буржуазного правительства, оппозиции «его величества» Львова.

Предположительно взятый нами человек походил бы на сладенького Луи Блана, на слащавого каутскианца, но никак не на революционного марксиста.

Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную — неизжившую еще крестьянского движения — революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: «без царя, а правительство *рабочее*», — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал *не* это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) *не может быть помимо* Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова *только* к этим Советам, а в них *как раз* преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским, термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику.

Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры,

ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство *большинства* и активность масс лишь в мере *сознательного* выступления самого большинства.

Я свел дело в тезисах с полнейшей определенностью к *борьбе за влияние внутри* Советов Рабочих, Батрацких, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Чтобы не допустить ни тени сомнений на этот счет, я *дважды* подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой, «приспосабливающейся к *практическим* потребностям масс» работы «разъяснения».

Невежественные люди или ренегаты марксизма, вроде г. Плеханова и т. п., могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п. Кто желает думать и учиться, тот не может не понять, что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы рабочих и т. д. депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние *внутри* таких Советов, *не может*, прямо-таки не может сбиться в болото бланкизма. И она не может сбиться в болото анархизма, ибо анархизм есть отрицание *необходимости государства и государственной власти* для эпохи *перехода* от господства буржуазии к господству пролетариата. А я, с исключаяющей всякую возможность недоразумений ясностью, *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества.

Если г. Плеханов кричит изо всех сил в своем «Единстве» об анархизме, то этим лишний раз только доказан его разрыв с марксизмом. На мой вызов в «Правде» (№ 26) рассказать, чему учили Маркс и Энгельс о государстве в 1871, 1872, 1875 г.г., г-ну Плеханову приходится и придется отвечать молчанием по существу вопроса и выкриками в духе озлобленной буржуазии.

Учения марксизма о государстве бывший марксист г. Плеханов *совершенно* не понял. Между прочим, зародыши этого непонимания заметны и в его немецкой брошюре об анархизме.

Апрель 1917 г.

Соч., 3 изд., т. XX, стр. 100–105.

ИЗ КНИГИ: ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

**УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА
В РЕВОЛЮЦИИ**

ГЛАВА II ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ 1848—1851 ГОДОВ

3. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ В 1852 ГОДУ

В 1907 году Меринг опубликовал в журнале «Neue Zeit» (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. В этом письме содержится, между прочим, следующее замечательное рассуждение:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства (*historische Entwicklungskämpfe der Produktion*), 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»...

В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезать марксизм, исказить его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс *практически* к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все «каутскианцы» (колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазными демократами, *отрицающими* диктатуру пролетариата. Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата», вышедшая в августе 1918 г., т. е. много спустя после первого издания настоящей книжки, есть образец мещанского искажения марксизма и подлого отречения от него *на деле*, при лицемерном признании его *на словах* (см. мою брошюру: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Петроград и Москва, 1918 г.).

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, подпадает целиком под приведенную характеристику *буржуазной* позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!) Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода

свержения буржуазии и полного уничтожения ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии).

Далее. Сущность учения Маркса о государстве усвояна только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 140–141.

ГЛАВА V ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы» (письмо к Браккэ от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 году в «Neue Zeit», IX, 1 и вышедшее по-русски отдельным изданием). Полемика часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ

При поверхностном сравнении письма Маркса к Браккэ от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года может показаться,

что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово «государство» из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества», т. е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять

утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс прежде всего отмечает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

...«Современное общество, — пишет он, — есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения»...

Высмеяв таким образом все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научными данными.

Первое, что установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще, — и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции, — это то обстоятельство, что исторически, несомненно, должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. ПЕРЕХОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

...«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — продолжает Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»...

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что «Коммунистический Манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии». На основании всего изложенного выше можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении

событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии социал-демократов — из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных — из 15 миллионов!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков), — но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их!

Но от этой капиталистической демократии, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой, — развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства».

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), — *только* тогда «исчезает государство и можно говорить о свободе». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства,

что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячами повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса, и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже

не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и несколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *отмирать*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычсть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассалья («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к конкретному анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

«Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло».

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Мар-

кса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«„Равное право“, — говорит Маркс, — мы здесь действительно имеем, но это *еще* „буржуазное право“, которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому „равное право“ есть нарушение равенства и несправедливость». В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда, — равную долю общественного продукта (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

...«При равном труде, — заключает Маркс, — следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным»...

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно-неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» *вообще*, Маркс показывает ход *развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как

видим, доказывает только крайнее невежество гг. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

...«Но эти недостатки, — продолжает Маркс, — неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть» — этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. ВЫСШАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Маркс продолжает:

...«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: „Каждый по способностям, каждому по потребностям“».

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития

производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не-теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К^о) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов Рабочих и Солдатских Депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его

на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плекхановского» превращения Кропоткиных, Грива, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов, или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов, Гэ).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе, и в обществе.

И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему

возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для налаживания, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поров-

ну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок¹.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации *и для дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном

¹ Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами). (См. Соч., 3 изд., т. XXI, стр. 410. *Ред.*)

смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство¹.

¹ Продолжая и развивая марксистско-ленинское учение о государстве в новой исторической обстановке, товарищ Сталин дал теорию социалистического государства и его задач в условиях победившего социализма и построения коммунизма.

В отчетном докладе на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) товарищ Сталин говорил:

...«Ленин написал свою знаменитую книгу «Государство и революция» в августе 1917 года, т. е. за несколько месяцев до Октябрьской революции и создания Советского государства. Главную задачу этой книги Ленин видел в защите учения Маркса и Энгельса о государстве от искажения и опошления со стороны оппортунистов. Ленин собирался написать вторую часть «Государства и революции», где он рассчитывал подвести главные итоги опыта русских революций 1905-го и 1917-го года. Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики.

Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Орудия власти государства сосредоточивались главным образом в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме.

Чтобы свергнуть капитализм, необходимо было не только снять с власти буржуазию, не только экспроприировать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину буржуазии, ее старую армию, ее бюрократическое чиновничество, ее полицию, и поставить на ее место новую, пролетарскую государственность, новое, социалистическое государство. Большевики, как известно, так именно и поступили. Но из этого вовсе не следует, что у нового, пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого государства, измененные применительно к потребностям пролетарского государства. Из этого тем более не следует, что формы нашего социалистического государства должны остаться неизменными, что все первоначальные функции нашего государства должны полностью сохраниться и в дальнейшем. На самом деле формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки.

Ленин совершенно прав, когда он говорит:

«Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством,

обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*» (Ленин, т. XXI, стр. 393).

Со времени Октябрьской революции наше социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы.

Первая фаза — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов. Сообразно с этим наше государство осуществляло в этот период две основные функции. Первая функция — подавление свергнутых классов внутри страны. Этим наше государство во внешнем образе напоминало предыдущие государства, функция которых состояла в подавлении непокорных, с той, однако, принципиальной разницей, что наше государство подавляло эксплуататорское меньшинство во имя интересов трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства подавляли эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Вторая функция — оборона страны от нападения извне. Этим оно также напоминало внешним образом предыдущие государства, которые также занимались вооруженной защитой своих стран, с той, однако, принципиальной разницей, что наше государство защищало от внешнего нападения завоевания трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства защищали в таких случаях богатство и привилегии эксплуататорского меньшинства. Была здесь еще третья функция — это хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов нашего государства, имевшая своей целью развитие ростков нового, социалистического хозяйства и перевоспитание людей в духе социализма. Но эта новая функция не получила в этот период серьезного развития.

Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода — организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны. Сообразно с этим изменились и функции социалистического государства. Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападения извне, стало быть, сохранились также Красная армия, Военно-Морской флот, равно как карательные органы и разведка, необходимые для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засы-

самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

Август — сентябрь 1917 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 171—184.

лаемых в нашу страну иностранной разведкой. Сохранилась и получила полное развитие функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов. Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов.

Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы.

Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военного нападения извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим.

Так обстоит дело с вопросом о социалистическом государстве» (И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 604—606). *Ред.*

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РСДРП

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм».

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на йоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д., и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая,

когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в рядах *слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*.

Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к *искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнести к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, *заколебались* гигантски, отказавшись от блока, т. е. от коалиции, с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой:

мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским, и к Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров (и от самих эсеров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эсерами.

За нами *верная победа*, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что Демократическое совещание *еще* может принять его. Компромисс предлагался *от партии к партиям*; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его¹. Демократическое совещание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, бед-

¹ По этому вопросу см. статью Ленина «О компромиссах» (Соч., 3 изд., т. XXI, стр. 132—136). *Ред.*

нейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание *меньшинства народа*, — нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя перманентным и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — исключительные выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только* наша победа в восстании даст крестьянству землю немедленно; когда *только наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции, — сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* станем «оборонцами», тогда *мы* становимся *во главе военных партий*, *мы* будем *самой «военной» партией*, *мы* поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и *все* сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить *весь мир*.

* *
*

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих

коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.*

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой *этого* вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эсеров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть на заводы и в казармы*: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания*.

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку¹, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*.

Сентябрь 1917 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 100–104.

¹ *Александринка* — Александринский театр в Петрограде, в котором заседало Демократическое Совещание. *Петропавловка* — Петропавловская крепость, расположенная против Зимнего дворца (служила при царизме местом заключения революционеров). *Ред.*

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими «Советами постороннего» на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отречься теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо

внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «*моральный перевес*».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса сил* над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнkerов), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов)

в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.

Октябрь 1917 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 112–113.

ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА

В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно напомнить одно оправдавшееся научное пророчество.

Фридриху Энгельсу случилось в 1887 году писать о грядущей всемирной войне в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким ура-патриотам 1806—1807 годов» («Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807»). (Эта брошюра составляет выпуск XXIV «Соц.-дем. библиотеки», выходящей в 1888 году в Готтингене-Цюрихе.)

Вот как судил, свыше тридцати лет тому назад, Фридрих Энгельс о грядущей всемирной войне:

...«Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен:

всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем (*uns kann es recht sein*). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуждаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки (*doch*) неизбежна.

Лондон. 15 декабря 1887 г.

Фридрих Энгельс.

Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние.

...«Может быть, война на время отбросит нас на задний план...» Дело пошло именно по этой линии, но еще дальше и еще хуже: часть «отброшенных назад» социал-шовинистов и их бесхарактерных «полупротивников», каутскианцев, стали восхвалять свое попятное движение, превратились в прямых изменников и предателей социализма.

...«Может быть, война отнимет у нас некоторые завоеванные уже позиции...» Целый ряд «легальных» позиций был отнят у рабочего класса. Зато он закален испытаниями и получает жестокие, но полезные уроки нелегальной организации, нелегальной борьбы, подготовки своих сил к революционному штурму.

...«Короны валяются дюжинами...» Несколько корон уже свалилось, и из них одна такая, какая стоит дюжины других: корона самодержца всероссийского Николая Романова.

...«Абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится...» После четырех лет войны эта абсолютная невозможность, если позволительно так сказать, еще абсолютнее.

...«Безнадежная путаница нашего искусственного механизма торговли, промышленности и кредита...» В конце четвертого года войны это сказалось полностью на одном из самых больших и самых отсталых государств, втянутых капиталистами в войну, — на России. Но разве растущий голод в Германии и Австрии, недостаток одежды, сырья, изнашивание средств производства не показывают, что с громадной быстротой такое же положение надвигается и на другие страны?

Энгельс рисует последствия, вызываемые только «внешней» войной; он не касается внутренней, т. е. гражданской, войны, без которой не обходилась еще ни одна великая революция в истории, без которой не мыслил себе перехода от капитализма к социализму ни один серьезный марксист. И если внешняя война может еще известное время тянуться, не вызывая «безнадежной путаницы» в «искусственном механизме» капитализма, то очевидно, что гражданская война без такого последствия совсем уже немислима.

Какое тупоумие, какую бесхарактерность, — если не говорить о корыстном служении буржуазии, — обнаруживают те, кто, продолжая себя называть «социалистами», подобно нашим новожизненцам, меньшевикам, правым эсерам и т. п., с злобой указывают на проявление этой «безнадежной путаницы», вина во всем революционный пролетариат, Советскую власть, «утопию» перехода к социализму. «Путаница», разруха, по прекрасному русскому выражению, вызвана войной. Тяжелой войны без разрухи быть не может. Гражданской войны, необходимого условия и спутника социалистической революции, без разрухи быть не может. Отречься от революции, от социализма «по случаю» разрухи значит только проявлять свою безыдейность и переходить на деле на сторону буржуазии.

...«Голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой»...

Как просто и ясно делает Энгельс этот бесспорный вывод, очевидный для всякого, кто хоть немного способен подумать над объективными последствиями многолетней тяжелой, мучительной войны. И как поразительно неумны те многочисленные «социал-демократы» и горе-«социалисты», которые не хотят или не умеют вдуматься в это простейшее соображение.

Мыслима ли многолетняя война без *одичания* как войск, так и народных масс? Конечно, нет. На несколько лет, если не на целое поколение, такое последствие многолетней войны безусловно неизбежно. А наши «человеки в футляре», хлюпики из буржуазной интеллигенции, называющие себя «социал-демократами» и «социалистами», подпевают буржуазии, сваливая проявления одичания или неизбежную жестокость мер борьбы с особенно острыми случаями одичания на революцию, — хотя ясно, как день, что создано это одичание империалистской войной и что никакая революция без долгой борьбы, без ряда жестоких репрессий освободиться от *таких* последствий войны не в состоянии.

Они готовы «теоретически» допустить революцию пролетариата и других угнетенных классов, наши сладенькие писатели «Новой Жизни», «Впереда» или «Дела Народа», только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской бойне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне.

Они слышали и признавали «теоретически», что революцию следует сравнивать с актом родов, но, когда дошло до дела, они позорно трусили, и свое хныканье дрянных душонок превратили в перепев злобных выходок буржуазии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе, — те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля Золя «La joie de vivre» («Радость жизни») или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный,

истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании зарекался бы от любви и от деторождения?

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов.

В ясном сознании этого факта, Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим в всемирной войне капиталистическим обществом, «Только один результат (всемирной войны), — говорит он, — абсолютно несомненен: всеобщее истощение и *создание* условий для окончательной победы рабочего класса».

Еще яснее эта мысль выражена в конце предисловия, разбираемого нами:

...«В конце трагедии вы (капиталисты и помещики, короли и государственные мужи буржуазии) будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна».

Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз. Но если отдельные люди гибнут от родов, новое общество, рождаемое старым укладом, не может погибнуть, и его рождение станет лишь более мучительным, более затяжным, рост и развитие более медленным.

Конец войны еще не наступил. Всеобщее истощение уже наступило. Из двух *непосредственных* результатов войны, предсказанных Энгельсом условно (либо уже завоеванная победа рабочего класса, либо создание условий ее

неизбежности, *вопреки всем трудностям*), из этих двух условий налицо теперь, к половине 1918 года, *оба*.

В одной, наименее развитой из капиталистических стран, победа рабочего класса *уже завоевана*. В остальных, с неслыханным усилием неслыханных мук, создаются условия, делающие эту победу «все ж таки неизбежной».

Пусть каркают «социалистические» хлюпики, пусть злобствует и бешенствует буржуазия. Только люди, закрывающие себе глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не замечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки. На нашу страну, ходом событий выдвинутую временно в авангард социалистической революции, падают теперь особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов. У нас есть все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее, готовящее нам новых союзников, новые победы социалистической революции в ряду более передовых стран. Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства.

Июнь 1918 г.

Соч., 3 изд., т. XXIII, стр. 105–109.

**ИЗ КНИГИ:
ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ**

**КАК КАУТСКИЙ ПРЕВРАТИЛ МАРКСА
В ДЮЖИННОГО ЛИБЕРАЛА**

Основной вопрос, затрагиваемый Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революции, именно о диктатуре пролетариата. Это — вопрос, имеющий важнейшее значение для всех стран, особенно для передовых, особенно для воюющих, особенно в настоящее время. Можно сказать без преувеличения, что это — самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы. Поэтому необходимо на нем внимательно остановиться.

Каутский ставит вопрос таким образом, что «противоположность обоих социалистических направлений» (т. е. большевиков и не-большевиков) есть «противоположность двух в корне различных методов: *демократического* и *диктаторского*» (стр. 3).

Отметим мимоходом, что, называя не-большевиков в России, т. е. меньшевиков и эсеров, социалистами, Каутский руководится их *названием*, т. е. словом, а не тем *действительным местом*, которое они занимают в борьбе пролетариата с буржуазией. Великолепное понимание и применение марксизма! Но об этом подробнее ниже.

Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности» «демократического

и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюры Каутского. И это — такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма, что Каутский, надо признать, далеко опередил Бернштейна.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному государству, пролетарской демократии к буржуазной демократии. Казалось бы, это ясно как день? Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к XX веку, лицом к XVIII, и в сотый раз, невероятно скучно, в целом ряде параграфов, жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью!

Поистине, точно во сне мочалку жует!

Ведь это же значит решительно не понять, что к чему. Ведь только улыбку вызывают потуги Каутского представить дело так, будто есть люди, проповедующие «презрение к демократии» (с. 11) и т. п. Такими пустячками приходится затушевывать и запутывать вопрос Каутскому, ибо он ставит вопрос по-либеральному, о демократии вообще, а не о *буржуазной* демократии, он избегает даже этого точного, классового понятия, а старается говорить о «досоциалистической» демократии. Почти треть брошюры, 20 страниц из 63, занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции.

Но ведь заглавие брошюры Каутского есть все же «Диктатура пролетариата». Что в этом именно *суть* учения Маркса, это общеизвестно. И Каутскому *пришлось*, после всей болтовни не на тему, привести слова Маркса о диктатуре пролетариата.

Как это проделал «марксист» Каутский, это уже прямая комедия! Слушайте:

«На одно слово Карла Маркса опирается тот взгляд» (который Каутский объявляет презрением к демократии) — так буквально значит на стр. 20. А на стр. 60-ой это повторено даже в такой форме, что (большевики) «вспомнили вовремя словечко» (буквально так!! *des Wörtchens*)

«о диктатуре пролетариата, употребленное Марксом однажды в 1875 году в письме».

Вот это «словечко» Маркса:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Во-первых, назвать это знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению, «одним словом» или даже «словечком» — значит издеваться над марксизмом, значит отречься от него полностью. Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом. Каутский *не может не знать*, что и Маркс и Энгельс и в письмах и в печатных произведениях говорили о диктатуре пролетариата *множественно*, и до и особенно после Коммуны. Каутский не может не знать, что формула: «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс, и Энгельс, учитывая опыт революций 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, *в течение сорока лет*.

Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским? Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектицизмом и софистикой. Каутский — великий мастер такой подмены. Если говорить практически-политически, то дело сведется к лакейству перед оппортунистами, т. е., в конце концов, перед буржуазией. С начала войны прогрессируя все быстрее, Каутский дошел до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле.

Еще более убеждаешься в этом, когда рассматриваешь, как замечательно «истолковал» Каутский «словечко» Маркса о диктатуре пролетариата. Слушайте:

«Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру»... (Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний, которые умышленно обходит начетчик в марксизме Каутский)... «Буквально, слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами. Единовластие, которое отличается от деспотизма тем, что оно мыслится не как постоянное государственное учреждение, а как преходящая мера крайности.

Выражение «диктатура пролетариата», следовательно, не диктатура одного лица, а одного класса, уже исключает, что Маркс имел в виду при этом диктатуру в буквальном смысле слова.

Он говорил здесь не о *форме правления*, а о *состоянии*, которое по необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть. Что Маркс здесь не имел в виду формы правления, это доказывается уже тем, что он держался взгляда, что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим» (стр. 20).

Мы нарочно привели полностью все это рассуждение, чтобы читатель мог ясно видеть, какими приемами оперирует «теоретик» Каутский.

Каутский пожелал подойти к вопросу таким образом, чтобы начать с определения «слова» диктатура.

Прекрасно. Подойти любым образом к вопросу — священное право всякого. Надо только отличать серьезный и честный подход к вопросу от нечестного. Кто хотел бы серьезно отнестись к делу при данном способе подхода к вопросу, тот должен бы дать *свое определение* «слова». Тогда вопрос был бы поставлен ясно и прямо. Каутский этого не делает. «Буквально, — пишет он, — слово диктатура означает уничтожение демократии».

Во-первых, это не определение. Если Каутскому угодно уклоняться от дачи определения понятию «диктатура», к чему было выбирать данный подход к вопросу?

Во-вторых, это явно неверно. Либералу естественно говорить о «демократии» вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «для какого класса?». Всякий знает, например, — и «историк» Каутский знает это тоже, — что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию среди рабовладельцев, для них? Всем известно, что нет.

«Марксист» Каутский сказал чудовищный вздор и неправду, ибо «забыл» о классовой борьбе...

Чтобы из либерального и лживого утверждения, данного Каутским, сделать марксистское и истинное, надо сказать: диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура.

Но, как ни истинно это утверждение, а определения диктатуры оно не дает.

Рассмотрим следующую фразу Каутского:

...«Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами»...

Подобно слепому щенку, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону, Каутский нечаянно наткнулся здесь на *одну* верную мысль (именно, что диктатура есть власть, не связанная никакими законами), но определения диктатуры *все же не дал* и сказал, кроме того, явную историческую неправду, будто диктатура означает власть одного лица. Это и грамматически неверно, ибо диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс, и т. д.

Дальше Каутский указывает отличие диктатуры от деспотизма, но, хотя его указание явно неверно, останавливаться на нем мы не будем, ибо это совершенно не относится к интересующему нас вопросу. Известна склонность Каутского от XX века поворачиваться к XVIII, а от XVIII к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории. От определения диктатуры пролетариата отлынивать посредством умствований о деспотизме есть либо крайняя глупость, либо весьма неискusstное мошенничество.

В итоге мы получаем, что, взявшись говорить о диктатуре, Каутский наговорил много заведомой неправды, но никакого определения не дал! Он мог бы, не полагаясь на свои умствен-

ные способности, прибегнуть к своей памяти и выложить из «ящичков» все случаи, когда Маркс говорит о диктатуре. Он получил бы, наверное, либо следующее, либо по существу совпадающее с ним, определение:

Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами.

И вот эту-то простую истину, истину, ясную как божий день для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи, каковой являются социал-империалисты всех стран), эту очевидную для всякого представителя эксплуатируемых, борющихся за свое освобождение, эту бесспорную для всякого марксиста истину приходится «войной отвоевывать» у учнейшего господина Каутского! Чем объяснить это? — Тем духом лакейства, которым пропитались вожди II Интернационала, ставшие презренными сикофантами на службе у буржуазии.

Сначала Каутский совершил подтасовку, заявив явный вздор, будто буквальный смысл слова диктатура означает единоличного диктатора, а потом он — на основании этой подтасовки! — заявляет, что у Маркса, значит, слова о диктатуре класса *имеют* не буквальный смысл (а такой, при котором диктатура не означает революционного насилия, а «мирное завоевание большинства при буржуазной», — это заметьте, — демократии).

Надо отличать, видите ли, «состояние» от «формы правления». Удивительно глубокомысленное различие, совсем вроде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей!

Каутскому *нужно* истолковать диктатуру, как «состояние господства» (это выражение буквально употреблено у него на следующей же, 21-ой, странице), ибо тогда *исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция*. «Состояние господства» есть состояние, в котором бывает любое большинство при... «демократии»!

Таким мошенническим фокусом *революция* благополучно *исчезает!*

Но мошенничество слишком грубое, и Каутского оно не спасет. Что диктатура предполагает и означает «состояние» неприятного для ренегатов *революционного насилия* одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь». Вздорность различения «состояния» и «формы правления» всплывает наружу. О форме правления говорить здесь тройне глупо, ибо всякий мальчик знает, что монархия и республика разные формы правления. Господину Каутскому нужно доказывать, что *обе* эти формы правления, как и все переходные «формы правления» при капитализме, суть лишь разновидности *буржуазного государства*, т. е. *диктатуры буржуазии*.

Говорить о формах правления, наконец, есть не только глупая, но и аляповатая фальсификация Маркса, который яснее ясного говорит здесь о форме или типе *государства*, а не о форме правления.

Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее *новою*, которая, по словам Энгельса, «не является уже в собственном смысле государством».

Каутскому все это надо замазать и изолгать — этого требует его ренегатская позиция.

Посмотрите, к каким жалким уверткам он прибегает.

Увертка первая. «Что Маркс не имел тут в виду формы правления, доказывается тем, что он считал возможным в Англии и Америке мирный переворот, т. е. демократическим путем»...

Форма правления тут решительно не при чем, ибо бывают монархии, не типичные для буржуазного *государства*, например, отличающиеся отсутствием военщины, и бывают республики, вполне в этом отношении типичные, например, с военщиной и с бюрократией. Это общеизвестный исторический и политический факт, и Каутскому не удастся его фальсифицировать.

Если бы Каутский хотел серьезно и честно рассуждать, он бы спросил себя: бывают ли исторические законы, касающиеся революции и не знающие исключения? Ответ был бы:

нет, таких законов нет. Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что Маркс однажды назвал «идеальным» в смысле среднего, нормального, типичного капитализма.

Далее. Было ли в 70-х годах нечто такое, что делало из Англии и Америки исключение *в рассматриваемом отношении*? Всякому, сколько-нибудь знакомому с требованием науки в области исторических вопросов, очевидно, что этот вопрос необходимо поставить. Не поставить его — значит фальсифицировать науку, значит играть в софизмы. А поставив этот вопрос, нельзя сомневаться в ответе: революционная диктатура пролетариата есть *насилие* против буржуазии; необходимость же этого насилия в *особенности* вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), — тем, что существует *военщина* и *бюрократия*. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, *не было*. (А теперь они и в Англии, и в Америке *есть*.)

Каутскому приходится буквально мошенничать на каждом шагу, чтобы прикрывать свое ренегатство!

И заметьте, как он показал здесь нечаянно свои ослиные уши: он написал: «мирно», т. е. *демократическим путем*!!

При определении диктатуры Каутский изо всех сил старался спрятать от читателя основной признак этого понятия, именно: революционное *насилие*. А теперь правда вылезла наружу: речь идет о противоположности *мирного* и *насильственного переворотов*.

Здесь зарыта собака. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации для того и нужны Каутскому, чтобы *отговориться* от *насильственной* революции, чтобы прикрыть свое отречение от нее, свой переход на сторону *либеральной* рабочей политики, т. е. на сторону буржуазии. Здесь зарыта собака.

«Историк» Каутский так бесстыдно фальсифицирует историю, что «забывает» основное: домонополистический капитализм — а апогеем его были именно 70-ые годы XIX века — отличался, в силу *экономических* его коренных свойств, которые в Англии и Америке проявились

особенно типично, наибольшими, сравнительно, миролюбивым и свободолюбивым. А империализм, т. е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по *экономическим* его коренным свойствам, отличается над меньшим миролюбивым и свободолюбивым, наибольшим повсеместным развитием военщины. «Не заметить» этого, при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот, значит опуститься до самого дюжинного лакея буржуазии.

Увертка вторая. Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была *всеобщим* голосованием, т. е. без лишения буржуазии ее избирательных прав, «*демократически*». И Каутский торжествует:

...«Диктатура пролетариата была, для Маркса» (или по Марксу) «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство» (bei überwiegendem Proletariat, S. 21).

Этот довод Каутского настолько забавен, что, поистине, испытываешь настоящее *embarras de richesses* (затруднение от обилия возражений). Во-первых, известно что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан, что, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. Причем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции, то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»??

Право же, видно, что Каутский пишет в такой стране, в которой полиция запрещает людям «скопом» смеяться, иначе Каутский был бы убит смехом.

В-третьих. Позволю себе почтительно напомнить наизусть знающему Маркса и Энгельса господину Каутскому следующую оценку Коммуны Энгельсом с точки зрения... «чистой демократии»:

«Видали ли когда-нибудь революцию эти господа» (антиавторитаристы)? «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, такая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»

Вот вам и «чистая демократия»! Как бы осмелел Энгельс того пошлого мещанина, «социал-демократа» (в французском смысле — 40-х годов и в общеевропейском — 1914—1918 годов), который вздумал бы вообще говорить о «чистой демократии» в обществе, разделенном на классы!

Но довольно. Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства.

Маркс и Энгельс подробнейшим образом анализировали Парижскую Коммуну, показали, что ее заслугой была попытка *разбить, сломать* «готовую государственную машину». Маркс и Энгельс этот вывод считали столь важным, что *только* эту поправку внесли в 1872 году к «устарелой» (частями) программе «Коммунистического Манифеста». Маркс и Энгельс показали, что Коммуна уничтожала армию и чиновничество, уничтожала *парламентаризм*, разрушала «паразитический нарост — государство» и т. д., а премудрый Каутский, надев ночной колпак, повторяет то, что тысячу раз говорили либеральные профессора, — сказки про «чистую демократию».

Недаром сказала Роза Люксембург 4 августа 1914 г., что немецкая социал-демократия теперь есть *смердящий труп*.

Увертка третья та: «Если мы говорим о диктатуре, как форме правления, то мы не можем говорить о диктатуре класса. Ибо класс, как мы уже заметили, может только гос-

подствовать, но не управлять»... Управляют же «организации» или «партии».

Путаете, безбожно путаете, господин «путаницы советник»! Диктатура не есть «форма правления», это смешной вздор. И Маркс говорит не о «форме правления», а о форме или типе *государства*. Это совсем не то, совсем не то. Совершенно неверно также, что не может управлять *класс*; такой вздор мог сказать только «парламентский кретин», ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме «правлящих партий». Любая европейская страна покажет Каутскому примеры управления ее господствующим *классом*, например, помещиками в средние века, несмотря на их недостаточную организованность.

Итог. Каутский извратил самым неслыханным образом понятие диктатуры пролетариата, превратив Маркса в дюжинного либерала, т. е. докатился сам до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии», прикрашивая и затушевывая классовое содержание *буржуазной* демократии, чураясь всего более *революционного насилия* со стороны угнетенного класса. Когда Каутский «истолковал» понятие «революционной диктатуры пролетариата» таким образом, что исчезло революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями, то в деле либерального искажения Маркса был побит всемирный рекорд. Ренегат Бернштейн оказался щенком по сравнению с ренегатом Каутским.

Октябрь — ноябрь 1918 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 322—329.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ

Империалисты стран «Согласия» блокируют Россию, стремясь отрезать Советскую республику, как очаг заразы, от капиталистического мира. Эти люди, хвастающиеся «демократизмом» своих учреждений, до того ослеплены ненавистью к Советской республике, что не замечают, как они сами себя делают смешными. Подумать только: передовые, наиболее цивилизованные и «демократические» страны, вооруженные до зубов, господствующие в военном отношении безраздельно над всей землей, боятся, как огня, *идейной* заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению — даже полудикой, страны!

Одно уже это противоречие открывает глаза трудящимся массам всех стран и помогает разоблачать лицемерие империалистов Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона и их правительств.

Но не только ослепление капиталистов их ненавистью к Советам, а также и их грызня между собой помогают нам, побуждая их ставить подножки друг другу. Они заключили между собой настоящий заговор молчания, боясь пуще всего распространения правдивых известий о Советской республике вообще, официальных ее документов в особенности. Однако главный орган французской буржуазии «Время» («Le Temps») напечатал сообщение об основании в Москве III, Коммунистического Интернационала.

Мы приносим за это главному органу французской буржуазии, этому вождю французского шовинизма и империализма, нашу почтительнейшую благодарность. Мы готовы послать газете «Время» торжественный адрес в изъявление нашей признательности за то, что она так удачно и так умело нам помогает.

Из того, каким образом газета «Время» составила свое сообщение на основании нашего радио, видны с полной ясностью мотивы, руководившие этим органом денежного мешка. Ему хотелось подпустить шпильку Вильсону, уколоть его: смотрите, дескать, каковы те, с кем вы допускаете переговоры! Мудрецы, пишущие по заказу денежного мешка, не замечают, как их запугивание Вильсона большевиками превращается, в глазах трудящихся масс, в рекламу для большевиков. Еще раз: наша почтительнейшая благодарность органу французских миллионеров!

Основание III Интернационала произошло в такой мировой обстановке, что никакие запрещения, никакие мелкие и мизерные уловки империалистов «Согласия» или лакеев капитализма, как Шейдеманы в Германии, Ренеры в Австрии, не способны помешать распространению в рабочем классе всего мира вести об этом Интернационале и сочувствия к нему. Обстановку эту создала явно растущая всюду, не по дням, а по часам, пролетарская революция. Обстановку эту создало *советское* движение среди трудящихся масс, которое достигло уже такой силы, что стало действительно *международным*.

Первый Интернационал (1864—1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал. Второй Интернационал (1889—1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел *вширь*, что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала.

Третий Интернационал фактически создан в 1918 г., когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны, привел к образо-

ванию коммунистических партий в ряде наций. Формально III Интернационал основан на его первом съезде, в марте 1919 г., в Москве. И характернейшая черта этого Интернационала, его призвание: выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения, — эта характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое, третье, «Международное общество рабочих» стало *уже теперь совпадать*, в известной мере, с *Союзом Советских Социалистических Республик*.

Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм.

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелкобуржуазную, скверную и *начал осуществлять* диктатуру пролетариата.

Международный союз партий, руководящих самым революционным движением в мире, движением пролетариата к свержению ига капитала, имеет теперь под собой невиданную по прочности базу: несколько *Советских республик*, которые в международном масштабе воплощают в жизнь диктатуру пролетариата, его победу над капитализмом.

Всемирно-историческое значение III, Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата.

Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью.

Эти латинские слова переведены теперь на все народные языки современной Европы, — мало того: на все языки мира.

Началась новая эпоха всемирной истории.

Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое или наемное рабство.

Освобождаясь от рабства, человечество впервые переходит к настоящей свободе.

Как могло случиться, что первой страной, которая осуществила диктатуру пролетариата, организовала Советскую республику, оказалась одна из наиболее отсталых европейских стран? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно это противоречие между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма, через буржуазную демократию к советской или пролетарской демократии, именно это противоречие было одной из причин (помимо гнета над большинством вождей социализма оппортунистических привычек и филистерских предрассудков), которая особенно затруднила или замедлила понимание роли Советов на Западе.

Рабочие массы инстинктом уловили, во всем мире, значение Советов, как орудия борьбы пролетариата и как формы пролетарского государства. Но испорченные оппортунизмом «вожди» продолжали и продолжают молиться на буржуазную демократию, называя ее «демократией» вообще.

Удивительно ли, что осуществление диктатуры пролетариата показало прежде всего «противоречие» между отсталостью России и ее «скачком» *через* буржуазную демократию? Удивительно было бы, если бы осуществление *новой* формы демократии история подарила нам *без* ряда противоречий.

Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: «Вероятен ли равномерный или гармонически-пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата?» — ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно.

Когда Франция прodelывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контрреволюционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм, на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата поодиночке и по-разному в разных странах.

Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с обуржуазившейся аристократией создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и в 1871 годах. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х г.г. XIX века, когда Германия была экономически позади и Англии и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе эти страны, т. е. ко второму десятиетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшей капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями.

Когда Карл Каутский был еще марксистом, а не тем ренегатом марксизма, каким он стал в качестве борца за единство с Шейдеманом и за буржуазную демократию против советской или пролетарской, он писал в самом начале XX века статью: «Славяне и революция». В этой статье он излагал те исторические условия, которые намечали возможность перехода к славянам гегемонии в международном революционном движении.

Так вышло. На время — само собою разумеется, лишь на короткое время — гегемония в революционном пролетарском Интернационале перешла к русским, как она была в различные периоды XIX века у англичан, потом у французов, потом у немцев.

Мне приходилось говорить уже не раз: по сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* великую пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжать* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества.

Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная — для Европы XX века — политическая отсталость царской монархии вызывала необычную силу революционного натиска масс. Во-вторых, отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков. Мы с этого начали в Октябре 1917 г., и мы не победили бы тогда так легко, если бы мы не начали с этого. Маркс еще в 1856 г. указывал, говоря о Пруссии, на возможность своеобразного сочетания пролетарской революции с крестьянской войной. Большевики с начала 1905 г. отстаивали идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В-третьих, революция 1905 г. чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян как в смысле ознакомления их авангарда с «последним словом» социализма на Западе, так и в смысле революционного *действия* масс. Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 г., революции в 1917 г., как буржуазная, Февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны. В-четвертых, географические условия России позволяли ей дольше, чем другим странам, держаться против военного перевеса капиталистических, передовых стран. В-пятых, своеобразное отношение пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, облегчало влияние пролетариев города на полупролетарские, беднейшие слои трудящихся в деревне. В-шестых, долгая школа стачечной борьбы и опыт европейского массового рабочего движения облегчали возникновение при глубокой и быстро

обостряющейся революционной ситуации такой своеобразной формы пролетарской революционной организации, как *Советы*.

Этот перечень, конечно, не полон. Но им можно пока ограничиться.

Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская Советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть, как *новый тип государства*. Она стоит уже теперь не одиноко.

Для продолжения работы строительства социализма, для доведения ее до конца требуется еще очень и очень многое. Советские республики стран более культурных, с большим весом и влиянием пролетариата, имеют все шансы обогнать Россию, раз они встанут на путь диктатуры пролетариата.

Обанкротившийся II Интернационал умирает теперь и разлагается заживо. Он играет фактически роль прислужника международной буржуазии. Это настоящий желтый Интернационал. Его крупнейшие идейные вожди, вроде Каутского, прославляют *буржуазную демократию*, называя ее «демократией» вообще или — что еще глупее и еще грубее — «чистой демократией».

Буржуазная демократия отжила, как отжил и II Интернационал, делавший исторически-необходимую, полезную работу, когда на очереди дня стояла подготовка рабочих масс в рамках этой буржуазной демократии.

Самая демократическая буржуазная республика не была никогда и не могла быть ничем иным, как машиной для подавления трудящихся капиталом, как орудием политической власти капитала, диктатурой буржуазии. Демократическая буржуазная республика обещала власть большинству, провозглашала ее, но никогда не могла осуществить ее, пока существовала частная собственность на землю и прочие средства производства.

«Свобода» в буржуазной демократической республике была на деле свободой *для богатых*. Пролетарии и трудящиеся крестьяне могли и должны были использовать ее

для подготовки своих сил к свержению капитала, к преодолению буржуазной демократии, но *фактически* пользоваться демократией при капитализме трудящиеся массы, по общему правилу, не могли.

Впервые в мире советская или пролетарская демократия создала *демократию* для масс, для трудящихся, для рабочих и мелких крестьян.

Никогда еще не было в мире такой государственной власти *большинства* населения, власти этого большинства *на деле*, как Советская власть.

Она подавляет «свободу» эксплуататоров и их пособников, она отнимает у них «свободу» эксплуатировать, «свободу» наживаться на голоде, «свободу» борьбы за восстановление власти капитала, «свободу» соглашения с иноземной буржуазией против отечественных рабочих и крестьян.

Пусть Каутские защищают такую свободу. Для этого надо быть ренегатом марксизма, ренегатом социализма.

Ни в чем крах идейных вождей II Интернационала, таких как Гильфердинг и Каутский, не выразился так ярко, как в их полной неспособности понять значение советской или пролетарской демократии, ее отношения к Парижской Коммуне, ее исторического места, ее необходимости, как формы диктатуры пролетариата.

В № 74 газеты «Свобода» («Die Freiheit»), органе «независимой» (читай: мещанской, филистерской, мелкобуржуазной) германской социал-демократии, помещено 11 февраля 1919 года воззвание «К революционному пролетариату Германии».

Это воззвание подписано правлением партии и всей ее фракцией в «Национальном Собрании», в германской «учредилке».

Это воззвание обвиняет Шейдеманов в стремлении устранить *Советы* и предлагает — не шутите! — *сочетать* Советы с учредилкой, дать Советам известные государственные права, известное место в конституции.

Помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата! Как это просто! Какая это гениально-филистерская идея!

Жаль только, что ее уже испытали при Керенском в России объединенные меньшевики и социалисты-революционеры, эти мелкобуржуазные демократы, мнящие себя социалистами.

Кто не понял, читая Маркса, что в капиталистическом обществе при каждом остром моменте, при каждом серьезном столкновении классов возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, тот ничего не понял ни в экономическом, ни в политическом учении Маркса.

Но гениально-филистерская идея Гильфердинга, Каутского и К^о о мирном соединении диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата требует особого разбора, если хотеть исчерпать экономические и политические нелепости, сгруженные в этом замечательнейшем и комичнейшем воззвании от 11 февраля. Приходится отложить это до другой статьи¹.

Москва, 15 апреля 1919 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 426—431.

¹ См. Соч., 3 изд., т. XXIV, стр. 317—324. *Ред.*

ПРИВЕТ ВЕНГЕРСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи! Вести, которые мы получаем от венгерских советских деятелей, наполняют нас восторгом и радостью. Всего два с небольшим месяца существует Советская власть в Венгрии, а в смысле организованности венгерский пролетариат, видимо, уже обогнал нас. Это понятно, ибо в Венгрии выше общий культурный уровень населения, затем неизмеримо выше доля промышленных рабочих во всем населении (трехмиллионный Будапешт на 8 миллионов населения теперешней Венгрии), наконец, и переход к советскому строю, к диктатуре пролетариата был в Венгрии несравненно более легким и мирным.

Это последнее обстоятельство особенно важно. Большинство социалистических вождей в Европе, как социал-шовинистского, так и каутскианского направления, так погрязло в предрассудках чисто мещанских, воспитанных десятилетиями сравнительно «мирного» капитализма и буржуазного парламентаризма, что понять Советской власти и диктатуры пролетариата они не могут. Пролетариат не в состоянии совершить своей всемирно-исторической освободительной миссии, не устранив с своей дороги этих вождей, не удаляя их прочь. Эти люди верили, целиком или наполовину, буржуазной лжи про Советскую власть в России и не сумели отличить сущности новой, пролетарской демократии, демократии для трудящихся, демократии социалистической, воплощенной в Советской власти, от буржуазной демократии, перед которой они рабски

преклоняются, называя ее «чистой демократией» или «демократией» вообще.

Эти слепые, забытые буржуазными предрассудками, люди не поняли всемирно-исторического поворота от буржуазной к пролетарской демократии, от буржуазной к пролетарской диктатуре. Они смешивали ту или иную особенность русской Советской власти, русской истории, ее развитие с Советской властью в ее международном значении.

Венгерская пролетарская революция помогает даже слепцам прозреть. Форма перехода к диктатуре пролетариата в Венгрии совсем не та, что в России: добровольная отставка буржуазного правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма *на коммунистической программе*. Сущность Советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися и пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире, кроме как Советская власть, кроме как диктатура пролетариата.

Эта диктатура предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата.

Но не в одной насилиии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилиии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит

о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму.

В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитает диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «привычному», старому, «исконному» капитализму.

Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, сила его организованности и дисциплинированности, его централизованная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог *вести за собой крестьянство* и все мелкобуржуазные слои вообще. Тут фразерством о «демократии» вообще, о «единстве» или о «единстве трудовой демократии», о «равенстве» всех «людей труда» и так далее и тому подобное, — этим фразерством, на которое так склонны омещанившиеся социал-шовинисты и каутскианцы, — фразерством делу не поможешь. Фразерство только засоряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии.

Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая после свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее.

Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии должен пролетариат отстоять свою власть, укрепить свое организующее влияние, добиться «нейтрализации» тех слоев, которые боятся отойти от буржуазии и идут слишком нетвердо за пролетариатом, закрепить новую дисциплину, товарищескую дисциплину трудящихся, их прочную связь с пролетариатом, их объединенность вокруг пролетариата, эту новую дисциплину, новую основу общественной связи, на место крепостнической дисциплины в средние века, на место дисциплины голода, дисциплины «вольно»-наемного рабства при капитализме.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством насчет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает «свободу и равенство» *товаровладельцев*, «свободу и равенство» *капиталиста и рабочего*).

Мало того. Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупно-капиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, — только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему, — только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции», — только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать

уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку.

Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов. Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел — вот законная участь труса на войне.

Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне. Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию.

Будьте тверды! Победа будет за вами!

27.V.1919.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 432—435.

ИЗ БРОШЮРЫ: ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

**О ГЕРОИЗМЕ РАБОЧИХ В ТЫЛУ.
ПО ПОВОДУ «КОММУНИСТИЧЕСКИХ СУББОТНИКОВ»**

Я привел с наибольшей подробностью и полнотой сведения о коммунистических субботниках, ибо здесь, несомненно, мы наблюдаем одну из важнейших сторон коммунистического строительства, на которую наша печать обращает недостаточно внимания и которую мы все недостаточно еще оценили.

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача, преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (вроде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каком заговоре участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эсеров включительно). Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата, — как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим и в речи 12 марта на заседании Петроградского Совдепа¹, — не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

¹ См. Соч., 3 изд., т. XXIV, стр. 32—37. *Ред.*

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его.)

Ошибка «Бернского», желтого, Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть *тоже* период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарковского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает *только* из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, *только* пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ; во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения; в-третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к полупролетариям, т. е. к людям, постоянно часть года проводившим по-пролетарски, постоянно снискивавшим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои Бернского, желтого, Интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политиче-

скую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, причем эти отношения складываются не в фантастически-гармоничной, «идеальной», обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России, — а трудящегося населения и подавно — тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистская война, — т. е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, — необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплуататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплуататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелкобуржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую, общественную связь, общественную дисциплину: дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного, авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся

и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

* * *

«Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни.

Один из немногих — вернее даже будет сказать: один из исключительно редких буржуазных демократов Германии, перешедших после уроков 1870—1871 г.г. не к шовинизму и не к национал-либерализму, а к социализму, И. Якоби, сказал, что основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой. Это справедливо. Сражение под Садовой¹ решало вопрос о первенстве

¹ Битва под Садовой (в Чехии) 3 июля 1866 г., во время австро-прусской войны, решила исход войны в пользу Пруссии. *Ред.*

одной из двух буржуазных монархий, австрийской или прусской, в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом к всемирной победе пролетариата над буржуазией. Так и мы можем сказать, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 г. железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистской войне 1914—1918 годов. Победы империалистов есть бойня миллионов рабочих из-за прибылей англо-американских и французских миллиардеров, есть зверство гибнущего, обожравшегося, заживо гниющего капитализма. Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн.

Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется, издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды «баобабом в горшке от резеды», смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам: если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую часть их на свою сторону. Злорадство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять — все это орудия

и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции. Обмануть этим себя пролетариат не даст.

А если взять вопрос по существу, разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов? Полвека после падения крепостного права, в русской деревне оставалось еще немало пережитков крепостничества. Полвека после отмены рабства негров в Америке, положение негров там сплошь да рядом оставалось еще полурабским. Буржуазная интеллигенция, в том числе меньшевики и эсеры, верны себе, служа капиталу и сохраняя насквозь лживую аргументацию: до революции пролетариата они упрекали нас в утопизме, а после нее они требуют от нас фантастически быстрого изживания следов прошлого!

Но мы не утописты и знаем истинную цену буржуазных «аргументов», знаем также, что следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе, и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное, все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал 606-ой, удовлетворяющий известным требованиям, препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них.

«Коммунистические субботники» потому так важны, что начали их рабочие, вовсе не поставленные в исключительно хорошие условия, а рабочие разных специальностей, в том числе и рабочие без специальности, чернорабочие, поставленные в *обычные*, т. е. *самые тяжелые* условия. Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание. Последнее по важности занимает первое место. Голод — вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль. Московские чернорабочие и московские железнодорожники (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейщины), это — трудящиеся, которые живут в условиях, отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно *без всякой платы* и достигают *громдного повышения производительности труда*, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что

социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 г. голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик.

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве *вообще*, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран вплоть до нынешних подлых героев подлого бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем яснее, тем очевиднее, чем больше разворачивается содержание пролетарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного,

торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эсеров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к *условиям труда*. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «блаародного чеаека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, *будничного*, дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! Побольше заботы о том, чтобы эти необходимые голодному рабочему и оборванному, раздетому крестьянину пуд хлеба и пуд угля доставались *не торгашескими* сделками, не капиталистически, а сознательной, добровольной, беззаветно-героической работой простых тружеников, вот таких, как чернорабочие и железнодорожники Московско-Казанской железной дороги.

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического, прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма.

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем *чище* очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов

и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, оупляющею, забивающею. Настоящее *освобождение женщины*, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к *росткам* коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые *на деле* способны *освободить женщину*, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно — либо *торгашескими* предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они *начинают* менять свой характер. Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, *организаторских талантов*, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего

числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». Но мы *не ухаживаем*, как следует, за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что *ей* нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров *их* газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости! Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при *образцовой коммунистической работе*, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала — все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и *каждой* рабочей и крестьянской организации. Все это — ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность. Как ни трудно наше продовольственное и производственное положение, все же за полтора года большевистской власти движение вперед *по всему фронту* несомненно: заготовки хлеба поднялись с 30 миллионов пудов (с 1.VIII.1917 по 1.VIII.1918) до 100 миллионов пудов (с 1.VIII.1918 по 1.V.1919); огородное хозяйство увеличено, недосев хлебов уменьшен, железнодорожный транспорт начал улучшаться, несмотря на гигантские трудности с топливом, и так далее. На этом

общем фоне, и при поддержке пролетарской государственной власти, ростки коммунизма не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм.

* * *

Надо хорошенько продумать значение «коммунистических субботников», чтобы извлечь из этого великого почина все громадной важности практические уроки, которые из них вытекают.

Всесторонняя поддержка этого почина — первый и главный урок. Слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу уже объявляется «коммуной», — и при этом нередко забывается, что *столь почетное название надо завоевать* долгим и упорным трудом, завоевать доказанным *практическим* успехом в строительстве действительно коммунистическом.

Поэтому вполне правильно, по-моему, решение, созревшее у большинства ЦИК, *отменить* декрет Совнаркома в том, что касается *названия* «потребительских коммун». Пускай будет название попроще, — кстати, и недочеты, недостатки *первых* ступеней новой организаторской работы не будут взваливаться на «коммуны», а будут возлагаться (как это по справедливости и следует) на *плохих* коммунистов. Было бы очень полезно слово «коммуна» изгнать из *ходячего* употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или *признавать это наименование лишь* за действительными коммунами, которые действительно доказали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, умение поставить дело коммунистически. Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность «работать по-революционному», способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием «коммуны»!

В этом отношении «коммунистические субботники» — самое ценное исключение. Ибо здесь чернорабочие и желез-

нодорожные рабочие Московско-Казанской железной дороги *сначала* показали *на деле*, что они способны работать как коммунисты, а потом присвоили своему почину название «коммунистических субботников». Надо добиваться и добиться, чтобы это и впредь было так, чтобы все и каждый, кто называет свое предприятие, учреждение или дело коммуной, *не доказывая* тяжелым трудом и практическим *успехом* *долгого труда*, образцовой и действительно коммунистической постановкой дела, высмеивался беспощадно и предавался позору, как шарлатан или пустомеля.

Великий почин «коммунистических субботников» должен быть использован также в другом отношении, именно: для *чистки* партии. Совершенно неизбежно, что в первое время после переворота, когда особенно боязливо относилась масса «честных» и обывательски настроенных людей, когда буржуазная интеллигенция, включая, разумеется, меньшевиков и эсеров, поголовно саботировала, лакействуя перед буржуазией, совершенно неизбежно, что к партии правящей примазывались авантюристы и прочие вреднейшие элементы. Ни одной революции без этого не было и быть не может. Все дело в том, чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить чистку своих рядов.

В этом отношении мы начали работу давно. Надо продолжать ее неуклонно и неустанно. Мобилизация коммунистов на войну нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! *Такое* уменьшение числа членов партии есть *громадное увеличение* ее силы и веса. Надо продолжать чистку, используя почин «коммунистических субботников»: принимать в партию только после полугодового, скажем, «искуса» или «стажа», состоящего в «работе по-революционному». Такой же проверки потребовать от всех членов партии, вступивших позже 25 октября 1917 г. и не доказавших особыми трудами или заслугами своей безусловной надежности, верности и способности быть коммунистами.

Чистка партии, связанная с неуклонным *повышением ее требовательности* насчет работы действительно коммунистической, будет *улучшать аппарат* государственной власти

и гигантски приближать *окончательный переход* крестьян на сторону революционного пролетариата.

«Коммунистические субботники», между прочим, пролили необыкновенно яркий свет на классовый характер аппарата государственной власти при диктатуре пролетариата. ЦК партии пишет письмо о «работе по-революционному». Мысль подана Центральным Комитетом партии в 100—200 тысяч членов (предполагаю, что столько останется после серьезной чистки, ибо теперь больше).

Мысль подхвачена профессионально-организованными рабочими. Их числится у нас, в России и на Украине, до 4 миллионов человек. Они в гигантском большинстве за пролетарскую государственную власть, за диктатуру пролетариата. 200 тысяч и 4 миллиона — вот соотношение «зубчатых колес», если позволительно так выразиться. А дальше идут *десятки миллионов* крестьянства, которое распадается на три главные группы: самая многочисленная и самая близкая к пролетариату, полупролетарии или беднота; затем среднее крестьянство; наконец, весьма немногочисленная — кулаки или деревенская буржуазия.

Пока остается возможность торговать хлебом и спекулировать на голоде, крестьянин остается (и это неизбежно на известный период времени при диктатуре пролетариата) полутружеником, полуспекулянт. Как спекулянт, он враждебен нам, враждебен пролетарскому государству, он склонен соглашаться с буржуазией и ее верными лакеями, вплоть до меньшевика Шера или эсера Б. Черненкова, стоящими за свободу торговли хлебом. Но *как труженик*, крестьянин — друг пролетарского государства, вернейший союзник рабочего в борьбе против помещика и против капиталиста. Как труженик, крестьянин своей громадной, многомиллионной массой поддерживает ту «машину» государства, которая возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев.

Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами, государства *на свете еще не бывало*.

Именно такая пролетарская работа, которая знаменуется «коммунистическими субботниками» и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа — и только она — окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте, в правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником, а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма.

Июнь 1919 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 441—452.

О ГОСУДАРСТВЕ

ЛЕКЦИЯ В СВЕРДЛОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
11 ИЮЛЯ 1919 г.

Товарищи, предметом сегодняшней нашей беседы по тому плану, который у вас принят и мне был сообщен, является вопрос о государстве. Я не знаю, насколько знакомы вы уже с этим вопросом. Если я не ошибаюсь, курсы ваши только что открыты, и вам приходится в первый раз систематически к этому вопросу подходить. Если это так, то очень может быть, что в первой лекции об этом трудном вопросе мне не удастся достигнуть достаточной ясности изложения и понимания для многих из слушателей. И если бы это оказалось так, то я прошу вас этим не смущаться, потому что вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами. Поэтому никогда не следует ждать, чтобы можно было в краткой беседе, за один раз достигнуть полного выяснения этого вопроса. Следует после первой беседы об этом отметить себе непонятные или неясные места, чтобы вернуться к ним второй, третий и четвертый раз, чтобы то, что осталось непонятным, дополнить и выяснить дальше, впоследствии, как из чтения, так и из отдельных лекций и бесед. Я надеюсь, что нам удастся собраться еще раз, и тогда по всем дополнительным вопросам можно будет обменяться мнениями и проверить, что осталось наиболее неясного. Я надеюсь также, что в дополнение к беседам и лекциям вы посвятите известное время чтению хотя бы некоторых из главнейших

произведений Маркса и Энгельса. Нет сомнения, что в указателе литературы и в пособиях, которые учащимся советской и партийной школы предоставлены в библиотеке, которая у вас имеется, — несомненно, что вы эти главные произведения найдете, и хотя опять-таки сразу кое-кого, может быть, и отпугнет трудность изложения, — надо опять предупредить, что этим не следует смущаться, что непонятное на первый раз при чтении будет понятно при повторном чтении, или когда вы подойдете к вопросу впоследствии с несколько иной стороны, ибо еще раз повторяю, что вопрос такой сложный и так запутан буржуазными учеными и писателями, что к этому вопросу каждому человеку, который хочет его серьезно продумать и самостоятельно усвоить, необходимо подходить несколько раз, возвращаться к нему опять и опять, обдумывать вопрос с разных сторон, чтобы добиться ясного и твердого понимания. А возвращаться вам к этому вопросу будет тем легче, что это такой основной, такой коренной вопрос всей политики, что не только в такое бурное, революционное время, как переживаемое теперь нами, но и в самые мирные времена вы каждый день в любой газете по любому экономическому или политическому вопросу всегда наткнетесь на вопрос: что такое государство, в чем его сущность, в чем его значение и каково отношение нашей партии, партии, борющейся за свержение капитализма, партии коммунистов, каково отношение ее к государству, — каждый день вы к этому вопросу по тому или иному поводу вернетесь. И самое главное, чтобы в результате ваших чтений, бесед и лекций, которые вы услышите о государстве, вы вынесли умение подходить к этому вопросу самостоятельно, так как этот вопрос будет вам встречаться по самым разнообразным поводам, по каждому мелкому вопросу, в самых неожиданных сочетаниях, в беседах и спорах с противниками. Только тогда, если вы научитесь самостоятельно разбираться по этому вопросу, — только тогда вы можете считать себя достаточно твердыми в своих убеждениях и достаточно успешно отстаивать их перед кем угодно и когда угодно.

После этих небольших замечаний я перейду к самому вопросу, что такое государство, как оно возникло и каково

в основном должно быть отношение к государству партии рабочего класса, борющейся за полное свержение капитализма, — партии коммунистов.

Я уже говорил о том, что едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве. Очень часто этот вопрос смешивают до сих пор с вопросами религиозными, очень часто не только представители религиозных учений (от них-то это вполне естественно ожидать), но и люди, которые считают себя от религиозных предрассудков свободными, смешивают специальный вопрос о государстве с вопросами о религии и пытаются построить — очень часто сложное, с идейным философским подходом и обоснованием — учение о том, что государство есть нечто божественное, нечто сверхъестественное, что это некоторая сила, которой жило человечество и которая дает людям или имеет дать, несет с собой нечто не от человека, а извне ему данное, что это — сила божественного происхождения. И надо сказать, что это учение так тесно связано с интересами эксплуататорских классов — помещиков и капиталистов, — так служит их интересам, так глубоко пропитало все привычки, все взгляды, всю науку господ буржуазных представителей, что с остатками его вы встретитесь на каждом шагу, вплоть до взгляда на государство у меньшевиков и эсеров, которые с негодованием отрицают мысль, что они находятся в зависимости от религиозных предрассудков, и уверены, что могут трезво смотреть на государство. Вопрос этот так запутан и усложнен потому, что он (уступая в этом отношении только основаниям экономической науки) затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос. Учение о государстве служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ожидать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать вам точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка. В вопросе

о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите, когда познакомитесь с вопросом и вникнете в него достаточно, всегда увидите борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства.

Для того чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.

Я надеюсь, что по вопросу о государстве вы ознакомитесь с сочинением Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнести к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала. Нет сомнения, что в этом сочинении не все части одинаково доступно, понятно изложены: некоторые предполагают читателя, обладающего уже известными историческими и экономическими познаниями. Но опять скажу: не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком. Напоминаю об этой книге потому, что она дает правильный подход к вопросу в указанном отношении. Начинается она с исторического очерка, как государство возникло.

Чтобы правильно подойти к этому вопросу, как и ко всякому вопросу, например, к вопросу о возникновении капитализма, эксплуатации между людьми, к социализму, к тому, как появился социализм, какие условия его породили, — ко всякому такому вопросу можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом. По этому вопросу прежде всего надо обратить внимание на то, что государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые.

До тех пор, как возникла первая форма эксплуатации человека человеком, первая форма деления на классы — рабовладельцев и рабов, — до тех пор существовала еще патриархальная, или — как ее иногда называют — *клановая* (клан — поколение, род, когда люди жили родами, поколениями) семья, и следы этих первобытных времен в быту многих первобытных народов остались достаточно определенно, и если вы возьмете какое угодно сочинение по первобытной культуре, то всегда натолкнетесь на более или менее определенные описания, указания и воспоминания о том, что было время, более или менее похожее на первобытный коммунизм, когда деления общества на рабовладельцев и рабов не было. И тогда не было государства, не было особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Такой аппарат и называется государством.

В первобытном обществе, когда люди жили небольшими родами, еще находясь на самых низших ступенях развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий, — в то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами, — положение женщины тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение, — но нигде не видим особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управ-

ления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время, как вы все понимаете, вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, — то, что составляет сущность государства.

Если от тех так называемых религиозных учений, ухищрений, философских построений, тех разнообразных мнений, которые строят буржуазные ученые, отвлечься и поискать настоящей сути дела, то увидим, что государство сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления. Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр., — тогда появляется государство.

Но было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, и когда особого разряда людей — специалистов, чтобы управлять, не было. История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого.

И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было

вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы примитивны они тогда ни были, но она владела также и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами.

За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между людьми изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности. На практике, как вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства.

Далее, — в крепостном обществе, по мере развития торговли, возникновения всемирного рынка, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс — класс капиталистов. Из товара, из обмена товаров, из возникновения власти денег возникала власть капитала. В течение XVIII века, вернее — с конца XVIII века, и в течение XIX века произошли революции во всем мире. Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всего произошло это в России. В России в 1861 г. тоже произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом, при котором деление на классы осталось,

остались различные следы и пережитки крепостного права, но в основном деление на классы получило иную форму.

Владельцы капитала, владельцы земли, владельцы фабрик и заводов представляли и представляют во всех капиталистических государствах ничтожное меньшинство населения, целиком распоряжающееся всем народным трудом и, значит, держащее в своем распоряжении, угнетении, эксплуатации всю массу трудящихся, из которых большинство является пролетариями, наемными рабочими, в процессе производства получающими средства к жизни только от продажи своих рабочих рук, рабочей силы. Крестьяне, разрозненные и придавленные еще в крепостное время, с переходом к капитализму превращались частью (в большинстве) в пролетариев, частью (в меньшинстве) в зажиточное крестьянство, которое само нанимало рабочих и представляло собою буржуазию деревенскую.

Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.

Если вы с точки зрения этого основного деления посмотрите на государство, то увидите, что до деления общества на классы, как я уже сказал, не существовало и государства.

Но по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство. Мы имеем в истории человечества десятки и сотни стран, переживших и переживающих сейчас рабство, крепостничество и капитализм. В каждой из них, несмотря на громадные исторические перемены, которые происходили, несмотря на все политические перипетии и все революции, которые были связаны с этим развитием человечества, с переходом от рабства через крепостничество к капитализму и к теперешней всемирной борьбе против капитализма, — вы всегда видите возникновение государства. Оно всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять. Люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государства. Этот аппарат, эта группа людей, которые управляют другими, всегда забирает в свои руки известный аппарат принуждения, физической силы, — все равно, выражается ли это насилие над людьми в первобытной дубине, или в эпоху рабства в более усовершенствованном типе вооружения, или в огнестрельном оружии, которое в средние века появилось, или, наконец, в современном, которое в XX веке достигло технических чудес и целиком основано на последних достижениях современной техники. Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи. И, всматриваясь в эти общие явления, задаваясь вопросом, почему не существовало государство, когда не было классов, когда не было эксплуататоров и эксплуатируемых, и почему оно возникло, когда возникли классы, — мы только так находим определенный ответ на вопрос о сущности государства и его значении.

Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим. Когда в обществе не было классов, когда люди до рабской эпохи существования трудились в первобытных условиях большего равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом. Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство.

И оно явилось — государство рабовладельческое, — аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами. И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий. Но был все же аппарат, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой. Принуждать одну преобладающую часть общества к систематической работе на другую нельзя без постоянного аппарата принуждения. Пока не было классов — не было и этого аппарата. Когда появились классы, везде и всегда вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт — государство. Формы государства были чрезвычайно разнообразны.

Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного, республика — как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая.

Во всяком курсе истории древних времен, выслушав лекцию об этом предмете, вы услышите о борьбе, которая была между монархическим и республиканским государствами, но основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь. Закон об убийстве, не говоря уже о других законах охраны человеческой личности, не относился к рабам. Он защищал только рабовладельцев, как единственно признававшихся полноправными гражданами. Но учреждалась ли монархия — это была монархия рабовладельческая, или республика — это была республика рабовладельческая. В них всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону, и над ними возможно было не только какое угодно насилие, но и убийство раба не считалось преступлением. Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов. Это основное обстоятельство надо иметь в виду, потому что оно больше всего проливает свет на вопрос о государстве и ясно показывает сущность государства.

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы. Форма этой машины бывает различна. В рабовладельческом государстве мы имеем монархию, аристократическую республику или даже демократическую республику. В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей. То же самое мы видим и в крепостном государстве.

Перемена формы эксплуатации превращала рабовладельческое государство в крепостническое. Это имело громадное значение. В рабовладельческом обществе — полное бесправие раба, он не признавался за человека; в крепостническом — привязанность крестьянина к земле. Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик; другую часть дней крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве. Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян, открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства. Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму. В средние века крепостное

право преобладало. И здесь формы государства были разнообразны, и здесь мы имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно.

И при рабстве, и при крепостном праве господство небольшого меньшинства людей над громадным большинством их не может обходиться без принуждения. Вся история полна непрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства. Между прочим, имя «спартаковцы», которое взято теперь коммунистами Германии, — этой единственной германской партией, действительно борющейся против ига капитализма, — это имя взято ими потому, что Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию. В конце концов, они были перебиты, схвачены, подверглись пыткам со стороны рабовладельцев. Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества. Я сейчас привел пример самой крупной из таких гражданских войн в эпоху рабовладения. Вся эпоха крепостного права равным образом полна постоянных восстаний крестьян. В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между двумя классами: помещиками и крепостными. Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России.

Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть по-

мещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство, которое в России, например, или в совершенно отсталых азиатских странах, где до сих пор крепостничество господствует — по форме оно отличалось — было или республиканское, или монархическое. Когда государство было монархическое — признавалась власть одного; когда оно было республиканское — признавалось более или менее участие выборных от помещичьего общества, — это в обществе крепостническом. Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей.

Развитие торговли, развитие товарообмена привело к выделению нового класса — капиталистов. Капитал возник в конце средних веков, когда мировая торговля после открытия Америки достигла громадного развития, когда увеличилось количество драгоценных металлов, когда серебро и золото стали орудием обмена, когда денежный оборот дал возможность держать громадные богатства в одних руках. Серебро и золото признавались как богатство во всем мире. Пали экономические силы помещичьего класса, и развивалась сила нового класса — представителей капитала. Перестройка общества происходила таким образом, чтобы все граждане стали как бы равными, чтобы отпало прежнее деление на рабовладельцев и рабов, чтобы все считались равными перед законом, независимо от того, кто каким капиталом владеет — землей ли на правах частной собственности, или это голяк, у которого одни рабочие руки, — все равны перед законом. Закон одинаково охраняет всех, охраняет собственность, у кого она есть, от покушений против собственности со стороны той массы, которая, не имея собственности, не имея ничего, кроме своих рук, постепенно нищает, разоряется и превращается в пролетариев. Таково капиталистическое общество.

Я не могу на этом останавливаться подробно. К этому вопросу вы еще вернетесь, когда будете беседовать о программе партии, — там вы услышите характеристику капиталистического общества. Это общество выступило против

крепостничества, против старого крепостного права с лозунгом свободы. Но это была свобода для того, кто владеет собственностью. И когда крепостное право было разрушено, что произошло к концу XVIII — началу XIX века — в России это произошло позднее других стран, в 1861 г., — тогда на смену крепостническому государству пришло государство капиталистическое, которое объявляет своим лозунгом свободу всенародную, говорит, что оно выражает волю всего народа, отрицает, что оно классовое государство, и тут между социалистами, которые борются за свободу всего народа, и капиталистическим государством развивается борьба, которая привела сейчас к созданию Советской социалистической республики и которая охватывает весь мир.

Чтобы понять борьбу, начатую с всемирным капиталом, чтобы понять сущность капиталистического государства, надо помнить, что капиталистическое государство, выступая против крепостнического, шло в бой с лозунгом свободы. Отмена крепостного права означала для представителей капиталистического государства свободу и оказывала им услугу постольку, поскольку крепостное право разрушалось и крестьяне получили возможность владеть, как полной собственностью, той землей, которую они купили путем выкупа, или частицей — из оброка, — на это государство не обращало внимания: оно охраняло собственность, каким бы путем она ни возникла, так как оно покоилось на частной собственности. Крестьяне превращались в частных собственников во всех современных цивилизованных государствах. Государство охраняло частную собственность и там, где помещик отдавал часть земли крестьянину, вознаграждало его посредством выкупа, продажи за деньги. Государство как бы заявляло: полную частную собственность мы сохраним, и оказывало ей всяческую поддержку и заступничество. Государство признавало эту собственность за каждым купцом, промышленником и фабрикантом. И это общество, основанное на частной собственности, на власти капитала, на полном подчинении всех неимущих рабочих и трудящихся масс крестьянства, — это общество объявляло себя господствующим на основании свободы. Борясь против крепостного права, оно объявило

собственность свободной и особенно гордилось тем, что будто государство перестало быть классовым.

Между тем государство по-прежнему оставалось машиной, которая помогает капиталистам держать в подчинении беднейшее крестьянство и рабочий класс, но по внешности оно было свободно. Оно объявляет всеобщее избирательное право, заявляет устами своих поборников, проповедников, ученых и философов, что это государство не классовое. Даже теперь, когда против него началась борьба Советских социалистических республик, они обвиняют нас, будто мы — нарушители свободы, что мы строим государство, основанное на принуждении, на подавлении одних другими, а они представляют государство всенародное, демократическое. Вот этот вопрос — о государстве — теперь, во время начала социалистической революции во всем мире, и как раз во время победы революции в некоторых странах, когда особенно обострилась борьба с всемирным капиталом, — вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым больным вопросом, фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности.

Какую бы партию мы ни взяли в России или в любой более цивилизованной стране, — почти все политические споры, расхождения, мнения вертятся сейчас около понятия о государстве. Является ли государство в капиталистической стране, в демократической республике, — особенно вроде такой, как Швейцария или Америка, — в самых свободных демократических республиках, является ли государство выражением народной воли, сводкой общенародного решения, выражением национальной воли и т. д., — или же государство есть машина для того, чтобы тамошние капиталисты могли держать свою власть над рабочим классом и крестьянством? Это — основной вопрос, около которого сейчас вертятся во всем мире политические споры. Что говорят о большевизме? Буржуазная пресса ругает большевиков. Вы не найдете ни одной газеты, которая бы не повторила ходячего обвинения против большевиков в том, что они являются нарушителями народовластия. Если наши меньшевики и социалисты-революционеры в простоте души (а может быть, и не в простоте,

или, может быть, это такая простота, о которой сказано, что она — хуже воровства) думают, что они являются открывателями и изобретателями обвинения против большевиков в том, что они нарушили свободу и народовластие, то они самым смешным образом заблуждаются. В настоящее время нет ни одной из богатейших газет богатейших стран, которые десятки миллионов употребляют на их распространение и в десятках миллионов экземпляров сеют буржуазную ложь и империалистическую политику, — нет ни одной из этих газет, которая не повторила бы этих основных доводов и обвинений против большевизма: что Америка, Англия и Швейцария, это — передовые государства, основанные на народовластии, большевистская же республика есть государство разбойников, что оно не знает свободы и что большевики являются нарушителями идеи народовластия и даже дошли до того, что разогнали учредилку. Эти страшные обвинения большевиков повторяются во всем мире. Обвинения эти подводят нас целиком к вопросу: что такое государство? Чтобы эти обвинения понять, чтобы в них разобраться и вполне сознательно к ним отнестись и разобраться не по слухам только, а иметь твердое мнение, надо ясно понять, что такое государство. Здесь мы имеем всякие капиталистические государства и все те учения в защиту их, которые создались до войны. Чтобы правильно подойти к решению вопроса, нужно отнестись критически ко всем этим учениям и взглядам.

Я уже назвал вам в помощь сочинение Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Здесь именно говорится, что всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было, — оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. А всеобщее избирательное право, Учредительное Собрание, парламент — это только форма, своего рода вексель, который нисколько не меняет дела по существу.

Форма господства государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна

форма, и другим — где другая, но по существу власть остается в руках капитала: есть ли цензовое право или другое, есть ли республика демократическая, и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма. Одна из самых демократических республик в мире — Северо-Американские Соединенные Штаты — и нигде так, как в этой стране (кто там побывал после 1905 г., тот наверно имеет об этом представление), нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке. Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют.

Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом. Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов. Буржуазная республика, парламент, всеобщее избирательное право — все это с точки зрения всемирного развития общества представляет громадный прогресс. Человечество шло к капитализму, и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, организованных по всему миру в партии, те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно. Вот почему все это в глазах самых широких масс людей получило такое большое значение. Вот почему перелом

кажется таким трудным. Не только сознательные лицемеры, ученые и попы поддерживают и защищают эту буржуазную ложь, что государство свободно и призвано защищать интересы всех, но и массы людей, искренне повторяющих старые предрассудки и не могущих понять перехода от старого капиталистического общества к социализму. Не только люди, находящиеся в прямой зависимости от буржуазии, не только те, которые находятся под гнетом капитала, или которые подкуплены этим капиталом (на службе у капитала состоит масса всякого рода ученых, художников, попов и т. д.), но и люди, просто находящиеся под влиянием предрассудков буржуазной свободы, все это ополчилось против большевизма во всем мире за то, что при своем основании Советская республика отбросила эту буржуазную ложь и открыто заявила: вы называете свое государство свободным, а на самом деле, пока есть частная собственность, ваше государство, хотя бы оно было демократической республикой, есть не что иное, как машина в руках капиталистов для подавления рабочих, и, чем свободнее государство, тем яснее это выражается. Пример этого — Швейцария в Европе, Северо-Американские Соединенные Штаты в Америке. Нигде капитал не господствует так цинично и беспощадно, и нигде это не видно с такой ясностью, как именно в этих странах, хотя это демократические республики, как бы ни были они изящно размалеваны, несмотря ни на какие слова о трудовой демократии, о равенстве всех граждан. На деле в Швейцарии и Америке господствует капитал, и всякие попытки рабочих добиться сколько-нибудь серьезного улучшения своего положения встречаются немедленной гражданской войной. В этих странах меньше солдат, постоянного войска, — в Швейцарии существует милиция, и каждый швейцарец имеет ружье у себя дома, в Америке до последнего времени не было постоянного войска, — и поэтому, когда случается стачка, буржуазия вооружается, нанимает солдат и подавляет стачку, и нигде это подавление рабочего движения не происходит с такой беспощадной свирепостью, как в Швейцарии и Америке, и нигде в парламенте не сказывается так сильно влияние капитала, как именно здесь. Сила капитала — все, биржа — все, а пар-

ламент, выборы — это марионетки, куклы... Но чем дальше, тем больше проясняются глаза рабочих, и тем шире распространяется идея Советской власти, особенно после той кровавой бойни, которую мы только что пережили. Все яснее становится для рабочего класса необходимость беспощадной борьбы с капиталистами.

Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е., если в ней не выполняется то, о чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство — машина, чтобы угнетать одних другими. И эту машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки, что государство есть всеобщее равенство, — это обман: пока есть эксплуатация, не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому. Ту машину, которая называлась государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть, — пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь. Мы эту машину отняли у капиталистов, взяли ее себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию, и, когда на свете не останется возможности эксплуатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, — лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы эту машину отдадим на слом. Тогда не будет государства, не будет эксплуатации. Вот точка зрения нашей коммунистической партии. Надеюсь, что к этому вопросу мы в следующих лекциях вернемся — и неоднократно.

Соч., 3 изд., т. XXIV, стр. 362–377.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

К двухлетнему юбилею Советской власти я задумал написать небольшую брошюру на тему, указанную в заглавии. Но в сутолоке повседневной работы мне не удалось до сих пор пойти дальше предварительной подготовки отдельных частей. Поэтому я решил сделать опыт краткого, конспективного изложения самых существенных, на мой взгляд, мыслей по данному вопросу. Разумеется, конспективный характер изложения несет с собой много неудобств и минусов. Но, может быть, для небольшой журнальной статьи окажется тем не менее достижимой скромная цель: дать постановку вопроса и канву для обсуждения его коммунистами разных стран.

I

Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается

этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И однако все рассуждения о переходе к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелкобуржуазной демократии (а таковыми являются, вопреки своему якобы социалистическому ярлычку, все представители II Интернационала, включая таких людей, как Макдональд и Жан Лонгэ, Каутский и Фридрих Адлер), отличаются полным забвением этой самоочевидной истины. Мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил.

II

В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом.

Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых,

пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися.

Мы говорим о «первых шагах» коммунизма в России (как говорит это и наша партийная программа, принятая в марте 1919 г.), ибо все эти условия осуществлены у нас лишь частью, или иными словами: осуществление этих условий находится лишь в начальной стадии. Сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г. (8 ноября 1917 г.), отменена частная собственность на землю, без вознаграждения крупных собственников, экспроприированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспроприированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и так далее. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от «рабочего контроля» к «рабочему управлению» фабриками, заводами, железными дорогами — это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено, но по отношению к земледелию это только-только начато («советские хозяйства», крупные хозяйства, организованные рабочим государством на государственной земле). Равным образом только-только начата организация различных форм товариществ мелких земледельцев, как переход от мелкого товарного земледелия к коммунистическому¹. То же самое надо сказать про государственную организацию распределения продуктов взамен частной торговли, т. е. государственную заготовку и доставку хлеба в города,

¹ Число советских хозяйств и земледельческих коммун в Советской России определяется приблизительно в 3.536 и 1.961; число земледельческих артелей в 3.696. Наше Центральное Статистическое Управление производит в настоящее время точную перепись всех советских хозяйств и коммун. Итоги начнут поступать в ноябре 1919 года.

промышленных продуктов в деревню. Ниже будут приведены имеющиеся по этому вопросу статистические данные.

Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы: мешочничество и спекуляция против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов), — вообще против государственного распределения продуктов.

III

Чтобы иллюстрировать эти абстрактные теоретические положения, приведем конкретные данные.

Государственная заготовка хлеба в России, по данным Компрода (Народного Комиссариата Продовольствия), с 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. дала около 30 миллионов пудов. За следующий год — около 110 миллионов пудов. За первые три месяца следующей (1919—1920) кампании заготовки, видимо, достигнут цифры около 45 миллионов пудов против 37 миллионов пудов за те же месяцы (август — октябрь) 1918 года.

Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом. Это улучшение достигается несмотря на неслыханные в мире трудности, причиняемые гражданской войной, которую русские и заграничные капиталисты организуют, напрягая все силы могущественнейших держав мира.

Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и прочее против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке

общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся.

Насколько именно победили мы уже капитализм в тот краткий срок, который был нам дан, и при тех невиданных в мире трудностях, при которых пришлось действовать, видно из следующих итоговых цифр. Центральное Статистическое Управление только что приготовило для печати данные о производстве и потреблении хлебов не по всей Советской России, а по 26 губерниям ее.

Итоги получились такие:

26 губерний Советской России	Население (миллионы)	Производство хлеба (без семян и без кормов) (миллионы пудов)	Доставлено хлеба:		Все количество хлеба, коим располагало население (миллионы пудов)	Потребление хлеба на 1 душу (пудов)
			Компродом	Мешочниками		
			Миллионы пудов			
Производящие губернии	Города... 4,4 Села... 28,6	— 625,4	20,9 —	20,6 —	41,5 481,8	9,5 16,9
Потребляющие губернии	Города... 5,9 Села... 13,8	— 114,0	20,0 12,1	20,0 27,8	40,0 151,4	6,8 11,0
Всего	(26 губ.) 52,7	739,4	53,0	68,4	714,7	13,6

Итак, приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешочники. Точное обследование питания городских рабочих в 1918 г. дало именно эту пропорцию. При этом за хлеб, доставленный государством, рабочий платит в *девять раз меньше*, чем мешочникам. Спекулятивная цена хлеба *вдесятеро* выше государственной цены. Так говорит точное изучение рабочих бюджетов.

IV

Приведенные данные, если хорошенько вдуматься в них, дают точный материал, рисующий все основные черты современной экономики России.

Трудящиеся освобождены от вековых угнетателей и эксплуататоров, помещиков и капиталистов. Этот шаг вперед действительной свободы и действительного равенства, шаг, по величине его, по размерам, по скорости невиданный в мире, не учитывается сторонниками буржуазии (в том числе мелкобуржуазными демократами), которые говорят о свободе и равенстве в смысле парламентарной буржуазной демократии, облыжно объявляя ее «демократией» вообще или «чистой демократией» (Каутский).

Но трудящиеся учитывают именно действительное равенство, действительную свободу (свободу от помещиков и от капиталистов) и потому так прочно стоят за Советскую власть.

В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще. Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался лучше горожанина*. Впервые крестьянин увидел свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода. Равенство при распределении земли установилось, как известно, максимальное: в громадном большинстве случаев крестьяне делят землю «по едокам».

Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом *не* самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой

переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Чтобы решить вторую, труднейшую, часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, — крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, — крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.

В этом разграничении *вся суть* социализма.

И неудивительно, что социалисты на словах, мелкобуржуазные демократы на деле (Мартовы и Черновы, Каутские и К^о) этой сути социализма не понимают.

Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое. Но все же разграничение возможно и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни. Крестьянина трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, торгаша, спекулянты и *их* государство, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплуататорам в течение веков, а это «воспитание», данное жизнью, *заставляет* крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка, обстановка товарного хозяйства, неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом.

Приведенные нами выше статистические данные показывают наглядно разницу между крестьянином-трудящимся и крестьянином-спекулянтом. Вот тот крестьянин, который дал в 1918—1919 г. голодным рабочим городов 40 миллионов пудов хлеба по твердым, государственным, ценам,

в руки государственных органов, несмотря на все недостатки этих органов, прекрасно сознаваемые рабочим правительством, но не устранимые в первый период перехода к социализму, вот этот крестьянин есть крестьянин-трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежнейший союзник его, родной брат в борьбе против ига капитала. А вот тот крестьянин, который продал из-под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене вдесятеро более высокой, чем государственная, используя нужду и голод городского рабочего, надувая государство, усиливая и порождая всюду обман, грабеж, мошеннические проделки, вот тот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть классовый враг рабочего, есть эксплуататор. Ибо иметь излишки хлеба, собранного с общегосударственной земли при помощи орудий, в создание которых вложен так или иначе труд не только крестьянина, но и рабочего и так далее, иметь излишки хлеба и спекулировать ими, значит быть эксплуататором голодного рабочего.

Вы — нарушители свободы, равенства, демократии — кричат нам со всех сторон, указывая на неравенство рабочего и крестьянина в нашей Конституции, на разгон учредилки, на насильственное отобрание излишков хлеба и т. п. Мы отвечаем: не было в мире государства, которое бы так много сделало для устранения того фактического неравенства, той фактической несвободы, от которых веками страдал крестьянин-труженик. Но с крестьянином-спекулянтом мы никогда не признаем равенства, как не признаем «равенства» эксплуататора с эксплуатируемым, сытого с голодным, «свободы» первого грабить второго. И с теми образованными людьми, которые не хотят понять этой разницы, мы будем обращаться как с белогвардейцами, хотя бы эти люди назывались демократами, социалистами, интернационалистами, Каутскими, Черновыми, Мартовыми.

V

Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры

пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.

Классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

Пролетариат был при капитализме классом угнетенным, классом, лишенным всякой собственности на средства производства, классом, который один только был непосредственно и всецело противопоставлен буржуазии и потому один только способен был быть революционным до конца. Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобщественными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Все это — *особые* задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат не ставил и не мог ставить.

Класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплуататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз. «Искусство» государственного, военного, экономического управления дает им перевес очень и очень большой, так что их значение несравненно больше, чем доля их в общем числе населения. Классовая борьба свергнутых эксплуататоров против победившего авангарда эксплуатируемых, т. е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной. И это не может быть иначе, если говорить о революции, если не подменять этого понятия (как делают все герои II Интернационала) реформистскими иллюзиями.

Наконец, крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает *и* при диктатуре пролетариата среднее,

промежуточное положение: с одной стороны, это — довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, объединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это — обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.

По отношению к этому классу — или к этим общественным элементам — задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых — вот что должен делать пролетариат.

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы и их видоизмененное диктатурой пролетариата взаимоотношение, мы увидим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является ходячее, мелкобуржуазное представление о переходе к социализму «через демократию» вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предвзвешенный расчет безусловного, внеклассового содержания «демократии» — вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую фазу при диктатуре пролетариата, и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия

на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.

Энгельс давно разъяснил в «Анти-Дюринге», что понятие равенства, будучи слепком с отношений товарного производства, превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле *уничтожения классов*. Эту азбучную истину об отличии буржуазно-демократического и социалистического понятия равенства постоянно забывают. А если не забывать ее, то становится очевидным, что пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов и что для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

(Продолжение следует.)¹

30. X. 1919.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 476—483.

¹ Статья не закончена. *Ред.*

ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ

РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ 2 ОКТЯБРЯ 1920 г.

Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и, в связи с этим, — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы — чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом.

Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества.

Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учиться и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но этот ответ: «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно или когда она понимается слишком однобоко.

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно.

Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы не умеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это — полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам коммунистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным.

Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы вовремя эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки?

Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии.

В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию.

Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм.

Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория,

коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма.

И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука.

Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

Все эти пути и дорожки подводили, и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно придти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе.

Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека.

Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. Такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей?

Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, уменьше и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое, коммунистическое общество.

Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить уменьше взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче: научиться коммунизму.

Чтобы это вам пояснить, подходя в то же время к вопросу, как учиться, я возьму пример практический. Вы все знаете,

что перед нами сейчас же вслед за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная.

Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение.

Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве.

Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение.

Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием.

У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, умения сплотить свои силы.

Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы

поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно.

Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груды развалин, как и следовало его превратить в груды развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество.

Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.

Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте.

Здесь я естественно подхожу к вопросу о том, как мы должны учить коммунизму, в чем должна состоять особенность наших приемов.

Я здесь остановлюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали.

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменить понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуйдеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, — к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира.

И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу, за которую идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другой.

Если одна часть общества присваивает себе всю землю, — мы имеем классы помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, — мы имеем классы капиталистов и пролетариев.

Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов.

Но уничтожить классы несравненно труднее; все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «Чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя,

помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных.

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это — классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы раздробленная масса темного крестьянства соединилась в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача — подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность — это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что, чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист?

Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И, чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торговства не допускать, для этого нужно, чтобы отдельные лица

не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество.

В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем.

Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание.

Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты, — тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами.

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным.

А наша школа должна давать молодежи основы знания, уметь вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна

за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров.

Союз коммунистической молодежи только тогда оправдает свое звание, что он есть союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывает с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что, пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их, что каждый раз нам угрожает новый натиск; что, только если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы.

Таким образом, быть коммунистом — это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

Чтобы сделать это вам более ясным, я приведу пример. Мы называем себя коммунистами.

Что такое коммунист?

Коммунист — слово латинское. Коммунист от слова общий. Коммунистическое общество значит — все общее: земля, фабрики, общий труд, — вот что такое коммунизм.

Может ли труд быть общим, если каждый ведет свое хозяйство на отдельном участке? Сразу общего труда не создашь. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать, это создается в ходе борьбы. Тут не старая книжка — книжке никто бы не поверил. Тут собственный жизненный опыт.

Когда Колчак и Деникин шли из Сибири и с юга, крестьяне были на их стороне. Большевизм им не нравился, так как большевики берут хлеб по твердой цене. А когда крестьяне испытали в Сибири и на Украине власть Колчака и Деникина, они узнали, что крестьянину выбора нет: либо иди к капиталисту, и он отдаст тебя в рабство помещику, либо иди за рабочим, который, правда, молочные реки в кисельных берегах не обещает, который требует от тебя железной

дисциплины и твердости в тяжелой борьбе, но который выводит тебя из рабства у капиталистов и помещиков.

Когда даже темные крестьяне поняли и увидели это на собственном опыте, тогда они стали сознательными, прошедшими тяжелую школу, сторонниками коммунизма. Такой опыт и должен положить в основу всей своей деятельности Союз коммунистической молодежи.

Я ответил на вопросы, чему мы должны учиться, что нам нужно взять из старой школы и старой науки. Я постараюсь ответить и на вопрос, как этому нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, образования и учения неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров.

На нескольких примерах, взятых из опыта работы той или другой организации молодежи, я покажу вам наглядно, как это воспитание коммунизма должно идти.

Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело.

Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело.

Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную нельзя; но, если за это дело возьмется Союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400.000 юношей и девушек, имеет право называться Союзом коммунистической молодежи. Задача союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности.

Быть членами Союза молодежи значит вести дело так,

чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Для примера возьмите работу на подгородных огородах. Разве это не дело? Это одна из задач Союза коммунистической молодежи. Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется по-старому.

И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взяли за дело, и вы тогда увидите, что огороды увеличатся, площадь их расширится, результаты улучшатся. В этом деле Союз коммунистической молодежи должен принимать активное участие. Каждый союз или каждая ячейка Союза должны считать это дело своим делом.

Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел бы в нем людей, учение которых, возможно, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, и не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

Если Союз коммунистической молодежи во всех областях не сумеет построить так свою работу, это значит, что он сбивается на старый, буржуазный путь.

Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплуататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают.

Члены союза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород, или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи и т. д.

Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Союз коммунистической молодежи свое образование, свое учение и свое

воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр.

Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде.

Задача Союза коммунистической молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле, — беру маленький пример — как обеспечение чистоты или распределение пищи.

Как это делалось в капиталистическом старом обществе?

Каждый работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые или больные, или все хозяйство падает на плечи женщины, которая поэтому находится в состоянии подавленном и порабощенном. Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переедаем, мы организуем отряды молодых людей, которые будут помогать обеспечению чистоты или распределению пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организованным трудом.

Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.

И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов,

угнетавших массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок.

Надо, чтобы Союз коммунистической молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде.

Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены.

Нам следует рассчитывать, что нужно не меньше 10 лет для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая земля могла быть обслужена по последним достижениям техники.

И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными, сознательными трудящимися, только в этом длительном процессе Союз коммунистической молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 602—615.

О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОК Н. СУХАНОВА

I

Перелистывал эти дни записки Суханова о революции. Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорочками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого образца, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты, и даже не замечены, например, указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 1856 г., когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением, — даже это прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей каши.

Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают

свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством. Но даже и чисто теоретически у них всех бросается в глаза полная неспособность понять следующие соображения марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом *mutatis mutandis*¹ не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало. До сих пор мы видим, что буржуазия богатейших стран не может наладить «нормальных» буржуазных отношений после этой войны, а наши реформисты, мелкие буржуа, корчащие из себя революционеров, считали и считают пределом (его же не преиждеша) нормальные буржуазные отношения, причем понимают эту «норму» до крайности шаблонно и узко.

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран вне-европейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития

¹ — с соответственными изменениями. *Ред.*

западно-европейской социал-демократии, и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западно-европейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что, если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем

предпосылок для этого определенного уровня, а *потом уже*, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

16 января 1923 г.

II

Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 г. в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция.

Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками.

17 января 1923 г.

Избранные произведения в двух томах,
т. II, 1943, стр. 767—769.

О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА

...Мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к № 1—2.

В этом заявлении говорится, что не все объединившиеся вокруг журнала «Под знаменем марксизма» — коммунисты, но все последовательные материалисты. Я думаю, что этот союз коммунистов с не-коммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с не-коммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал «Под знаменем марксизма». У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная мате-

риалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, с.-р. и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности.

Во всяком случае, у нас в России есть еще — и довольно долго, несомненно, будут — материалисты из лагеря не-коммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества». Дицген-отец, которого не надо смешивать с его столь же претенциозным, сколь неудачным литератором-сыном, выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины».

Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратья во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет им глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем обще-экономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная хотя бы с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна, — чтобы представить

себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений.

Из указанного видно, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими» публицистами.

Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма. У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма. Чрезвычайно существенно поэтому, чтобы в дополнение к работе соответствующих государственных учреждений, в исправление ее и в оживление ее, журнал, посвящающий себя задаче — стать органом воинствующего материализма, вел неутомимую атеистическую пропаганду и борьбу. Надо внимательно следить за всей соответствующей литературой на всех языках, переводя или, по крайней мере, реферируя все сколько-нибудь ценное в этой области.

Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца XVIII века. К стыду нашему, мы до сих пор этого не сделали (одно из многочисленных доказательств того, что завоевать власть в революционную эпоху гораздо легче, чем суметь правильно эту властью пользоваться). Иногда оправдывают эту нашу вялость, бездеятельность и неумелость всяческими «выспренними» соображениями: например, дескать, старая атеистическая литература XVIII века устарела, ненаучна, наивна и т. д. Нет ничего хуже подобных, якобы ученых, софизмов, прикрывающих либо педантство, либо полное непонимание марксизма. Конечно, и ненаучного,

и наивного найдется немало в атеистических произведениях революционеров XVIII века. Но никто не мешает издателям этих сочинений сократить их и снабдить короткими послесловиями с указанием на прогресс научной критики религий, проделанный человечеством с конца XVIII века, с указанием на соответствующие новейшие сочинения и т. д. Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно, крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.

Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают. Все сколько-нибудь крупные произведения Маркса и Энгельса у нас переведены. Опасаться, что старый атеизм и старый материализм останутся у нас недополненными теми исправлениями, которые внесли Маркс и Энгельс, нет решительно никаких оснований. Самое важное — чаще всего именно это забывают наши якобы марксистские, а на самом деле уродующие марксизм коммунисты — это суметь заинтересовать совсем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий.

С другой стороны, взгляните на представителей современной научной критики религий. Почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же

собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их как идейных рабов буржуазии, как «дипломированных лакеев поповщины».

Два примера. Проф. Р. Ю. Виппер издал в 1918 г. книжечку: «Возникновение христианства» (изд. «Фарос». Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической, и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии.

Известный немецкий ученый, Артур Древе, опровергая в своей книге «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого издания, 1910 года). Это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками.

Это не значит, чтобы не надо было переводить Древе. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Древедами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами.

Журнал «Под знаменем марксизма», который хочет быть органом воинствующего материализма, должен уделять мно-

го места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды.

Чрезвычайно важны все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Северной Америки, в которых меньше проявляется официальная, казенная, государственная связь религии и капитала. Но зато нам яснее становится, что так называемая «современная демократия» (перед которой так неразумно разбивают свой лоб меньшевики, с.-р. и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.

Хотелось бы надеяться, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, даст нашей читающей публике обзоры атеистической литературы с характеристикой, для какого круга читателей и в каком отношении могли бы быть подходящими те или иные произведения, и с указанием того, что появилось у нас (появившимся надо считать только сносные переводы, а их не так много) и что должно быть еще издано.

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма.

Помещенная в 1—2 номере журнала «Под знаменем марксизма» статья А. Тимирязева о теории относительности

Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз. Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленница. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей, — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века.

И для того чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под знаменем марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью

и своим историческим сном обуславливали до сих пор застои и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм.

Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под знаменем марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае.

В заключение приведу пример, не относящийся к области философии, но во всяком случае относящийся к области

общественных вопросов, которым также хочет уделить внимание журнал «Под знаменем марксизма».

Это один из примеров того, как современная якобы наука на самом деле служит проводником грубейших и гнуснейших реакционных взглядов.

Недавно мне прислали журнал «Экономист» № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом «Русского Технического Общества». Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.

Некий г. П. А. Сорокин помещает в этом журнале обширные якобы «социологические» исследования «О влиянии войны». Ученая статья пестрит учеными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных зарубежных учителей и сотоварищей. Вот какова его ученость:

На странице 83-й читаю:

«На 10.000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 развода — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11% — менее одного месяца, 22% — менее двух месяцев, 41% — менее 3–6 месяцев и лишь 26% — свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои „аппетиты“» («Экономист» № 1, стр. 83-я).

Нет сомнения, что и этот господин, и то «Русское Техническое Общество», которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины».

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее

демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, с.-р. и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, провела решительную борьбу в указанном отношении, как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

Если г. Сорокину 92 развода на 10.000 браков кажется цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше. Россия в этом отношении отличается от других стран только тем, что ее законы не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия.

Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников. Вероятно, не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше,

чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобным преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливоенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место.

Научится, была бы охота учиться.

12. III. 22.

Соч., 3 изд., т. XXVII, стр. 180–190.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА, УПОМЯНУТЫХ В НАСТОЯЩЕМ СБОРНИКЕ

- Анти-Дюринг.* Ф. Энгельс (1878) — 10, 11, 33, 43, 58, 72, 179, 232, 241, 242, 452.
- Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.* К. Маркс (1852) — 41, 119.
- Господин Фогт.* К. Маркс (1860) — 8, 42.
- Гражданская война во Франции.* К. Маркс (1871) — 8, 43, 387.
- Капитал.* К. Маркс (1867—1894) — 8, 9, 18, 20, 22, 43, 50, 58, 59, 73, 104, 178, 202, 231, 292, 414, 482.
— т. I (1867) — 8, 10, 14, 20, 24, 28, 30, 32, 43, 231.
— т. II (1885) — 24, 43, 59.
— т. III (1894) — 25, 26, 28, 29, 43, 59.
- К критике политической экономии.* К. Маркс (1859) — 8, 14, 42.
- Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.* К. Маркс (1850) — 29, 41.
- Коммунистический манифест.* — см. Манифест коммунистической партии.
- Крестьянская война в Германии.* Ф. Энгельс (1850) — 124.
- Крестьянский вопрос во Франции и Германии.* Ф. Энгельс (1894) — 34.
- Критика Готской программы.* К. Маркс (1875) — 43, 199, 329, 344, 346, 352.
- Людвиг Фейербах.* Ф. Энгельс (1888) — 10, 40, 58, 72, 232, 241.
- Манифест коммунистической партии.* К. Маркс и Ф. Энгельс (1848) — 7, 16, 17, 32, 35, 36, 40, 57, 68, 72, 77, 101, 104, 162, 163, 188, 224, 329, 347, 389.
- Ницета философии.* К. Маркс (1847) — 7, 35, 40, 67.
- Очерки критики политической экономии.* Ф. Энгельс (1844) — 57.
- Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса (с 1844 по 1883).*
- Письма Энгельса Марксу.*
22 февраля 1845 г. — 66.
18 сентября 1846 г. — 67.
23 октября 1846 г. — 67.
24 ноября 1847 г. — 68.
23 мая 1851 г. — 279.
7 октября 1858 г. — 315.
20 ноября 1868 г. — 281.
24 октября 1869 г. — 281.
11 августа 1881 г. — 315.
- Письма Маркса Энгельсу.*
2 августа 1862 г. — 27.
9 августа 1862 г. — 27.
4 ноября 1864 г. — 279.
7 июня 1866 г. — 280.
20 июня 1866 г. — 280.
7 июля 1866 г. — 15.
3 июня 1867 г. — 280.
2 ноября 1867 г. — 281.
30 ноября 1867 г. — 281.

- 17 декабря 1867 г. — 281.
 8 января 1868 г. — 14.
 12 декабря 1868 г. — 11.
 18 августа 1869 г. — 281.
 18 ноября 1869 г. — 282.
 10 декабря 1869 г. — 282.
 5 июля 1870 г. — 278.
- Письмо Маркса Браккэ*
 5 мая 1875 г. — 344.
- Письмо Энгельса Бебелю*
 18—28 марта 1875 г. — 344.
- Письмо Энгельса Брюссельскому коммунистическому комитету сношений.*
 23 октября 1846 г. — 67.
- Письмо Маркса Вейдемейеру*
 5 марта 1852 г. — 342.
- Письма Маркса и Энгельса к Зорге: Энгельса:*
 21 сентября 1872 г. — 315.
- Маркса:*
 4 августа 1874 г. — 315.
 27 сентября 1877 г. — 201.
 19 октября 1877 г. — 191.
 19 сентября 1879 г. — 191, 198.
 19 ноября 1879 г. — 192.
 5 ноября 1880 г. — 192, 202.
 20 июня 1881 г. — 189.
- Энгельса:*
 20 июня 1882 г. — 193.
 31 декабря 1884 г. — 193.
 3 июня 1885 г. — 193.
 29 апреля 1886 г. — 200.
 29 ноября 1886 г. — 189, 199.
 3 марта 1887 г. — 194.
 6 апреля 1887 г. — 202.
 9 апреля 1887 г. — 202.
 23 апреля 1887 г. — 203.
 12 января 1889 г. — 194.
 11 мая 1889 г. — 194.
 8 июня 1889 г. — 195.
 17 июля 1889 г. — 195.
 20 июля 1889 г. — 195.
 7 декабря 1889 г. — 200, 316.
 19 апреля 1890 г. — 316.
- 4 марта 1891 г. — 316.
 14 сентября 1891 г. — 316.
 24 октября 1891 г. — 201.
 10 ноября 1894 г. — 196.
 4 декабря 1894 г. — 197.
- Письмо Энгельса Каутскому*
 12 сентября 1882 г. — 306—307, 316, 327.
- Письма Энгельса Келли-Вишневецкой:*
 28 декабря 1886 г. — 188—189.
 27 января 1887 г. — 188.
- Письма Маркса Кугельману:*
 6 апреля 1866 г. — 179.
 11 июля 1868 г. — 178.
 27 июня 1870 г. — 231.
 13 декабря 1870 г. — 231.
 12 апреля 1871 г. — 182.
 17 апреля 1871 г. — 184.
- Письмо Маркса Фейербаху.*
 20 октября 1843 г. — 230.
- Положение рабочего класса в Англии. Ф. Энгельс (1845) — 55—56, 65, 316.*
- Предисловие к третьему изданию «Крестьянской войны в Германии». Ф. Энгельс (1875) — 124—125.*
- Предисловие к третьему немецкому изданию брошюры К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Ф. Энгельс (1885) — 119.*
- Происхождение семьи, частной собственности и государства. Ф. Энгельс (1884) — 33, 58, 425, 438.*
- Святое семейство или критика критической критики. К. Маркс и Ф. Энгельс (1845) — 10, 39—40, 56.*
- Статьи К. Маркса в «Новой Рейнской Газете» (1848—1849) — 7, 36—37, 40—41, 57, 155, 156, 157, 158, 159.*

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аграрный вопрос* — 26–30, 147–154, 205–209, 223, 338.
- Базис и надстройка* — 14–16, 73, 207, 211, 260–261.
- Бернштейнианство* — 105, 113, 118, 220, 226, 268, 365.
См. также Ревизионизм, Оппортунизм.
- Бланкизм* — 106, 169, 242, 249–250, 339–340, 365.
- Буржуазия* — в революции 1848 г. — 36–37, 78, 158, 160.
— либеральная — 78, 160, 208, 224, 261, 272.
— и пролетариат — 17, 30–31, 35–36, 94–95, 254, 256–257, 315.
— в России после революции 1905 г. — 199, 260–261, 275.
- Буржуазия мелкая* — 91, 227, 261, 402, 403.
См. также Крестьянство.
- Бытие и мышление* — 9–12, 14–16, 73.
- ВКП(б)* — см. Партия пролетарская.
- Войны* — справедливые — 325–328, 404.
— несправедливые, реакционные — 300–304, 326.
— гражданские — 172–173, 175–176, 327, 376.
— национально-освободительные — 326–328.
— империалистические — 325–328, 331, 409.
- Восстание вооруженное* — 175–176, 182–185, 365–370, 371–373.
- Государство* — сущность и формы — 32–33, 78, 330, 342–364, 386, 389–390, 422–441.
— основные функции — 344, 363–364.
— возникновение — 32–33, 362, 426–431.
— рабовладельческое — 32, 431–436.
— крепостническое — 32, 433–435.
— буржуазное — 32–33, 330, 344, 346, 350, 386, 397, 435–441.
— пролетарское, социалистическое — 33, 330, 344, 347, 352–355, 363–364, 397, 441.
— при коммунизме — 344–346, 349–351, 355–364.
См. также Диктатура пролетариата.
- Демократия* — буржуазная — 224–225, 347–348, 350, 397.
См. также Государство буржуазное.
— пролетарская, социалистическая — 349–350, 359–360, 397–398, 400.
См. также Диктатура пролетариата.

- Диалектика* — материалистическая (определение) — 7, 12—14, 34—35, 72—73, 143, 259, 291—295, 358.
- Гегеля — 12—14, 54, 143, 231, 291—295, 482—483.
 - борьба противоположностей как суть диалектики — 13—14, 142—143, 210—211, 254—255, 291—292.
 - как теория познания — 13, 294.
 - в общественной жизни и тактика пролетариата — 34—36, 37—38, 64, 187—188, 244, 345—346, 482—483.
 - и естествознание — 12, 64, 73, 294, 482—484.
 - и метафизика — 10—12, 295.
- См. также Диалектический материализм, Марксизм, Философия.
- Диалектический материализм* — 7, 9—14, 58, 72—73, 206, 241, 245—246, 255, 291—295.
- См. также Диалектика, Марксизм, Философия.
- Диктатура пролетариата* — 31, 81, 156—158, 342—344, 349, 380—390, 400—404, 406—407, 449—452.
- основное в марксизме — 342—344, 393, 397—399.
 - и переход от капитализма к коммунизму — 30—31, 69—70, 81—82, 289—290, 344, 347—351, 382, 401—404, 442—445, 449—452.
- См. также Государство пролетарское, социалистическое, Демократия пролетарская, социалистическая.
- Дисциплина* — партийная — 81, 82.
- при диктатуре пролетариата — 81—82, 401—403, 406, 409—410, 459.
- Идеализм* — 10—11, 54, 72, 73, 221, 229—232, 295.
- Идеология* — буржуазная — 135—140, 255, 266.
- пролетарская, социалистическая — 135—140, 220, 241.
- Империализм* — 287—288, 300—301, 308—310, 315, 317—318, 326, 388.
- Интеллигенция* — буржуазная — 89—90, 180, 377, 402, 411, 419, 482.
- пролетарская, социалистическая — 91—92, 128.
- Интернационал* — Первый — 8, 38, 78, 392, 393.
- Второй — 329, 330, 332, 392, 393, 397, 398, 443, 445, 450, 451.
 - Бернский — 407, 408, 414—415.
 - Третий — см. Коммунистический Интернационал.
- Исторический материализм* — общая характеристика — 11—12, 14—16, 52, 54—55, 64, 73, 76, 77—78, 96—99, 118, 190, 229—240, 259, 344, 425.
- См. также Базис и надстройка, Диалектика в общественной жизни и тактика пролетариата, Классы и классовая борьба, Производительные силы и производственные отношения, Революция.
- Капитализм* — 18, 22—24, 27—30, 31, 74—75, 223—224, 227, 254, 287—288, 289, 413, 435—436, 445. См. также Империализм.
- Каутскианство* — 310—311, 317—318, 322, 343, 380—390, 397—399, 400—401.
- Классы и классовая борьба* — 16—18, 24, 34—38, 52—53, 69—70, 75—76, 82—84, 95—99, 166—176, 327—328, 343—344, 407—408, 426—430, 449—452, 462—464.
- возникновение классов — 32, 52, 314, 427—429.
 - классовая борьба пролетариата (экономическая, политическая и теоретическая) — 18, 22, 30—31, 35—36, 52—53, 55—56, 60, 80, 85—86, 95, 96, 104—106, 114—116, 124—126, 128—129.
 - уничтожение классов — 33, 342, 349, 402—403, 407—408, 447—452, 463.

- Колониальный вопрос* — 287–288, 309–310, 311–313, 315, 317–318.
- Коммунизм* — 67–68, 88, 329, 345–346, 352–364, 406–407, 414, 416, 417, 443–444, 454–461, 467.
- Коммунистический Интернационал* — 391–399.
- Коммунистическое воспитание* — 32, 305, 453–471.
- Крестьянство* — 17–18, 33–34, 37, 78, 110, 159–161, 196–197, 205–206, 208, 338–339, 402, 420–421, 433–434, 436, 445, 447–449, 450–451, 463–464.
- Кризисы капиталистические* — 23, 75, 223–224, 288.
- Лассальянство* — 8, 37, 104, 106, 344, 352–353.
- Либерализм* — 78, 79, 199, 203–204, 212–213, 224–225, 255, 267, 270.
- Ликвидаторство* — 269–277.
- Марксизм* — общая характеристика — 5–38, 52–61, 69–70, 71–76, 77–80, 83, 96–99, 166–167, 177–185, 186–204, 210–211, 219–220, 230–233, 241–247, 334, 342–344, 344–346, 358, 393, 398–399, 456–457, 472, 482–483.
- источники и составные части марксизма — 5–6, 9, 12–13, 54, 71–76, 124–125, 128, 241, 457.
- не догма, а руководство к действию — 83, 93–94, 113–114, 166–167, 188, 259, 262, 334–337, 472–475.
- философия марксизма — см. Диалектический материализм.
- экономическое учение К. Маркса — 8, 18–30, 57, 73–75, 178, 222–224.
- Материализм* — философский — 7, 9–12, 72–73, 76, 229–240, 241.
- вульгарный — 12, 179.
- французский XVIII в. — 10, 72, 241, 244, 249, 478–479.
- Фейербаха — 5–6, 9–10, 11–12, 241–242, 244, 249.
- диалектический — см. Диалектический материализм.
- и эмпириокритицизм — 229–240.
- Материалистическое понимание истории* — см. Исторический материализм.
- Махизм и махисты* — 229–230, 235–240, 263.
- Мелкая буржуазия* — см. Буржуазия мелкая.
- Меньшевизм* — 141–146, 164–165, 215–217, 380, 398.
- Мильеранизм* — 118, 119, 225.
- См. также Бернштейнианство, Ревизионизм, Оппортунизм.
- Мораль* — буржуазная — 462, 463.
- коммунистическая — 462–466.
- Мышление и бытие* — см. Бытие и мышление.
- Народничество* — 77, 88–91, 98–99.
- Национальный вопрос* — 32, 278–285, 296–297, 298–307.
- Обнищание масс при капитализме* — 24, 28–30, 74, 118, 205–206, 254, 435.
- Общественно-экономические формации* — 14–16, 19, 428–429.
- первобытно-общинная — 16, 426–427, 431.
- рабовладельческая — 427–428, 431.
- феодальная (крепостническая) — 428, 433–434.
- капиталистическая — 17, 18, 428–429, 435–436. См. также Капитализм.
- социалистическая — см. Социализм.
- Октябрьская социалистическая революция 1917 г. — 396, 472–475.
- Оппортунизм в рабочем движении* — 38, 79, 105, 119–120, 122, 144–146, 191–196, 196–201, 243, 249, 253, 313–315, 320, 323–324, 343–344, 365.
- его классовые корни — 226, 227, 253–258, 266–267, 313, 315–321.

- См. также Бернштейнианство, Ревизионизм, Реформизм, «Экономизм», Меньшевизм.
- Парламентаризм* — 157, 174, 198, 224–225, 320, 321, 438–439.
- Партия пролетарская* — общая характеристика — 78–79, 82–84, 89, 94–96, 106, 109–111, 112–116, 118–121, 122–124, 131–132, 141–146, 153, 162–163, 189, 250, 329–333, 419–420, 476.
- идеологические основы — 7, 82–84, 91–99, 104–111, 112–116, 117–140.
- организационные основы — 81–84, 120–121, 141–146, 419–420.
- политические, тактические основы — 34–38, 82, 153, 155–165, 334–341.
- теоретические основы — 7, 9–16, 72–73, 83–84, 91–94, 96–99, 112–116, 121–126, 229–240, 241, 291–295, 342–344, 472–475. См. также Диалектика, Диалектический материализм, Исторический материализм, Марксизм, Материализм философский, Теория.
- Политическая экономия* — 18–30, 57, 73–75, 222–224.
- Право буржуазное и социализм* — 352–355, 358–359.
- Прибавочная стоимость* — 20–30, 74–75.
- Прибыль* — 25–26, 74, 312–313, 315, 318–319.
- Программа партии* — 92, 112–116, 338, 401, 414, 441, 444.
- Производительные силы и производственные отношения* — 14–16, 18, 23–24, 55, 91–92, 97–98, 254, 355–356, 408.
- Пролетариат* — его всемирно-историческая роль — 7, 17, 55, 77, 88, 89, 94–96, 126, 205, 250, 275, 401, 403–404, 406–410, 450.
- и союз с крестьянством — 33–34, 37, 153–154, 396, 447–448, 450–451, 463–464, 472, 474.
- гегемония пролетариата — 94–96, 106–107, 153–154, 205, 250, 267–268, 402, 407–408, 450–451, 462–464.
- интернационализм пролетариата — 32, 96, 123, 283, 296–297, 304–306, 392–393.
- Прудонизм* — 7, 67, 124, 220, 279–280, 288, 296–297, 301, 302.
- Равенство* — 352–355, 359–361, 403, 440–441, 447, 449–452.
- Ревизионизм* — 135–136, 220–228, 253–258.
- См. также Бернштейнианство, «Экономизм», Оппортунизм.
- Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства* — 157–161, 335–339, 396.
- Революция* — ее причины и значение — 14–15, 24, 75–76, 96, 153, 205–209, 210–211, 330–333, 335, 374–379, 389.
- буржуазная французская 1789–1793 гг. — 17, 75, 159, 212, 214, 394.
- 1848 г. и тактика К. Маркса и Ф. Энгельса — 7, 36–37, 57–58, 77–78, 155–165, 179–180, 211–212, 296–297, 299–300.
- 1905 г., ее характер и движущие силы — 79, 153–154, 160, 179, 205–209, 213–218, 225, 260–261, 396.
- буржуазно-демократическая и тактика пролетариата — 36–37, 153–154, 155–165, 205–208, 210–218, 250, 283–284, 334–341.
- пролетарская, социалистическая — 37, 69–70, 96, 153–154, 182, 227–228, 266, 286–287, 307, 322–324, 331–333, 376–379, 386, 396, 472–475.
- Религия и борьба с ней* — 10, 76, 233–235, 241–252, 478–481.
- Реформа и революция* — 75–76, 118, 265–277, 284, 302–303.

- Реформизм* — 106, 255, 265–277, 343, 472–473.
См. также Оппортунизм.
- Собственность* — частная — 24, 27, 28–29, 33, 52–53, 55, 57, 354, 436.
— общественная — 31, 33, 329, 354, 355, 358, 464.
- Советы* — 339, 351, 357, 393, 394, 396, 398, 400–401.
- Социализм* — 9, 30–34, 124–125, 329, 352–355, 401–402, 407, 412–414, 416–417, 447–452, 473–475.
— неизбежный результат общественного развития — 23–24, 30–31, 52, 55, 69–70, 112–113, 118, 310, 329, 345–346, 457.
— его победа в одной, отдельно взятой стране — 289, 327, 473–475.
— первая фаза коммунизма — 329, 344, 352–355, 357–358, 360–361, 406, 407, 443–445.
— и коммунизм — 7, 67–68, 329, 345–346, 355–364, 406, 407, 414, 443–445, 467, 470–471.
- Социализм утопический* — 7, 8, 52, 75, 77–78, 93, 106, 124–125.
- Социал-шовинизм* — 308, 314, 322–323, 332, 375, 400, 402.
- Стихийность и сознательность* — 126–140.
- Стоимость* — теория трудовой стоимости, ее значение — 18–22, 73–74, 178.
- Тактика классовой борьбы пролетариата* — 7, 34–38, 96–97, 166–176, 180–181, 187–188, 210–218, 242–244, 261, 334–341.
- Теория* — значение революционной теории — 7, 9, 69, 71–72, 82–83, 91–93, 96–99, 110, 112–114, 121–126, 138, 180–181, 219–220, 345–346, 393.
— теория и практика, их единство — 34, 82–83, 88–89, 92–93, 97–99, 113–114, 180–181, 210–211, 453–471.
— партийность теории — 71, 96–98, 124–126, 229–240, 424–425, 476–478.
См. также Диалектика, Диалектический материализм, Марксизм.
- Труд* — общественный характер труда при капитализме — 24, 30, 310, 406.
— производительность труда при капитализме — 22, 26, 30, 413.
— социалистическая производительность труда — 31, 355–356, 413–414, 443–444.
— коммунистический — 355, 406, 409–410, 414, 443–444, 467, 470–471. См. также Социализм, Коммунизм.
- Тред-юнионизм* — 8, 104, 127, 133, 134, 139–140, 315–316, 323.
См. также «Экономизм».
- Утопический социализм* — см. Социализм утопический.
- Философия* — 10–14, 54–55, 221–222, 229–240, 241, 244, 245, 263, 291–295, 476–477, 481–482.
— партийность философии — 11, 229–240, 477–478, 483.
— немецкая конца XVIII и начала XIX вв. и диалектический материализм — 9, 12–14, 54–55, 72, 124, 221–222, 231–232, 291–295, 482.
См. также Диалектика, Диалектический материализм, Идеализм, Материализм философский.
- Чартизм* — 212, 395.
- «Экономизм» в рабочем движении* — 110–111, 114–115, 126–140, 164–165.
См. также Тред-юнионизм.
- Экспроприация экспроприаторов* — 24, 31, 33, 94, 355–356, 357, 444.
- Электрификация страны* — 460, 471.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)	%
КАРЛ МАРКС	5—51
Учение Маркса	9
Философский материализм	—
Диалектика	12
Материалистическое понимание истории	14
Классовая борьба	16
Экономическое учение Маркса	18
Стоимость	—
Прибавочная стоимость	20
Социализм	30
Тактика классовой борьбы пролетариата	34
Библиография марксизма	39
Литература	—
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС	52
ПЕРЕПИСКА МАРКСА С ЭНГЕЛЬСОМ. Энгельс, как один из основателей коммунизма	62
I. Общий обзор	64
РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА МАРКСУ И ЭНГЕЛЬСУ 7 ноября 1918 г.	69
ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ МАРКСИЗМА	71
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ УЧЕНИЯ КАРЛА МАРКСА	77
Из книги: ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ	81
II. Одно из основных условий успеха большевиков.	—
Из книги: ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ? (ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)	85
Приложение III	96
ПРОТЕСТ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ	100
НАША ПРОГРАММА	112
Из книги: ЧТО ДЕЛАТЬ? Наболевшие вопросы нашего движения ..	117—140
I. Догматизм и «свобода критики»	117
а) Что значит «свобода критики»?	—
г) Энгельс о значении теоретической борьбы	121

	Стр.
II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии	126
а) Начало стихийного подъема	—
б) преклонение пред стихийностью. «Рабочая Мысль»	131
Из книги: ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД. (Кризис в нашей партии)	141
с) Нечто о диалектике. Два переворота	—
МАРКС ОБ АМЕРИКАНСКОМ «ЧЕРНОМ ПЕРЕДЕЛЕ»	147
Из книги: ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. После словие. Еще раз освобожденство, еще раз новоискровство	155
III. Вульгарно-буржуазное изображение диктатуры и взгляд на нее Маркса	—
ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА	166
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ПИСЕМ К. МАРКСА к Л. КУГЕЛЬМАНУ	177
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КНИГИ: «ПИСЬМА И. Ф. БЕККЕРА, И. ДИЦГЕНА, Ф. ЭНГЕЛЬСА, К. МАРКСА и др. к Ф. А. ЗОРГЕ и др.»	186
Классическая оценка интеллигентского оппортунизма в социал-демократии	196
Из книги: РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности	205
Предисловие ко второму изданию	—
Из статьи: ПРОТИВ БОЙКОТА. (Из заметок с.-д. публициста)	210
МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ	219
Из книги: МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ. Критические заметки об одной реакционной философии	229
Глава VI. Эмпириокритицизм и исторический материализм	—
4. Партии в философии и философские безголовцы	—
ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ	241
РАЗНОГЛАСИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ	253
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА	259
РЕФОРМИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	265
Из статьи: О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ	278
8. Утопист Карл Маркс и практическая Роза Люксембург	—
О ЛОЗУНГЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ	286
К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ	291
Из тезисов: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ	296
5. Марксизм и Прудонизм в национальном вопросе	—
Из статьи: ИТОГИ ДИСКУССИИ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ	298
7. Марксизм или Прудонизм?	—
9. Письмо Энгельса к Каутскому	306
ИМПЕРИАЛИЗМ И РАСКОЛ СОЦИАЛИЗМА	308

	Стр.
Из статьи: ВОЕННАЯ ПРОГРАММА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ..	325
Из брошюры: ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.	
Проект платформы пролетарской партии	329
Каково должно быть научно-правильное и политически помогающее прояснению сознания пролетариата название нашей партии?	—
Из брошюры: ПИСЬМА О ТАКТИКЕ	334
Письмо I. Оценка момента	—
Из книги: ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции	342—364
Глава II. Государство и революция. Опыт 1848—1851 годов	342
3. Постановка вопроса Марксом в 1852 году	—
Глава V. Экономические основы отмирания государства	344
1. Постановка вопроса Марксом	—
2. Переход от капитализма к коммунизму	347
3. Первая фаза коммунистического общества	352
4. Высшая фаза коммунистического общества	355
МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ. Письмо Центральному Комитету РСДРП ...	365
СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО	371
ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА	374
Из книги: ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ ..	380
Как Каутский превратил Маркса в дюжинного либерала	—
ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ	391
ПРИВЕТ ВЕНГЕРСКИМ РАБОЧИМ	400
Из брошюры: ВЕЛИКИЙ ПОЧИН. О героизме рабочих в тылу.	
По поводу «коммунистических субботников»	405
О ГОСУДАРСТВЕ. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. ...	422
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА .	442
ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. ...	453
О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ. По поводу записок Н. Суханова	472
О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА	476
<i>Указатель произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, упомянутых в настоящем сборнике</i>	487
<i>Предметный указатель.</i>	489
Иллюстрации:	
В. И. Ленин.	
К. Маркс.	
Ф. Энгельс.	
Мавзолей В. И. Ленина.	

«Эта первая победа еще не окончательная победа, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны...

...Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, — вопрос несущественный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана».

14.X.1921 г.

В. И. Ленин «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции».

Подготовитель сборника *Е. А. ВИНОКУРОВА*

ОГИЗ. Госполитиздат. Ленинград. 1946.

Подписано к печати 21/XII 1946 г.

Объем 31 печ. л. 31 160 тип. зн. в 1 печ. л.

Тираж 300 000 экз. М-0919 Заказ № 557.

Цена в переплете 7 руб. 50 коп.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького
треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.